

STUDIUM

2012

Сборник научных статей
философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Москва. 2012

ISBN 978-5-906233-02-8

9 785906 233028

STUDIUM — 2012

Сборник научных статей
философского факультета МГУ

Москва

Центр стратегической конъюнктуры

2012

УДК 101.1::316
ББК 60.51(0)53
С88

Издание осуществлено при содействии
ЦЕНТРА СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КОНЬЮНКТУРЫ

С88 **STUDIUM** — 2012: Сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. Е.М. Мошелкова; Сост. А.В. Воробьев, Т.Ю. Денисова. — М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2012. — 200 с.

ISBN 978–5–906233–02–8

Первый выпуск сборника **STUDIUM** включает статьи преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова по широкому кругу проблем политической психологии, истории мысли, политологии, философии.

Для политологов, философов, историков и всех, кто интересуется историей мысли.

УДК 101.1::316
ББК 60.51(0)53

ISBN 978–5–906233–02–8

© Коллектив авторов, 2012.
© Воробьев А.В., оформление, 2012.

Научное издание

Сдано в набор 04.04.2012. Подписано в печать 10.04.2012.

Формат 60x88/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 16,31.

Тираж 1 000 экз. (1-й завод — 500 экз.). Заказ № 92.

Оригинал-макет и обложка подготовлены *А.В. Воробьевым*
Корректор *Е.В. Феоктистова*

Центр стратегической конъюнктуры **7720376@mail.ru**
141280, МО, г. Ивантеевка, ул. Луговая, д. 1. Тел. +7(495)772–03–76

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.
Лицензия на типографскую деятельность ПД № 00595

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бойко П.Е.</i> Университетская теология как фактор развития национально-государственной и гражданской идентичности, межрелигиозной солидарности и духовной модернизации современной России ... 6	
<i>Бойцова О.Ю.</i> Политическая наука в лицах: Чарльз Эдвард Мерриам (1874–1953)..... 9	
<i>Гаврикова О.В.</i> Философско-политические исследования в университетах России в 60–70-е гг. XIX века..... 15	
<i>Зиничев А.В.</i> Конституционные идеи П.Н. Новгородцева 21	
<i>Исмаилов А.С.</i> Г.П. Федотов и современная христианская демократия 26	
<i>Карпов Б.Н.</i> Механизм функционирования русской государственности: отношения государства с основными социальными слоями и сословиями в XVI–XIX вв. 30	
<i>Каширин А.А.</i> Аспекты международной борьбы за контроль над космическим пространством 34	
<i>Моцелков Е.Н.</i> Философско-политическое и философско-правовое знание в контексте исторической эволюции системы наук (постановка проблемы)..... 39	
<i>Соловьева Д.А.</i> Политическая мысль эпохи Реформации во Франции. Жан Боден и его концепция суверенного государства..... 49	
<i>Сытин А.Г.</i> Демократия и псевдodemократия в осмыслении Карла Ясперса 53	
<i>Судьин Г.Г.</i> «Слово о полку Игореве»: язычество, христианство или двоеверие?... 58	
<i>Томей А.</i> Политика как жанр современной культуры: подход Ричарда Рорти 62	
<i>Филипенко Е.В.</i> «Пруссачество» и «социализм» О. Шпенглера как идентичности в мир-системном анализе И. Валлерстайна 66	
<i>Жуков К.</i> Понятие философии здоровья в современной трактовке и направления современной научной мысли относительно философии здоровья..... 70	
<i>Гавриков В.Д.</i> Особенности инновационной деятельности в условиях модернизации образования 73	
<i>Никандров А.В.</i> Интеллектуалы и политика в послевоенной Италии: Норберто Боббио и коммунисты. Спор о свободе и автономии культуры..... 74	
<i>Никандров А.В.</i> Норберто Боббио о политике и культуре: независимость интеллектуалов и автономия культуры 81	
<i>Никандров А.В.</i> Норберто Боббио, сеятель сомнений Интеллектуальная биография.... 87	
<i>Даудов Р.Х.</i> Трансцендентное и имманентное в структуре мира исламской онтологии 132	

<i>Дранишников С.В.</i> Социально-философские проблемы войны в творчестве российских мыслителей в конце XIX — первой половине XX века.....	136
<i>Ермашов Д.В.</i> Методологические основания и проблемы изучения русского консерватизма.....	138
<i>Соловьев А.В.</i> Проблема конфликта в творчестве А.С. Панарина	143
<i>Пищеничный Г.А., Кадочников А.Н., Каминский Е.Ю., Свинин М.В.</i> Новые технологии экологического мониторинга и выделение аномальных зон в условиях шельфа Баренцева и Белого морей Арктики	150
<i>Багатурия Г.А.</i> К истории создания «Манифеста Коммунистической партии»	159

ТЕЗИСЫ Юбилейной международной научной конференции,
посвященной 70-летию воссоздания философского факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова в структуре Московского университета
«Философия и парадигмы современной науки»
Секция «Прогнозирование в глобальном мире».....

<i>Аласания К.Ю.</i> Проблема анализа методологии политического прогнозирования во французском постмодернизме.....	171
<i>Баженов Г.А.</i> Проблема цели и целеполагания в современной политике	172
<i>Байкалова О.С.</i> Роль консервативного дискурса в выборе долгосрочной стратегии России и стратегическом прогнозировании	173
<i>Бойцова О.Ю.</i> К вопросу о прогностических возможностях политической науки	174
<i>Воробьев В.М.</i> Роль университетов в решении задач локально-глобального характера в сферах экологии и культурного наследия.....	175
<i>Воропаева Т.С.</i> Идентичность как предмет междисциплинарных исследований ...	176
<i>Горелов А.А.</i> Русская идея: вчера, сегодня, завтра	177
<i>Гусова Т.В.</i> Проблема собственности в трудах русских философов	178
<i>Даренский В.Ю.</i> Русский мир как геополитическая реальность	180
<i>Зарубина Н.Н.</i> Александр Панарин: живая озабоченность миром — альтернатива глобализму.....	181
<i>Змихновский С.И.</i> Нелинейная динамика и возможности прогнозирования глобальных процессов	182
<i>Исмаилов Д.Ю.</i> Постсоветское пространство: эффективность стратегий и прогностический потенциал евразийского проекта	183
<i>Каширин А.А.</i> Влияние развития мировой космонавтики в XXI веке на изменение политической ситуации в глобальном мире	184
<i>Кийченко К.И.</i> Школа А.С. Панарина: гуманитарные знания в глобальном политическом прогнозировании	185

<i>Кузнецова М.Б.</i> Прогнозирование в политике, культура и национальная идея России	186
<i>Павленко В.И., Куценко С.Ю.</i> Проблемы прогнозирования развития северных территорий Российской Федерации на основе инноваций	187
<i>Кучмаева И.К.</i> Политические прогнозы А.С. Панарина и наследование культуры	188
<i>Левшенко Ю.И.</i> Политический дискурс: истоки и прогностическая направленность ...	189
<i>Мельникова Н.И.</i> Основные этапы теории модернизации в странах Латинской Америки (вторая половина XX — начало XXI веков)	190
<i>Науменко Т.В.</i> Современная коммуникативистика: направленность исследований и прогноз	191
<i>Осинкин С.А.</i> Политическая нестабильность как фактор политического прогнозирования и планирования	192
<i>Писаренков А.А.</i> Прогностическая функция политической философии: границы и возможности	193
<i>Расторгуев В.Н.</i> Евразийское завтра: прогнозы Константина Леонтьева и Александра Панарина	194
<i>Расторгуева Е.В.</i> Самоконтроль в прогностической деятельности и управление рисками	195
<i>Соловьев А.В.</i> Философия войны и методы прогностической аналитики	196
<i>Стукалова И.А.</i> Перспективы политической идентификации в глобальном сообществе	197
<i>Сытин А.Г.</i> Проблемы прогнозирования будущего политических режимов	198
<i>Татаринов В.В.</i> Пределы воздействия высоких технологий на глобальное прогнозирование	199
<i>Филиппенко Е.В.</i> Феномен «отмирания государства» в интерпретации И. Валлерстайна, М. Хардта и А. Негри	200

**Университетская теология как фактор развития
национально-государственной и гражданской идентичности,
межрелигиозной солидарности и духовной
модернизации современной России**

В настоящее время Россия осознает необходимость единой для всей многонациональной и многоконфессиональной страны системы духовных ценностей, единой национально-государственной и гражданско-правовой идеи. Два десятилетия постсоветской истории были связаны с государственно-идеологическим и ценностно-правовым опустошением общественного сознания нашего Отечества, которое активно заполнялось случайным и эклектичным содержанием. Разрушительные псевдоидеалы космополитизма, массовой культуры и потребительства буквально захлестнули духовную жизнь российского общества, породили в нем идейный и политико-правовой нигилизм, забвение национальной истории и культуры, чувство исторической неполноценности и неуверенности в завтрашнем дне. Неизбежным следствием такого духовного потрясения стали «болезни» всех сфер общественной жизни — демографический кризис, снижение средней продолжительности жизни, высокая детская смертность, разложение института семьи и брака, наркомания и алкоголизм, бедность, криминализация и коррупционные процессы, как печальные символы постсоветской России. Все народы огромной державы оказались перед лицом реальной угрозы прекращения своего исторического бытия, утраты национального самосознания, духовной и культурной самобытности.

Называют много причин, приведших страну к такому положению, но чем больше выдвигают причин этого, тем менее они становятся понятными в действительности. Ведь любое множество предлагаемых причин сразу же влечет за собой вопрос, какая же из них является главной и решающей. На наш взгляд, главной причиной всего этого является невнимание к **классической университетской теологической и философской культуре** с ее идеалами абсолютной свободы духа как выражения божественной природы человеческого бытия. Такое равнодушие — следствие духовной необразованности, которая привела в конце концов к разложению национального духа, его философско-исторического и государственно-правового самосознания. Закономерным следствием разложения стал и кризис национально-государственной идеологии, в результате чего возник идеологический вакуум.

Конституция РФ гласит, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». И вроде бы гарантируемый конституцией идейно-ценностный плюрализм предоставляет гражданскому обществу неограниченные свободы в сфере духовной (философской, научно-образовательной, религиозной и эстетической) деятельности, которая в советскую эпоху была подвергнута мощной идеологической цензуре. Но заявленное положение содержит в себе ряд неустраняемых логических противоречий, суть которых заключена в следующем. Во-первых, сама по себе статья конституции является, несомненно, выражением определенной ценностно-ориентированной идеологической установки, так называемых «прав человека» и «общечеловеческих ценностей». А это значит, что указанное положение имеет чисто декларативный характер и противоречит своему же собственному идеологически-ориентированному содержанию. Во-вторых, это противоречие усугубляется, когда мы

рассматриваем 1-й пункт той же 13-й статьи, который гласит, что «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие». Очевидно, что если государственно-правовое сознание становится на точку зрения ничем не ограниченного идеологического плюрализма, то оно в силу заявленной принципиальной позиции должно будет признать как равноправную и ту точку зрения, которая ей диаметрально противоположна, т.е. концепцию идеологического монизма. Однако в нашей Конституции правовое признание последней почему-то никак не отражено.

Не менее важное: мысль о том, что Конституция РФ является системой согласования множества идеологических ценностей и установок, является несостоятельной, ибо дело-то как раз и заключается в том, что за основание была взята единая идеологическая позиция. Что же это за идеология, в соответствии с которой Россия должна отказаться от какой бы то ни было единой государственной идеологии?

Мы полагаем, что ответ на этот вопрос следовало бы предварить размышлением на тему: что же это за государство, которое не имеет единой национальной идеи? Как известно, государство есть общественно-правовой организм, устройство которого сродни устройству человеческого организма, обладающего разумом, душой и телом. Причем определяющее значение в этой триаде принадлежит именно разуму, т.е. голове, от которой зависят все психические и физиологические процессы в организме. «Головной» государства как раз и является его правовое и духовно-историческое сознание, выраженное в определенной идеологической позиции. Зададимся простым вопросом: как следует называть человека, который пожелал бы остаться без головы лишь на том основании, что в ней-де очень много разных идей, т.е. она (голова) столь «плюралистична», отчего очень трудно решить, какую из этих идей выбрать в качестве руководящей жизненной цели? Очевидно, что это — расколотое сознание, близкое к шизофреническому, ибо налицо распад личности, в результате которого единый дух разлагается в бесконечное множество бессвязных психических процессов. К сожалению, данная аналогия оказывается вполне уместной и в отношении национально-идеологического состояния постсоветской России.

Эта «безыдейная идеология» получила в международном сообществе расплывчатое имя идеологии «общечеловеческих ценностей». Однако такое наименование совсем не выражает ее подлинного содержания. Что является действительно общим для человеческого рода, так это дух, разум, его способность формировать определенное философско-правовое мировоззрение, выражением которого как раз и является государственная идеология. Все остальное (как материальное, так и социальное) роднит нас друг с другом не как людей, но как животных, которые, как и мы, имеют свои особенные сферы обитания, социальные формы поведения и заботятся о пропитании и т. д. Человек, как известно, все же есть нечто большее, чем животное, и поэтому нация и государство как формы объективного *духа* действительны лишь постольку, поскольку оформляют и утверждают себя в идеологии. Другими словами, национальная идея есть духовно-исторический и ценностно-правовой принцип, формирующий само государство и его устройство. Это означает, что в своей государственной и духовно-образовательной политике нам следовало бы обойтись без унижительных расшаркиваний в адрес абстрактной всеобщности (т.е. всеобщности, лишенной особенных и единичных моментов — наций, народностей и суверенных государств) идеологии «общечеловеческих ценностей» (которые, кстати, постоянно нарушаются международной политической элитой, особенно США). Нужно сосредоточить свои усилия на решении вопроса о подлинной национально-государственной патриотической идеологии, в полной мере отражающей духовно-исторические ценности России.

По справедливой оценке В.А. Тишкова, «в России есть нации в привычном нам значении слова — русская, татарская, осетинская, чеченская и другие. Их никто не собирается упразднить, переделывать в других, лишать территориальной или культурной автономии. В России есть российский народ как гражданская нация со своей историей, культурой, ценностями и общими устремлениями, со своими национальными проектами, лидерами, спортивными командами, экономикой и т. д.

Это означает, что наша страна Россия — представляет собой нацию наций. Российский народ как нация связан одним государством, общей историей, общими культурой и общими интересами. Наряду с фестивальной формулой дружбы народов нам необходима формула дружного народа, и формула нации наций обеспечивает единство России. В таком обществе всем россиянам есть место, и культура каждого составляет наше общее достояние»¹.

Важнейшей духовной предпосылкой общенационального единства, гражданской и патриотической солидарности как раз и выступает формирующаяся сейчас в России **университетская теология** (прежде всего — **православная и мусульманская**), которая возвращает народам России их духовную и национально-государственную идентичность, подлинную солидарность в сфере межконфессиональных и социальных отношений.

Интегративная межконфессиональная идентичность полностью соответствует базовым ценностям традиционных российских религий: Православия и Ислама, утверждающих Духовное единство народов.

Исламская университетская теология, в данном случае, опирается на идею всеобщего происхождения и равенства людей: «О люди! Бойтесь вашего Господа, Который сотворил вас из одного человека, сотворил из него пару ему и расселил много мужчин и женщин, произошедших от них обоих. Бойтесь Аллаха, именем Которого вы просите друг друга, и бойтесь разрывать родственные связи. Воистину, Аллах наблюдает за вами» [Сура 4 «ан-Ниса». Аят 1]. Она также призывает благоверного мусульманина заботиться не только о своем «небесном Отечестве», но и о собственном «земном» государстве, о своей Родине: «Посредством того, что Аллах даровал тебе, стремись к Последней обители, но не забывай о своей доле в этом мире! Твори добро, подобно тому, как Аллах сотворил добро для тебя, и не стремись распространять нечестие на земле, ведь Аллах не любит распространяющих нечестие» [Сура 28 «аль-Касас». Аят 77].

Вдохновленный универсализмом этой Суры, великий мусульманский поэт Омар Хайям написал следующие философско-гуманистические строки:

Мы — цель и высшая вершина всей вселенной,
Мы — наилучшая краса юдоли брэнной:
Коль мирозданья круг есть некое кольцо,
В нем, без сомнения, мы камень — драгоценный.

Православно-христианское университетское богословие исходит из принципа духовной всеобщности людей в Церкви, как духовно-мистическом «Теле Христовом» (1 Кор. 12:27). «Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех» (1 Кор. 12:4–6).

Таким образом, благодаря развитию **университетской, философски ориентированной** теологии, мы можем донести до общественного сознания основополагающую мысль: **утверждение общероссийской гражданской солидарности, формирование**

общей системы духовных ориентиров обусловлено укреплением религиозной и нравственно-правовой идентичности. Именно она откроет новые перспективы для сохранения и развития уникального культурного наследия народов России как важнейшего богатства и конкурентного преимущества нашей страны в XXI веке.

Обеспечение общенационального единства и этнокультурного многообразия — важнейшие принципы государственной политики России и в новейшее время, лежащие в основе ее развития как уникальной цивилизации. Именно следование этим принципам позволило нам успешно преодолеть системный кризис, связанный с распадом СССР, укрепить единство страны. Сегодня в России накоплен мощный потенциал, в основе которого — духовно-нравственные ценности великого народа, чувство гордости за свою Родину, ответственность за ее достойное будущее.

XX век и все предшествовавшие столетия показывают, что дух России и ее братских народов развивался через особенные способы бытия истины и ее выражения. Мы завершили эту фазу — фазу, если угодно, язычества в особенных способах истины в истории развития духа россиян. И мы стоим на грани выступления единого, всеобщего момента истины. Мы находимся на грани разумной формы выражения истины в познании природы, истории человеческого духа, природы Бога, их отношения. Мы не исчерпали себя, но исторически подошли к разумной реальности духа России, ее теологического сознания, как основания единой и всеобщей гражданской нации-государства.

---

¹ Выступление В.А. Тишкова на Гражданском форуме 22 января 2008 г. // www.rosnation.ru.

Бойцова О.Ю.

**Политическая наука в лицах:
Чарльз Эдвард Мерриам (1874–1953)**

Имя Чарльза Эдварда Мерриама стоит в ряду тех ученых, влияние которых на судьбы науки неоспоримо. Можно соглашаться с их позицией или критиковать ее, высоко ценить их достижения или обвинять в попытке увести научное сообщество в сторону от «правильного» пути, признавать или отрицать их методы, — но факт, что именно они определили облик современной науки, неоспорим. Мерриам — один из «столпов» западной политологии. Его влияние ощутимо по сей день, несмотря на то, что и основанная им Чикагская школа политических исследований и бихевиоральная эра, у истоков которой стояла эта школа, уже стали достоянием истории. Интерес к Мерриаму¹ поддерживается логикой научной традиции, которая заставляет исследователей обращаться к наследию прошлого и вновь и вновь «проходить пройденное» — актуализировать проблематику и пытаться примерить выводы к современным реалиям, реинтерпретировать понятия и уточнять методы анализа, критически разбирать логику аргументации и искать иные пути ответа на поставленные вопросы. Ведь без такой работы никакая научная дисциплина суще-

ствовать не может — разве что только в виде разрозненных «кружков» по интересам, игнорирующих друг друга в самозабвенном самолюбовании.

Чарльз Мерриам, как известно, вошел в историю политической науки благодаря тому, что в двадцатые годы двадцатого столетия впервые попытался не только теоретически обосновать, но и реализовать на практике принципы систематического эмпирического изучения политических процессов. Конечно, новаторская (едва ли не скандальная) для того времени идея *экспериментального* подхода к исследованию политики, очевидно, появилась у него не без влияния коллег по Чикагскому университету. В общем-то, вполне понятно, что именно в Чикаго начала XX в. — с его клубком социальных, политических, экономических противоречий — идея ориентированной на практику науки как поставщика рецептов эффективного решения проблем встретила понимание и у политиков, и у университетской администрации, и у научного сообщества. Результатом подобного и обного взаимопонимания стало формирование в Чикагском университете нескольких научных школ с ярко выраженной прикладной ориентацией — социологической, экономической, психологической, антропологической, философской и даже литературоведческой. В тот же ряд встала и школа политической науки. Таким образом, путь был уже проложен: популярность сциентистских настроений росла, да и потребность в научном обосновании политических решений была совершенно очевидной. И все же реализация плана Мерриама потребовала значительных усилий.

Впервые Мерриам поставил вопрос о необходимости коренным образом изменить методы политической науки в 1921 г. К этому времени он уже был известной фигурой, за его плечами был значительный опыт работы в местных и федеральных органах власти и даже попытка — правда, неудачная — стать мэром Чикаго в 1919 году. Немаловажно подчеркнуть, что он выдвинул требование перехода к полезному, практически значимому политическому исследованию в качестве президента Американской ассоциации политической науки (ААПН)².

Доклад был призван определить цели и задачи политологического сообщества на ближайшую перспективу. В целом это была программа «позитивизации» политологии, согласно которой исследование не должно быть «чистой» наукой, познанием ради познания. Основная его цель — эффективное решение практических вопросов, достижение которой возможно только на основе «взаимного оплодотворения» политики и науки. Итак, политическая наука призвана понять человеческую природу для того, чтобы научно обоснованная политика получила рецепты эффективного управления обществом.

Для достижения этой цели необходимо решить две наиболее важные, с точки зрения Мерриама, задачи. Во-первых, необходимо освободить политическую теорию от идеологии: политологи не должны обслуживать какие-либо социальные группы. Во-вторых, следует ввести в политическое исследование строгие методы (в первую очередь, практику статистических наблюдений) и перейти к более точному измерению фактов.

Доклад Мерриама не нашел отклика у коллег, убежденных в том, что сравнительно-историческое исследование политических институтов, практикуемое в университетах, отвечает требованию методологической строгости и полностью соответствует критериям научности. Стремление же «измерять» политику и даже ставить «эксперименты» на манер точных наук в их глазах выглядело неоправданным новшеством.

Мерриам вернулся к этому вопросу два года спустя. В 1923 г. после возвращения с дипломатической службы в Италию он возглавил отделение политической науки в

Чикагском университете. И вновь — на этот раз как глава Комитета по политическому исследованию ААН — выступил с тезисом о необходимости заниматься наблюдением и описанием актуального процесса управления, а также развивать строгую методологию, для чего опираться на методы экономики, статистики, истории, антропологии, географии и психологии и других наук. Еще через два года программа Мерриам получила концентрированное изложение в виде формулы: политическая наука — это наука о политическом поведении, или, точнее, эмпирическое исследование конкретных актов политического поведения людей в формальных и неформальных группах. Обоснование такого подхода Мерриам обнаружил в работе «Новые аспекты политики» (1925)³.

Если говорить об аксиоматике, позиция Мерриам строилась на мировоззренческих основах классического либерализма, выводящего формальную структуру политических отношений из «естественной» сущности человека. В соответствии с этим, в качестве единицы исследования выступал «естественный человек» — автономный субъект политического процесса, своего рода «политический атом», который изначально, от природы, наделен особым набором черт и характеристик. Этот набор рассматривался не только как универсальный и неизменный, но и как составляющий природу человека. Он определяет не только специфику человека как биосоциального существа, но и в конечном итоге — всю систему социально-политических отношений любого общества в каждый исторический период его развития. Поскольку же социальные, в том числе и политические, процессы являются частью естественной, природной реальности, то и в обществе действуют законы, причем столь же универсальные, как и в природе. То есть социально-политические отношения подчиняются определенным жестким правилам, они закономерны, упорядочены, воспроизводимы.

Важно подчеркнуть, что в рамках данной аксиоматики центральное место отводится рациональности: она является обязательной составляющей человеческой природы и, в силу этого, определяет специфику социальных процессов, позволяет познать законы социальных взаимодействий и смоделировать политические институты, в наибольшей степени соответствующие требованиям данных законов.

Таким образом, важнейшей философско-методологической предпосылкой концепции Мерриам выступает тезис о том, что политические процессы протекают в неизменных формах, обусловленных неизменной природой индивида, и эти формы подлежат не только рациональному познанию, но и рациональному упорядочиванию. И именно поэтому возможны (и необходимы) не только политическая наука, но и научная политика — выработка оптимальных решений и их наиболее эффективная реализация на основе познанных законов социально-политического взаимодействия. Эти законы, как полагал Ч. Мерриам, и призвана раскрыть политическая наука при помощи строгих методов, позволяющих получить эмпирически подтвержденные, репликативные результаты.

В решении фундаментальных политико-философских вопросов Мерриам следует консенсусной, а не конфликтологической традиции. Он признает, что основой отношений власти и подчинения, определяющих суть политики, служит фундаментальное социальное согласие. Это согласие возникает в обществе по двум причинам. Первая связана с функциональной необходимостью. Социум появляется тогда, когда разрозненность сменяется общностью, имеющей целостный характер. А эта целостность невозможна без консенсуса — при его отсутствии невозможны ни распределение ресурсов, ни управление. Вторая причина — психологическая. В природе человека заложена склонность как к управлению, так и к подчинению, она вы-

ражена в различной степени у разных индивидов, однако в целом образуется баланс между теми, кто стремится к власти, и теми, кто готов признать их волю. Данный баланс и лежит в основе фундаментального согласия. В силу указанных причин, полагает Мерриам, и становится возможным не только оптимальное распределение социальных ролей, но и создание формальных и неформальных структур, через которые реализуется власть.

В признании консенсусной природы власти была заложена возможность расширения проблемного поля политической науки. Помимо институциональных основ политики, на которых было сосредоточено внимание ученых в конце XIX — начале XX вв., такая трактовка открывает путь к анализу поведенческих аспектов политического. В частности, становится очевидной значимость таких вопросов, как природа политического лидерства, детерминанты политического выбора, принципы политической самоидентификации, основания и механизмы легитимации и пр.

Понимание власти как основы социальной интеграции неизбежно актуализирует проблему баланса интересов, причем не только в теоретическом аспекте, но и в сугубо практическом плане. Политическая наука, по Мерриаму, должна не только изучать консенсус между управляющими и подчиняющимися и выявлять пути его формирования. Она призвана разработать систему обоснования легитимности власти и ее идеологического закрепления в общезначимых символах, а также предложить эффективные способы воздействия на граждан, позволяющие добиться поддержки политики государства и реализации принятых решений.

Таким образом, прикладная роль политических исследований заключается, с одной стороны, в целенаправленном формировании гражданской позиции, а с другой — в детальной разработке механизмов управления. Решение данных задач носит долгосрочный характер, оно должно затрагивать как рациональную, так и эмоциональную составляющую личности, поэтому столь важным для политической науки становится обращение к психологии и педагогике, особенно к их экспериментальным методам изучения поведенческих реакций. Данные методы следует применять и в целях анализа политического лидерства, и при исследовании политического выбора граждан.

При изучении политического лидерства психологическая ориентированность программы Мерриам проявляется особенно ярко⁴. Прежде всего, он утверждает, что политическим лидером становится человек, в котором личные качества и психологическая потребность управлять совпадает с психологической потребностью его последователей в подчинении. Поэтому помимо условий, в которых вынуждены действовать лидеры, предметом исследования должны стать их личностные качества, от которых зависит их способность завоевывать поддержку (в этом заключается символический аспект власти) и умение руководить людьми (в этом — ее функциональный аспект). Существенной особенностью позиции Мерриам можно считать внимание к иррациональным компонентам психики и признание важности эмоционально-психологических факторов в объяснении как политического лидерства, так и поведения граждан.

Исследуя проблемы политического управления, Мерриам уделял значительное внимание политическим партиям как главному посреднику между обществом и государством, призванному артикулировать и агрегировать интересы граждан и защищать их при выработке политических решений⁵. Кроме того, к значимым задачам политической науки Мерриам относит разработку основ политического менеджмента (организации и планирования, методов принятия решений и их реализации, распределения ресурсов и отбора персонала и пр.) и — особенно — механизмов «кризисного» управления, позволяющих не допустить гражданского не-

повиновения и эффективно разрешить конфликты в том случае, если подобная ситуация все же возникла. Перевод решения данной задачи в практическую плоскость был связан с совершенствованием работы органов государственной власти, и Мерриам, работая в Комитете Браунлоу⁶, много сил посвятил разработке конкретных рекомендаций, нацеленных на повышение уровня компетентности госслужащих.

Задачу обеспечения поддержки государственной политики со стороны граждан Мерриам также ставил и в теоретическом, и в практическом плане. В теоретическом аспекте данную задачу следовало решать на основе данных анализа политических предпочтений избирателей и принципов легитимации власти (этому были посвящены исследования Чикагской школы), в практическом — путем стимулирования политической активности населения при помощи системы гражданского воспитания. И в этой связи нельзя не упомянуть тот факт, что в 20-х гг. Мерриам разработал и осуществил в Чикагском университете проект «Становление граждан» («The Making of Citizens»), результаты которого позже он обобщил в ряде книг⁷.

Следует особо подчеркнуть, что для Мерриама эти две задачи — научного управления и сознательной поддержки — тесно взаимосвязаны, даже неразрывны. Об этом свидетельствует, к примеру, тот факт, что в работе «Гражданское образование в Соединенных Штатах» (1934) он, через запятую перечисляя самое существенное для их решения, указывает на важность «пропаганды, организации масс и манипулирования ими, выработки системы символов, самого процесса обучения гражданственности»⁸.

Кроме того, Мерриам, в отличие от бихевиоралистов второй половины двадцатого столетия, далек от чистого «менеджеризма». Ему нельзя адресовать упрек, высказанный в президентской речи Д. Истона перед членами ААПН «Новая революция в политической науке»⁹, что он, увлекаясь техникой и методами, оставляет в забвении содержательную и ценностную стороны политической науки. Мерриам видит призвание политической науки как раз в решении ценностно ориентированных задач — в минимизации негативных последствий политических решений, в политической самореализации граждан, в совершенствовании политических институтов в целях обеспечения наилучших условий для жизни. Кроме того, признание необходимости разработки механизмов манипулирования массами в его концепции сочетается с идеей о том, что достижение общего блага является результатом деятельности самих масс. Внедрение в реальную политику научных основ должно привести к раскрытию творческих возможностей человека и в конечном счете к установлению нового типа политических отношений, когда контроль и направление политического курса осуществляются большинством членов общества в соответствии с определенными процедурами. Именно такую систему политической организации Мерриам и считал подлинной демократией.

Но в отличие от «чистого» институционализма, он полагал, что демократия не сводится к наличию демократических институтов. Она не будет действенной, если не удастся сформировать новый, «уравновешенный» тип личности. Под «уравновешенной личностью» Мерриам подразумевал человека, научившегося осознавать и четко выражать свои интересы, находить средства и пути их достижения либо путем завоевания поддержки сограждан, либо путем присоединения к политической партии, наиболее близкой ему по целям и задачам. Только политическая наука способна вооружить и политиков, и рядовых граждан строго обоснованными, достоверными, прикладными знаниями, которые позволят решить эти задачи.

Итак, вдохновленный этими задачами, Мерриам выдвинул обширную программу политических исследований, которые направлены на анализ реальных и политическую

практику, носят междисциплинарный характер и используют эмпирические, экспериментальные, количественные — в том числе статистические — методы. Более того, он предложил (и воплотил в жизнь) новаторский для его времени принцип организации научной работы. Во многом благодаря его усилиям исследование политического поведения приобрело форму проекта, планируемого и реализуемого коллективом ученых в соответствии определенной научной программой при организационном сопровождении специализированных структур (научных центров, подразделений университетов, фондов, исследовательских институтов), с финансовым обеспечением государства и/или частных фондов и целенаправленной информационной поддержкой. Мерриаму принадлежит также заслуга создания организаций, которые обеспечили реализацию проектов Чикагской школы политической науки (и прежде всего, фондов для финансирования работ на городском и федеральном уровнях) и осуществили издательскую программу, позволившую оповестить научное сообщество о результатах проведенных исследований.

Возглавляемая им Чикагская школа политической науки доказала возможность конкретных эмпирических исследований, предложила перспективный формат научного исследования, выработала язык для обсуждения научных проблем. И все же прошло еще почти десятилетие, прежде чем подход Мерриам превратился из эксперимента в рутину и началась поведенческая революция — целая эпоха длиной в три десятилетия, когда бихевиорализм стал доминирующим и отгеснил другие теоретико-методологические подходы на периферию политической науки; эпоха, когда окончательно сформировалась и утвердилась инфраструктура современной политологии; эпоха, которая в итоге развенчала принципы сциентизма в политическом познании. Эпоха, у истоков которой стоял Чарльз Эдвард Мерриам.

ЛИТЕРАТУРА

Merriam C.E. Civic education in the United States. New York: Scribner's, 1934.

Merriam C.E. Four American Party Leaders. N.Y.: Macmillan Co., 1926.

Merriam C.E. New Aspects of Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1925.

Merriam C.E. The Making of Citizens: A Comparative Study of Methods of Civic Training. Chicago: University of Chicago Press, 1931.

Merriam C.E. The Present State of the Study of Politics // American Political Science Review. 1921. Vol. 15. P. 173–185.

Merriam C.E., Gosnell H.F. Non-voting, Causes and Methods of Control. Chicago: University of Chicago Press, 1924.

Мерриам Ч. Новые аспекты политики / Пер. Т.Н. Самсоновой // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 2: Зарубежная политическая мысль, XX в. / Ред.-сост. Г.К.Ашин, Е.Г. Морозова. М.: Мысль, 1997.

Мерриам Ч.Э. Четыре американских партийных лидера / Пред. и пер. Т.Н. Самсоновой, Л.Е. Филипповой // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2003. № 2–4.

Истон Д. Новая революция в политической науке // Социально-политический журнал. 1993. № 8.

Самсонова Т.Н. Мерриам Чарльз Эдвард // Политическая энциклопедия: В 2 т. М.: Мысль, 1999. Т. 1.

Самсонова Т.Н. Ч. Мерриам: у истоков создания «новой науки о политике» // Социально-политический журнал. 1996. № 5.

Филиппова Л.Е. Концепция политической власти Ч.Э. Мерриам : Автореферат дис. ... кандидата политических наук. М., 2006.

Karl B.D. Charles E. Merriam and the Study of Politics. Chicago, L.: University of Chicago Press, 1974.

Leiserson A. Charles Merriam, Max Weber, and the Search for Synthesis in Political Science // *The American Political Science Review*. Vol. 69. № 1. March, 1975.

¹ См., к примеру: *Самсонова Т.Н.* Ч. Мерриам: у истоков создания «новой науки о политике» // Социально-политический журнал. 1996. № 5; *Филиппова Л.Е.* Концепция политической власти Ч.Э. Мерриам : автореферат дис. ... кандидата политических наук. М., 2006; *Karl B.D.* Charles E. Merriam and the Study of Politics. Chicago; London, 1974; *Leiserson A.* Charles Merriam, Max Weber, and the Search for Synthesis in Political Science // *The American Political Science Review*. Vol. 69. 1975. № 1.

² См.: *Merriam C.E.* The Present State of the Study of Politics // *American Political Science Review*. 1921. Vol. 15.

³ *Merriam C.E.* New Aspects of Politics. Chicago, 1925.

Ряд фрагментов данной работы был опубликован на русском языке (см.: *Мерриам Ч.* Новые аспекты политики (фрагменты) / Пер. Т.Н. Самсоновой, А.Л. Алюшина // Социально-политический журнал. 1996. № 5; *Мерриам Ч.* Новые аспекты политики / Пер. Т.Н. Самсоновой // Антология мировой политической мысли: В 5 т. / Ред.-сост. Г.К.Ашин, Е.Г. Морозова. М.: Мысль, 1997. С. 175–184. Т. 2: Зарубежная политическая мысль, XX в.).

⁴ См.: *Merriam C.E.* Four American Party Leaders. N.Y., 1926.

В русском переводе: *Мерриам Ч.Э.* Четыре американских партийных лидера / Пред. и пер. Т.Н. Самсоновой, Л.Е. Филипповой // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2003. № 2–4. См. Также: *Филиппова Л.Е.* Концепция политической власти Ч.Э. Мерриам : автореферат дис. ... кандидата политических наук. М., 2006.

⁵ См.: *Merriam C.E.* The American Party System: An Introduction to the Study of Political Parties in the United States. N.Y., 1922.

⁶ Речь идет об учрежденном в 1936 г. центре, задачей которого была выработка рекомендаций для институтов исполнительной власти — *Committee on Administrative Management*, — руководителем которого был Луис Браунлоу (Louis Brownlow, 1879–1963).

⁷ См.: *Merriam C.E.* The Making of Citizens: A Comparative Study of Methods of Civic Training. Chicago, 1931; *Merriam C.E.* Civic education in the United States. N.Y., 1934.

⁸ *Merriam C.E.* Civic education in the United States. N.Y., 1934. P. 125.

⁹ См.: *Истон Д.* Новая революция в политической науке // Социально-политический журнал. 1993. № 8.

Гаврикова О.В.

Философско-политические исследования в университетах России в 60–70-е гг. XIX века

В 60–70 гг. XIX века политическая наука в российском университетском образовании была на подъеме и успешно развивалась, несмотря на то, что не читалась официально отдельным курсом. Это было обеспечено деятельностью ряда профессоров, которые работали в области права в университетском образовании и хотели, чтобы в России появилось политическое образование. Поэтому, в связи с изучением политической науки в университетском образовании 60–70-х гг. XIX века, необходимо обратить особое внимание на следующих исследователей: Дмитрий Иванович Каче-

новский (Харьковский университет 1849–1872), Пётр Григорьевич Редкин (Московский университет 1835–1848, Санкт-Петербургский университет 1863–1878), Василий Иванович Сергеевич (Московский университет 1867–1872, Санкт-Петербургский университет 1872–1907), Борис Николаевич Чичерин (Московский университет 1856–1868). Все они были теоретиками и историками государственного права — общего курса, который преподавался в российских университетах. Научная деятельность этих ученых имеет отношение к становлению истории философии права (истории политических учений) в России. В этом становлении она связана с первым этапом, заключавшимся в «появлении первых отдельных курсов и трудов по истории политических учений (философии права), начале преподавания этой дисциплины или отдельных ее фрагментов в университетах»¹. Опубликованные ими труды, включавшие множество общих вопросов теории политической науки и поднимавшие ее на более высокий уровень, являлись одновременно изданием курсов, которые они читали в университетах. Важной особенностью было и то, что политологические исследования отечественных мыслителей не были изолированными, а создавались во взаимодействии с зарубежными учёными в области истории политических доктрин, которые высоко ценили подобные исследования российских учёных, ссылаясь на них в своих работах.

Д.И. Каченовский был крупным специалистом по международному и государственному праву, истории политических учений. В 1849 г. он защитил диссертацию на степень магистра «О владычестве над морями» и занял кафедру международного права Харьковского университета в качестве профессора. В 1855 г. он защитил в Московском университете диссертацию на степень доктора права «О каперах и призовом судопроизводстве в отношении к нейтральной торговле». В 1858 г. Каченовский направился за границу, где был до середины 1860 г. Во время этой и будущих поездок он общался с виднейшими европейскими учеными, а также изучал государственное устройство и общественную жизнь различных стран. По возвращении он читал в Харькове лекции международного права и государственного права. В начале 60-х годов было опубликовано два его труда: «Взгляд на историю политических наук в Европе» (М., 1859) и «О современном состоянии политических наук в Западной Европе и в России» (Харьков, 1862).

В первом труде Каченовский дает изложение основных западноевропейских политических учений и сравнивает их по различным параметрам, отмечая при этом, что «история государственных наук в их целостности и взаимной связи не была разработана до сих пор»². Во втором труде он наряду с исследованием политических учений говорит о современном состоянии политической науки. По его мнению, в нашей стране она являлась неразвитой, «мы не изучали ни своего государства, ни народа»³. Политический опыт перенимался за границей, поэтому до сих пор «наука о государстве была в нашем отечестве заносною»⁴. В связи с этим он считает свою работу в области политической мысли одной из первых в своем роде в России. В ней он вводит следующее разделение политических наук: 1) политическая история и статистика, 2) публичное или государственное право, а также международное право, 3) политика. Политическая наука тогда не была независимой, и поэтому эти ее отрасли, в основном, преподавались в тесной связи с юриспруденцией и филологией, а в некоторых университетах перемешивались с естественными науками. Каченовский хотел, чтобы в России появилось политическое образование, а политическая наука оформилась как таковая. Путь к этому он видел во введении ее в качестве дисциплины, он полагал, что «политическое отделение в университетах будет полезно... потому, что положит в России основание общественной науки»⁵, а «наши университеты могут и должны сделаться школой политического образования»⁶.

Выдающейся личностью в отечественной политической науке был Б.Н. Чичерин. В 1849 году он окончил юридический факультет Московского университета. В 1856 году им была защищена магистерская диссертация «Областные учреждения России в XVII веке», которая стала поводом для приглашения Чичерина занять кафедру государственного права. Но прежде для подготовки к чину профессора он был направлен за границу, где изучал труды европейских ученых и познакомился с теорией либерализма. По возвращении он занимает должность экстраординарного профессора на кафедре государственного права юридического факультета Московского университета. Он занимал эту должность с 1861 по 1868 год, когда он вместе с рядом других профессоров вышел в отставку, вызванную недовольством действиями факультетского руководства и курсом Министерства народного просвещения. В русском общественном движении Чичерин еще с середины 50-х гг. был одним из лидеров либерально-западнического крыла. Однако, хотя, с одной стороны, он был сторонником либерализации общественной жизни в России, но с другой — он был также представителем и одним из основателей в науке государственной школы, исходящей из ведущей роли государственных и юридических форм в историческом процессе. Временные границы существования государственной школы определялись 40–80-ми гг. XIX века, а «предметом её изучения является главным образом исторический процесс в России, прежде всего история государства и права». ⁷ Кроме Б.Н. Чичерина, наиболее внушительными представителями этой школы были также К.Д. Кавелин и В.И. Сергеевич. Одной из предпосылок её возникновения стало то, что «существовала настоятельная потребность отказаться от традиционных и выработать новые объясняющие схемы, которые бы давали абстрактную картину развития исторического процесса»⁸.

Б.Н. Чичерин первым ввел в понятийно-категориальный аппарат политической науки название «История политических учений»⁹, именно так называлось его значительное произведение, состоящее из 5 частей. Хотя ранее и были работы вроде истории политических доктрин и прочих, формулировку «История политических учений» ввёл именно Чичерин. В основу первого издания он заложил лекции, прочитанные им в 60-х гг. в Московском университете. В этой работе он проводит анализ огромного количества политических учений, начиная с древнегреческой философии вплоть до немецкого и французского идеализма XIX века. В современной ему политической науке его труд является поистине непревзойденным и важнейшим событием.

Историю политических учений он представляет в виде циклического процесса как повторения групп политических теорий. При этом существенное содержание каждого следующего цикла остается тем же, хотя происходят количественные изменения их параметров или меняются методы исследования. Каждая группа политических теорий соотносится с одним из элементов государства. Всего существует четыре таких элемента: общественная власть, свободное лицо, закон, общее благо. Каждый из этих элементов может служить основанием для теории о государстве и, соответственно, «в истории политических учений мы встречаем четыре главные школы: общежительную, нравственную, индивидуальную и идеальную»¹⁰.

Кроме основных теорий, исходящих из элементов государства, в предмет истории политических наук входят второстепенные теории, основанием которых служит «отношение государства к другим человеческим союзам: семейству, гражданскому обществу и церкви; четвёртый союз — государство»¹¹. Если за основание брать один из этих союзов, то, соответственно, из семейного быта получается патриархальное учение, из гражданского общества — патримониальное учение, а из церкви — теократическое.

В то же время надо учитывать, что историю политических учений нельзя понимать просто как перманентное повторение в истории одних и тех же политических теорий. Чичерин конкретизирует свою концепцию, формулируя «закон исторического развития политической мысли»: «Постоянное повторение в истории одних и тех же учений указывает на присутствие одних и тех же элементов, но не означает совершенного их тождества. Что прежде существовало в зародыше, то впоследствии является во всей полноте своих определений. Общий закон развития вещей состоит в том, что из первоначального единства выделяются различия, и затем различия опять сводятся к единству»¹².

Таким образом, во введении к своей работе Чичерин дает общетеоретическое рассмотрение предмета истории политических учений. Это имеет большое значение, так как ученые в этот период развития политической науки старались разделить политические и юридические науки. Если современная политическая философия уже начинает говорить об интеграции политики и права, то в конце XIX века более важную роль имела дифференциация. Эта дифференциация должна была привести к скачку в развитии политической науки, и ученые стремились к нему в университетском образовании.

Необходимо также рассмотреть исследовательскую деятельность П.Г. Редкина. Он поступил в 1826 году в Московский университет, но уже через два года заявил свою кандидатуру для обучения в Дерптском университете с последующей отправкой за границу. В Дерпте он изучал энциклопедию права под руководством профессора Клоссиуса. С 1830 по 1834 год он слушал лекции в германских университетах, в основном в Берлинском университете. После получения в 1835 году докторского диплома Редкин был назначен в Московский университет для чтения курса энциклопедии законоведения. Он преподавал курсы энциклопедии права и государственного права Б.Н. Чичерину во время его студенчества. Б.Н. Чичерин критиковал П.Г. Редкина за некоторый формализм, но очень высоко ценил его как преподавателя: «неизмеримо высоко стоит это преподавание, проникнутое философскими и нравственными началами, над современными изложениями юридической науки»¹³. В 1848 году Редкин с несколькими профессорами покинул Московский университет из-за конфликта с Н.И. Крыловым, профессором юридического факультета, после которого они не считали возможным оставаться с ним коллегами. После пятнадцатилетнего перерыва в профессорской деятельности Редкин в 1863 году возглавил кафедру энциклопедии права в Петербургском университете. В 1873–1876 годах он был ректором Петербургского университета.

В 60-х гг. П.Г. Редкин читает в Петербургском университете такой же лекционный курс, как у Б.Н. Чичерина, но с названием «История философии права». Как отмечает Е.Н. Мошелков, современный исследователь данной проблематики, подобное различие в названиях связано «с влиянием на эту ситуацию правительственной политики в области образования»¹⁴, а «суть этой политики состояла в стремлении самодержавного правительства исключить понятия «политика», «политическое» из названий учебных курсов и кафедр, за чем скрывалось более серьезное намерение подменить анализ и преподавание существующих многоплановых политико-правовых явлений и процессов изучением статичных правовых форм или философских конструкций»¹⁵.

Название курса П.Г. Редкина было данью университетскому уставу 1863 года, который не позволял официального существования истории политических учений. Редкин отмечал неразвитость до этого времени политической науки в России, объясняя это опасениями правительства перед ее формированием, что перекликалось с подобными мнениями во многих европейских государствах, «правительству нужны

были только юристы и администраторы»¹⁶. В связи с этим политические науки приходилось преподавать на юридическом факультете под видом административных наук. Однако устав 1863 года изменил сложившуюся ситуацию — в своей вступительной лекции Редкин отметил, что «по новому уставу энциклопедия права составляется из энциклопедии не только юридических наук, как было прежде, но и из наук политических»¹⁷, а значит, «сам закон теперь признал у нас опять науки политические как предметы университетского преподавания»¹⁸.

Восстановленные и отредактированные П.Г. Редкиным извлечения из лекций были опубликованы впоследствии под названием «Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще» (1889–1891). Перед наукой он ставит довольно глобальную задачу: «Только философия права может служить пособием к полному выяснению идеи права и ее отношения к жизни, а следовательно, к полному выяснению науки, необходимой для надлежащего посредства между идеей права и жизнью, науки, называемой политикой»¹⁹. Свой труд он написал, снабдив его основательной методологической базой. В первом томе своей работы, помимо опубликования вступительных лекций к своему курсу, он дает также обоснование истории философии права как науки и последовательно обозначает ее предмет и содержание, способ изложения, структурное разделение, а также ее источники, историю и литературу. Определяя в качестве предметной области своего курса право, общество и государство, он разделял гуманитарные науки в соответствии с каждым предметом на юридические, социальные и политические. При этом связь политических и юридических наук, он обозначал в качестве включения последних в состав первых, но ни в коем случае не наоборот.

Следующий исследователь, В.И. Сергеевич, — историк русского права, разработавший историко-сравнительную методологию политико-правовых исследований. Он окончил юридический факультет Московского университета в 1857 году. Проработав некоторое время учителем законоведения (1857–1862 гг.), он отправился для подготовки к профессорскому званию за границу (1862–1865 гг.), где слушал лекции известных европейских правоведов. В 1871 году он защищает докторскую диссертацию и становится профессором Московского университета. А уже в следующем году занимает кафедру истории русского права Петербургского университета.

К 1871 году относится исследование Сергеевича «Задача и метода государственных наук. Очерки современной политической литературы». В нем он рассматривает методологические проблемы политической науки. Сергеевич считал, как и многие исследователи того времени, что науки о государстве были недостаточно развиты и должны непременно разрабатываться и развиваться. Выход из сложившейся ситуации для политической науки он видел в «правильном понимании ее задач и ученых приемов»²⁰, поэтому в своем труде хотел рассмотреть всю «разницу взглядов на задачу науки и разнообразие приемов изучения (методов)»²¹. Таким образом, его работа представляет собой обзор немецких, французских и английских политических теорий с двух ракурсов: во-первых, с точки зрения цели и задачи политической науки, а во-вторых, относительно приемов ее изучения, то есть методологической базы. Важно отметить, что Сергеевич одним из первых в отечественной исследовательской практике проводит подобную аналитическую работу, а именно: вместо последовательного изложения политических теорий проводит их сравнение по определенным критериям. В истории русской историографии он считается первым, кто заявил тему компаративистского исследования европейской государственной жизни для выявления общих черт и законов развития.

Следует учитывать, что расхождения в понимании предмета истории философии права (истории политических учений) среди проанализированных концепций не являются

критичными. Методология политической науки характеризуется плюрализмом и допускает сосуществование разнообразных методологических концепций. Согласно плюралистическому подходу однозначного определения предмета истории политических учений быть не может. Современные историки политической науки отклонили возможность существования одной-единственной, постоянно развивающейся дисциплины, предмет которой одинаково трактуется учеными. Американский политолог Г. Алмонд занимался исследованием общих содержательных и методологических основ исследований по различным областям политической науки. Он отмечал, что «существует столько же различных историй политической науки, сколько различных взглядов на ее предмет, и определяются они различными подходами к дисциплине в целом, причем сближения между ними не происходит, поскольку общая научная почва для этого отсутствует»²².

Кроме рассмотренных выше ученых, необходимо отметить следующих теоретиков и историков государственного права, которые в то время также занимались преподаванием в российских университетах: Александр Семёнович Алексеев (Московский университет 1879–1911), Иван Ефимович Андреевский (Санкт-Петербургский университет 1855–1887), Сергей Александрович Бершадский (Санкт-Петербургский университет 1878–1896), Александр Львович Блок (Варшавский университет 1876–1909), Александр Дмитриевич Градовский (Санкт-Петербургский университет 1866–1889), Максим Максимович Ковалевский (Московский университет 1878–1887, Санкт-Петербургский университет 1905–1916), Николай Михайлович Коркунов (Санкт-Петербургский университет 1878–1897), Сергей Андреевич Муромцев (Московский университет 1877–1884).

В 60–70-х гг. XIX века в России имело место значительное развитие политической науки в связи с принятием университетского устава 1863 года. А к концу века многие отечественные историко-политологические исследования могли конкурировать с аналогичными работами европейских учёных. Данные исследования, представляющие собой систематизацию и обобщение научных концепций, следует рассматривать как показатели становления политической науки в качестве отрасли научного знания. При этом научная политическая мысль в России в XIX веке не оставала в научном познании закономерностей политического развития разных стран от процесса дифференциации из гуманитарных наук за рубежом.

Государство старалось не допустить возможности рассмотрения политической проблематики в учебных курсах. Но, разумеется, политическая наука существовала и получила огромное развитие в этот период, будучи связанной с юридическими курсами под различными формулировками, как правило, под названием «История философии права». Хотя и имело место такое «скрытие» политических исследований, но их было довольно значительное количество, а проводились они с различных позиций и точек зрения, что позволяет говорить о расширении политологической проблематики и развитии политической науки.

¹ Моцелков Е.Н. История философии права как академическая дисциплина в университетском образовании России (XIX — нач. XX в.) // Философия политики и права: Сборник научных работ. Вып. 1 / Под общ. ред. проф. Е.Н. Моцелкова, научн. ред. проф. О.Ю. Бойцова. М., 2010. С. 50.

² Каченовский Д.И. Взгляд на историю политических наук в Европе. М., 1859. С. 27.

³ Каченовский Д.И. О современном состоянии политических наук в Западной Европе и в России. Харьков, 1862. С. 14.

⁴ Каченовский Д.И. О современном состоянии политических наук в Западной Европе и в России. Харьков, 1862. С. 2.

⁵ Каченовский Д.И. О современном состоянии политических наук в Западной Европе и в России. Харьков, 1862. С. 145.

- ⁶ Каченовский Д.И. О современном состоянии политических наук в Западной Европе и в России. Харьков., 1862. С. 165.
- ⁷ Медушевский А.Н. Гегель и государственная школа русской историографии // Вопросы философии. 1988. № 3. С. 104.
- ⁸ Медушевский А.Н. Гегель и государственная школа русской историографии // Вопросы философии. 1988. № 3. С. 103.
- ⁹ Моцелков Е.Н. История философии права как академическая дисциплина в университетском образовании России (XIX — нач. XX в.) // Философия политики и права: Сборник научных работ. Вып. 1 / Под общ. ред. проф. Е.Н. Моцелкова, науч. ред. проф. О.Ю. Бойцова. М.: 2010. С. 44–45.
- ¹⁰ Чичерин Б.Н. История политических учений / Подг. текста, вступ. ст. и ком. И.И. Евлампиева. СПб., 2006. Т. 1. С. 32.
- ¹¹ Чичерин Б.Н. История политических учений / Подг. текста, вступ. ст. и ком. И.И. Евлампиева. СПб., 2006. Т. 1. С. 32–33.
- ¹² Чичерин Б.Н. История политических учений / Подг. текста, вступ. ст. и ком. И.И. Евлампиева. СПб., 2006. Т. 1. С. 34.
- ¹³ Цит. по: Русское общество 40–50-х годов XIX в. М., 1991. Ч. II. Воспоминания Б.Н. Чичерина С. 32.
- ¹⁴ Моцелков Е.Н. История философии права как академическая дисциплина в университетском образовании России (XIX — нач. XX в.) // Философия политики и права: Сборник научных работ. Вып. 1 / Под общ. ред. проф. Е.Н. Моцелкова, науч. ред. проф. О.Ю. Бойцова. М., 2010. С. 44.
- ¹⁵ Моцелков Е.Н. История философии права как академическая дисциплина в университетском образовании России (XIX — нач. XX в.) // Философия политики и права: Сборник научных работ. Вып. 1 / Под общ. ред. проф. Е.Н. Моцелкова, науч. ред. проф. О.Ю. Бойцова. М., 2010. С. 44.
- ¹⁶ Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. 1. С. 10.
- ¹⁷ Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. 1. С. 2.
- ¹⁸ Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. 1. С. 11.
- ¹⁹ Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. СПб., 1889. Т. 1. С. 218.
- ²⁰ Сергеевич В.И. Задача и метода государственных наук. Очерки современной политической литературы. М., 1871. С. 1.
- ²¹ Сергеевич В.И. Задача и метода государственных наук. Очерки современной политической литературы. М., 1871. С. 1.
- ²² Политическая наука: новые направления. / Пер. с англ. науч. ред. Е.Б. Шестопал. М., 1999. С. 106.

Зиничев А.В.

Конституционные идеи П.Н. Новгородцева

В числе русских ученых-юристов, придерживавшихся естественно-правовой концепции права, был Павел Иванович Новгородцев. Вся его научная деятельность с первых шагов была посвящена критике слабых сторон юридического позитивизма и пропаганде возрождения естественного права.

Вопросы сущности правового государства, его принципов, соотношение государства и права, государства и личности, проблемы демократии были предметом его научного рассмотрения наряду с проблемой естественного права. Таким образом,

основными идеями учения П.И. Новгородцева политико-правовой концепции были концепция естественного права, позитивные функции государства, а также право на достойное человеческое существование.

С точки зрения Новгородцева, «для современного культурного правосознания права личности стали постоянным и непререкаемым элементом в праве»¹. Эти постоянные элементы ученому-юристу представлялись некоей границей законодательной власти государства.

Права человека тесно связаны с выработкой и укреплением их гарантий с помощью определенных норм, институтов и процедур. Для П.И. Новгородцева право на личную неприкосновенность, право на достойное человеческое существование были наиважнейшими.

П.И. Новгородцев был членом Первой государственной думы, созданной в 1906 году. Являясь сторонником построения правового государства в России, он участвовал в работе «Союза освобождения», затем, выйдя из его состава, стал одним из основателей конституционно-демократической партии, партии народной свободы. Будучи постоянным членом центрального комитета партии, в 1906 году он был избран депутатом первого парламента России от Екатеринославской губернии. П.И. Новгородцевым велась огромная работа по разработке законопроектов, рассмотрению жалоб от населения. Он был задействован в различных комиссиях, созданных в Государственной думе для рассмотрения внесенных законопроектов, по которым принималось решение о необходимости более детальной проработки. Его подпись встречается на многих запросах к Правительству, которые касались, прежде всего, естественных прав человека².

Новгородцевым государство определяется как юридически организованный народ, представляющий собой одновременно субъект и объект власти. Народ не противопоставляется государству, а составляет с государством единое целое, включаясь в него как необходимый элемент. В свою очередь, власть — как проявление этого целого, Новгородцевым не мыслится вне осуществления интересов народа. В данном случае ученый под понятием народ подразумевает не общество, а совокупность свободных индивидов, при этом, проводя разделение между обществом и государством, он полагает, что народ, рассматриваемый как часть государства, имеет свою организационную структуру, под которой понимаются органы власти и управления, а также должностные лица. В реальной жизни невозможно избежать отрыва органов власти, а соответственно и самой власти от народа³.

Государство — есть не только власть или правительство, это и корпоративное единство всего народа, это все вместе взятые граждане во всей совокупности элементов народной жизни. Ученый считает, что государство является неким элементом, стоящим над людьми или рядом с ними. Глубочайшим источником и корнем государственной жизни является личное сознание⁴.

Новгородцевым выделяется два подхода в оценке государства: формально-юридический и естественно-правовой. Не отрицая практическую значимость формально-юридической теории государства и права, ученый подчеркивал необходимость дополнения ее другой теорией, а именно — естественно-правовой. По мнению мыслителя, возрождение естественно-правовых начал повлекло за собой и восстановление естественно-правовой конструкции государства.

Естественно-правовая теория признает, что право распадается на постоянные или изменчивые части, поддающиеся лишь весьма медленному преобразованию. Постоянные элементы являются правовой основой для оценки тех актов государства, которые с формальной точки зрения являются непререкаемыми. По мнению Новгородцева, самым

ярким примером постоянных прав являются права личности, называемые неотчуждаемыми правами. Осознание наличия такого рода постоянных элементов правопорядка нашло яркое воплощение в конституциях и конституционных гарантиях.

Идеал правового государства возникает и развивается в противопоставлении идеалу средневековой теократии. Основными требованиями, выдвигаемыми в отношении идеала государства, являются его светский и правовой характер. Изначально идеал светского государства сводил всю жизнь к единству власти и права, выводя за пределы своего рассмотрения связь права и нравственности. С конца XIX века в то время, когда государство вступило на путь социальных реформ, все чаще и чаще стали говорить о необходимости обращения к нравственности и морали. Новгородцевым отмечается, что «государство, в начале века объявленное божественным, постепенно лишается своего величия и обращается к нравственным факторам — к воздействию общественного мнения, к благотворному влиянию воспитания, к деятельности частных обществ и организаций»⁵.

Мыслитель говорит об одном несомненном убеждении, присущем его эпохе: правовое государство не есть венец истории, не есть последний идеал нравственной жизни. Более того, правовое государство называется подчиненным средством, входящим как частный элемент в более общий состав нравственных сил⁶.

Интересны размышления Новгородцева о соотношении демократии и правового государства. Вместе с положительными определениями демократии, Новгородцев выявляет и отрицательные стороны этой идеи. Говоря о первых последователях демократической идеи, он отмечает их религиозное отношение к ней. «Демократическая концепция приняла форму политического фетишизма. Наивно полагать», — указывает мыслитель, — «что стоит только свергнуть старый порядок, провозгласить свободу жизни, всеобщее избирательное право и учредительную власть народа, как тотчас демократия осуществится. Для прочности демократии необходима зрелость убеждений и действий народа»⁷.

Демократия, по убеждению Новгородцева, никогда не может быть осуществлена в чистом виде, впрочем, так же как и другие государственные формы. По мнению Новгородцева, демократия представляет собой не путь, а лишь распутье. Такой вывод делается им из определения демократии как системы свободы, системы политического релятивизма, для которого нет ничего абсолютного, которым допускается всякая хозяйственная система, лишь бы она не нарушала свободы.

На понимание П.И. Новгородцевым проблемы прав человека сильное влияние оказала «Декларация прав человека и гражданина». Ученым Декларация называется бесмертным всемирно-историческим документом, основной принцип которого, по его мнению, состоит в том, что «права лиц не дар и не милость государства, а неотъемлемая принадлежность человеческой природы». Новгородцев согласен с тем, что с формально-юридической точки зрения всякое право формируется в форме закона от государства. Таким путем права и свободы становятся юридически значимыми только в результате их признания государством. «Но признать, — замечает он, — не значит создать и вызвать к жизни; и само признание в данном случае имеет значение не милостивой уступки, а необходимого самоограничения. Индивидуальная свобода существует и помимо этого признания»⁸. Весь вопрос сводится к тому, чтобы свобода, как неизбежный факт и как нравственное требование, была закреплена законом.

С точки зрения Новгородцева права человека являются постоянным элементом в праве, и отрицание лежит вне пределов власти культурного государства. Осознание существования прав человека нашло воплощение в идее конституций и конституционных гарантий. В конституциях проявляется стремление ограничить государственную волю

определенными границами. По мнению Новгородцева, границы государственной власти имеют не только формальный — законодательное закрепление, но и материальный характер — нравственный характер прав человека определяет естественный предел власти государства. Правосознанию изначально присуща идея, что государство имеет перед собой некоторый молчаливо признаваемый им предел властвования. Новгородцев выводит идею прав человека также из закономерности развития самого права. При этом он обращается к историческим истокам развития суверенного государства.

Характеризуя подход Новгородцева к проблеме прав человека, необходимо указать, что «исходным пунктом его теоретико-правовой конструкции является идеальный и безусловный принцип личности»⁹. С точки зрения мыслителя, основу для построения общества составляет свободная личность, но «не отрешенная от связи с другими, а носящая в себе сознание общего закона и подчиняющая себя высшему идеалу». Принцип личности Новгородцевым понимался как идеальное и безусловное начало, не связанное с какой-либо определенной формой общественного устройства. Принцип личности не дает четко установленного решения проблемы общественного устройства, на котором можно было бы успокоиться, а им лишь намечается путь, по которому следует идти.

Равенство, как и свобода, вытекает из понятия личности. Однако, несмотря на соотносительность понятий равенства и свободы, их никак нельзя признать совпадающими понятиями. Драгоценнейшее достоинство человека составляет стремление быть самим собой, быть верным своему внутреннему идеалу, своей совести; это достоинство незаменимо никакими удобствами и преимуществами внешнего положения, уравнивающего его с другими. Более того, это стремление личности к индивидуализации входит в известное противоречие с духом равенства. Человеку свойственно стремление к достижению высшего идеала, он стремится превзойти не только других, но и самого себя, стать неравным, быть выше, чем был ранее. Неравенство это заключается в естественном отличии одних людей от других.

Главным и основным условием для воплощения закона П.И. Новгородцев считает восстановление единого для всех суда и права. Неприкосновенность личности может быть защищена лишь в том случае, если на страже гражданской свободы стоит авторитетная власть суда, не подчиняющаяся никаким другим властям, и при условии, что действует принцип «перед законом все равны». И как бы ни были совершенны нормы закона, недопустимо по усмотрению администрации изымать дела из ведения общего суда в нарушение свободы гражданина и права его на рассмотрение дела судьей; как показывала практика, случаи таких нарушений имели место в России повсеместно.

П.И. Новгородцев в своих работах уделяет особое внимание, как уже говорилось выше, рассмотрению исторического становления естественного права. Естественно-правовая теория у Новгородцева не была простым продолжением теории XVII–XVIII веков, в которой естественный закон и естественное право понимались как первоначальные нормы, закрепленные в результате общественного договора. Она понималась им как вечное неотъемлемое право личности, имеющей нравственную природу и руководствующейся абсолютными ценностями. Естественное право он определял как «совокупность моральных (нравственных) представлений о праве (не положительном, а долженствующем быть)», как «идеальное построение будущего и нравственный критерий для оценки существующей независимо от фактических условий правообразования»¹⁰. Новгородцев был убежден, что жизнь должна определяться высшими нравственными законами, иначе она подлежит суду и осуждению.

Новгородцев считает, что включение естественного права в существующую правовую практику необходимо, поскольку только таким образом можно преодолеть за-

силе государства в правовом регулировании. Он настаивал на том, что «над государством стоят некоторые высшие нормы, которым оно должно подчиняться, из которых оно черпает и свое оправдание, и свои руководящие начала»¹¹. Естественное право предполагает этическую норму, которая должна стоять над государством и не является, таким образом, продуктом его воли. Такого постановкой вопроса Новгородцев настаивает на нравственной обязанности власти перед обществом и личностью, но ставит тем самым власть в сложное положение, поскольку цели государства не всегда совпадают с целями всего общества и отдельной личности.

Подводя итог анализа исторического развития учений о естественном праве, нельзя не согласиться с выводами П.И. Новгородцева о том, что к началу XX века старые идеи народного суверенитета, принцип личных прав подверглись существенному изменению. Наиболее значительная перемена, по мнению П.И. Новгородцева, совершившаяся в науке, — это изменения во взглядах на задачи государства. Если ранее задачей государства являлась охрана граждан, то в конце XIX века оно вынуждено было вступать на путь социальных реформ, чтобы каждый гражданин имел возможность достигнуть действительной свободы и настоящего равенства с другими.

Изучение научного наследия П.И. Новгородцева помогает найти новые пути развития современной правовой науки в направлении утверждения приоритета прав личности, признания их ведущей роли.

Можно отметить, что П.И. Новгородцев, не отрицая формально-юридический подход в оценке государства, отстаивает идею восстановления естественно-правовой конструкции государства. С точки зрения естественно-правовой конструкции государства мыслитель объясняет связанность государства своим правом.

Кроме этого, для Новгородцева проведение социального переустройства общества связано с преодолением кризиса правосознания и утверждением ценностей правового государства. Он показал, что кризис теории современного правового государства привел к появлению у него новых социальных функций. Государство переходит в новую стадию и становится социальным по своей направленности.

Проблема прав человека, свободы является сквозной темой в государственно-правовом учении. Права человека Новгородцев определял как непрерываемый и постоянный элемент в праве, выступающий как бы «материальным пределом» законодательной власти государства.

Проект закона о неприкосновенности личности, одним из разработчиков которого был П.И. Новгородцев, при его осуществлении в жизнь должен был положить «начало новому и неведомому до сих пор в России порядку, основанному на уважении к личности, на строгой обеспеченности личных прав»¹².

¹ Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. М., 1902. С. 283.

² Новгородцев П.И. // Общественная мысль России XVIII — начала XX века. Энциклопедия. М., 2005. С. 348–349; См. также: Государственная Дума России. Энциклопедия: В 2 т. М. 2006. Т. 1. Государственная Дума Российской империи (1906–1917). С. 432–433.

³ Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. М., 1904. Кн. 75. С. 510–511.

⁴ Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. М., 1904. Кн. 75. С. 522–525.

⁵ Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. М., 1904. Кн. 75. С. 514–517.

⁶ Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. М., 1904. Кн. 75. С. 514–517.

⁷ Новгородцев П.И. Демократия на распутье // София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии. Берлин, 1923. С. 43.

⁸ Новгородцев П.И. Декларация прав человека и гражданина // Научное слово. 1905. Кн. 5. С. 56–59.

⁹ *Новгородцев П.И.* Декларация прав человека и гражданина // Научное слово. 1905. Кн. 5. С. 48–50.

¹⁰ *Основные сочинения П.И. Новгородцева*: Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. М., 1896; Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: два типических построения в области философии и права. М., 1901; О задачах современной философии права. СПб., 1902; Из лекций по общей теории права М., 1907; Кризис современного правосознания. М., 1909; Сократ // Очерки по истории философии права. Вып. 1. М., 1910; О праве на существование. СПб., М., 1911; Политические идеалы древнего и нового мира Вып. 1–2. М., 1913–1914.

¹¹ *Флоревский Г.В.* Памяти П.И. Новгородцева // Россия и Славянство. 1929. № 22. С. 89.

¹² *Новгородцев П.И.* Государство и право // Вопросы философии и психологии. М., 1904. Кн. 75. С. 510–511.

Исмаилов А.С.

Г.П. Федотов и современная христианская демократия

Творческое наследие Г.П. Федотова и его единомышленников нашло своих последователей в России, несмотря на то, что он, как и многие другие философы в русской традиции, был «мыслителем-солистом» и не оставил своей школы.

На первый взгляд, в православии, исторически связанном с византизмом, нет предпосылок для возникновения такого течения. Но Федотов не соглашается с беспочвенностью христианской демократии в России, указывая на обществено-политическое устройство городов-республик домосковского периода — Новгорода, Пскова, Вятки — и на всенародный, демократический характер власти, описываемый в Евангелии. До революции ярко выраженной христианской партии в России действительно не существовало, хотя небольшие группы присутствовали в Государственной думе и с 1905 г. в кадетской партии. Христианская партия была создана в марте 1917 г., что даже раньше самой первой (итальянской), ХДП, но включиться в политическую жизнь ей так и не удалось.

С начала перестройки в России существовало пять христианско-демократических организаций. Самым крупным и влиятельным из них было Российское христианское движение (РХДД). Непосредственным учредителем РХДД стала группа, связанная литературным и философским журналом духовной культуры «Выбор», созданным Виктором Аксючицем и Глебом Анищенко. Также с основанием РХДД была связана группа «Церковь и перестройка» священника Глеба Якунина.

На подготовительной встрече 26 марта 1990 г., собравшей около 200 представителей различных организаций демократического и христианского толка из 50 городов, В. Аксючиц заявил, что настало время для создания крупной христианско-демократической организации, которая могла бы стать реальной альтернативой КПСС. Собрание решило завершить работу над уставом и программой движения, которая велась несколько месяцев.

Учредительная конференция РХДД состоялась в Москве 8–9 апреля. В ней приняли участие около 300 делегатов из 16 городов России, Прибалтики, Кавказа и Украины. Гости прибыли из 23 городов СССР и из-за рубежа. Исполнительный орган был

назван «Думой» и избран в составе 15 членов, включая троих избранных в марте 1990 г. народных депутатов России: В. Аксючица, о. Вячеслава Полосина и о. Глеба Якунина. На первом заседании Думы 9 апреля был избран политический Совет для руководства текущей политикой во главе с В. Аксючицем, который вместе с Г. Анищенко и В. Полосиным стал сопредседателем РХДД. Прозвучало несколько докладов.

В своем докладе В. Аксючиц утверждал, что «сама жизнь требует создания Христианской демократической партии в России». Ее задача — изменение государственной системы, исходя из незаконности коммунистического правления. Он подчеркивал, что отсутствие в России такой партии до 1917 г. — не аргумент против ее создания, наоборот, ее отсутствие способствовало катастрофе Октября. Только после революции русское мышление повернулось к работам С.Л. Франка, И.А. Ильина, Г.П. Федотова, П.И. Новгородцева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, П.Б. Струве и др., в которых разрабатывались концепции постбольшевистского устройства России.

Священник В. Полосин в своем обращении отстаивал принципы христианской политики, которые есть нечто большее, чем борьба за власть. Она, прежде всего, призвана защитить общество от беззакония и анархии. Вовлечение христиан в политику — особая форма социального действия и благотворительности, призванная достичь гармонии общественной системы.

А. Казаков представил анализ текущей политической ситуации, в которой отмечил рождение реалистической политики, которая, однако, сопровождается соединением красной и черной сотен в форме «национал-большевизма», где ультраправые и ультралевые сходятся на общей платформе максимализма и шовинизма. Вызов для России — в преодолении традиций радикальной политики, для которого необходимо создание подлинной консервативно-центристской партии.

Декларация, принятая на учредительной конференции РХДД, обозначает ключевые философские позиции Движения. Она осуждает ложно аскетический подход к мирской деятельности, включая фарисейский отказ от политики, указывая на трагический опыт невмешательства православной церкви в политику дореволюционной России. В декларации утверждается особый тип христианской политики, основанной на христианском мирозерцании. Недостижимость Града Божия дает христианским политикам неоспоримое преимущество — «они свободны от возможности какого-либо утопизма»¹.

Декларация осуждает античеловеческую политику коммунизма, противопоставляя ему плюралистическую концепцию, в которой главная ценность — духовная и творческая свобода личности, проповедующая свои идеалы, не ущемляя других. РХДД заявляет о приверженности «творческой демократии», основанной на духовной культуре общества, а не только на правовых нормах государства, и защищает частную собственность как сферу расширения человеческой деятельности и духовности. Декларация завершается отстаиванием «просвещенного патриотизма», осуждающего агрессивный национализм. Просвещенный патриотизм определяется как «признание личной ответственности за собственную историю, культуру, среду обитания и духовное наследие»².

В вопросе государственного устройства РХДД занимало позицию «непредрешенчества». То есть «РХДД считает, что только Всероссийский земский собор компетентен решить вопрос о форме государственного устройства России»³. Земский собор должен продолжить дело, начатое Учредительным собранием. До этого момента все органы государственной власти имеют временный характер, в который президентская республика с классическим принципом разделения властей рассматривается как наиболее жизнеспособный вариант. Этот момент потребовал уточне-

ний, так как вызывал сомнения относительно скрытых антидемократических тенденций РХДД. Чтобы внести ясность, было специально подчеркнуто, что всякая форма государства отражает данный уровень социального развития и должна выбираться народом в соответствующее время. Переходный период должен сопровождаться «творческим строительством гражданского общества, основанного на самоуправлении свободных граждан и их союзов»⁴. В своей предвыборной кампании Аксючиц призывал к полной автономии местного самоуправления. По его мнению, она обеспечит своим собственным развитием органическую форму государства. При этом РХДД выступало за соответствие российского законодательства международным нормам.

Согласно Программе, «в современных условиях РХДД считает естественным отношением государства и Церкви благожелательный нейтралитет»⁵. Такая форма существования реализуема только в правовом государстве. РХДД требовало от государства исполнять им же изданные законы и нормы, например, статью 124 Конституции 1977 г. Движение призывало упразднить Советы по делам религий, что было успешно достигнуто в 1990 г. Вместе с тем, по замечанию Р. Саквы, у отношений российских христианских демократов и РПЦ был ряд особенностей. В отличие от Италии и Германии, где христианско-демократические партии базировались на церкви и создание которых было ею даже в известной степени инспирировано, в России их развитие шло параллельно, а где-то и вопреки церкви. Некоторые представители христианско-демократических объединений были даже враждебно настроены по отношению к РПЦ. Так, о. Глеб Якунин обвинял церковь в пассивности перед лицом трагедии 1917 г., за которую она должна нести частичную ответственность. Но в целом РХДД считала церковь хранительницей национальных традиций, в том числе и в советский период, на протяжении всей российской истории играющей социально-интегрирующую роль⁶.

Во внешней политике РХДД выступало за подлинный мир и добрососедство, прекращение поддержки всякого рода тоталитарных и террористических режимов. Кроме того, Движение требовало исполнения международных соглашений в сфере прав человека, свободы слова и печати, собраний и демонстраций, совести и вероисповеданий. Как и все российские христианско-демократические партии и движения, оно поддерживало реинтеграцию России в мировую экономику и мировое сообщество, отвергая попытки реанимации националистического мессианизма, который был характерен и для политики царской России, и для СССР.

По перечисленным пунктам позиции РХДД и Г. Федотова в целом очень близки. Но есть и ряд отличий. Во-первых, их экономические воззрения скорее тяготеют к социальной рыночной экономике, нежели новгородскому социализму. Этот хозяйственный строй основан на концепции ордолиберализма, разработанной немецкими экономистами Фрайбургской школы — В. Ойкенем, Ф. Бемом, А. Растоу, В. Репке и др. Именно она легла в основу западногерманского «экономического чуда». Согласно этой концепции, государство вместо прямого вмешательства в экономику организует такой порядок, при котором свободная рыночная экономика по эффективности приближалась к своему теоретическому потенциалу, тем самым обеспечивая эффективное распределение. Здоровая конкуренция, высокие темпы роста экономики и низкий уровень инфляции и безработицы, активная социальная политика способствуют преодолению негативных явлений, характерных для классической либеральной экономики. В разработке своей теории немецкие ученые отталкивались от опыта кейнсианства, нацизма и советского социализма⁷. Выбор РХДД может быть обусловлен тем, что социализм Федотова и новгородцев носил во многом ориентирующий характер

и зачастую ограничивался постановкой проблем, а не их решением (по собственному признанию, Федотов не был экономистом и оставлял практическое решение проблемы реформирования капитализма экспертам⁸), а также исходил из некоторых предположений, которые оказались неверными — например, тезис о грядущем плановом хозяйстве, заменяющем рынок в мировом масштабе. Ордолиберализм же в течение полувека применялся на практике, доказав свою эффективность, предложив конкретный ответ на вопрос Федотова о способах обуздания стихии рынка.

Экологическая политика — новый пункт в программе РХДД, во времена Федотова такого рода проблемы были еще не столь очевидны, хотя новоградцы и критиковали «базаровское» отношение к природе⁹. Декларация РХДД гласит, что «в результате бездумной и преступной хозяйственной политики коммунистической партии Россия оказалась на грани экологической катастрофы»¹⁰. Наряду с научным и технологическим факторами РХДД подчеркивает возрастающую роль моральной и социальной экологии в посткоммунистической России.

Еще одно различие — в оценке истории. Здесь РХДД солидаризируется со славянофилами, которые считали национальным бедствием петровские реформы, оборвавшие нить российской истории, бюрократизировавшие самобытное культурное и социальное развитие, подавившие витальные органические энергии политическое и экономического развития страны. Также, в отличие от Федотова и ранних христианских демократов Запада, РХДД не стремилась построить свою программу на формах демократического общежития, характерных для средневековья.

По оценке В. Аксючица, РХДД являлась «уникальной партией с особой идеологией, традиционной для России, с нравственной христианской политикой, а не группой политиков-единомышленников, ставящих единственную цель — добиться власти любой ценой». Литературовед О. Мраморнов подчеркивал, что «РХДД строилось не на фундаменте политической доктрины, выработанной в лоне европейской христианской демократии, а на общественно-политических разработках собственно русской религиозно-философской мысли». По мнению Г. Анищенко, в рамках современного партийного законодательства у христианской партии в России не может быть будущего¹¹.

Трагическая история РХДД, закончившаяся поражением и распадом, не может не вызывать параллелей с биографией Г. Федотова, не понятого современниками и вызывавшего шквал критики со стороны как правых, так и левых кругов эмиграции. Нам представляется, что это свидетельствует о законсервированной проблеме радикализма в российской политике. Отказ от максимализма неизбежно приводит к утрате политической силой жизнеспособности. Но, согласно Федотову, без этого невозможен никакой переход к подлинной демократии. Борьба с большевизмом во что бы то ни стало приведет лишь к возвращению большевизма в ином облики.

В связи с этим наиболее ценным для современной России нам видится центральная идея концепции Федотова — о культурном обновлении, рождающем новый тип человека, обладающего целостным христианским мирозерцанием. Федотов мог ошибаться насчет значения «мюнхенского сговора» или в надеждах на скорый крах социалистической системы, но в верности его главного утверждения сомневаться не приходится: максимализм, из-за которого в российской политике могут чередоваться лишь кратковременные периоды анархии с продолжительными периодами примитивного патернализма — это не то культурное наследие, которая Россия должна пронести сквозь века. Это проблема, преодоление которой является непременным условием успешного перехода к демократии.

¹ Российское демократическое движение. Сборник материалов. М., 1990. С. 2.

- ² Российское демократическое движение. Сборник материалов. М., 1990. С. 6.
- ³ Российское демократическое движение. Сборник материалов. М., 1990. С. 2.
- ⁴ Российское демократическое движение. Сборник материалов. М., 1990. С. 39.
- ⁵ Российское демократическое движение. Сборник материалов. М., 1990. С. 40.
- ⁶ *Сава Р.* Христианская демократия в России // Социологические исследования. 1993. № 4. С. 128.
- ⁷ *Foucault M. Senellart, Michael.* ed. *The Birth of Biopolitics: Lectures at the College de France (1978–9).* Graham Burchell (trans.) (1st Picador Paperback ed.). N.Y., 2010. P. 107–108.
- ⁸ См.: *Федотов Г.П.* Письма о социализме // Защита России. Париж, 1988. С. 310.
- ⁹ См.: *Стенун Ф.А.* Чаемая Россия // Новый град. 1936. № 11.
- ¹⁰ Российское демократическое движение. Сборник материалов. М., 1990. С. 45.
- ¹¹ Российское демократическое движение. Сборник материалов. М., 1990. С. 45.

Карипов Б.Н.

Механизм функционирования русской государственности: отношения государства с основными социальными слоями и сословиями в XVI–XIX вв.

Древняя Русь представляла собой огромную равнину без естественных границ, открытую для нашествий. Однообразие природных условий, малочисленность населения делали внутренние связи непрочными. В таких условиях, как отмечал один из идеологов русской государственной школы С.М. Соловьев, именно государственная «централизация» восполняла «недостаток внутренней связи»; она сама была обусловлена этим «недостатком» и в этом смысле была «благодетельна и необходима, ибо без нее все бы распалось и разбредлось»¹.

О том, что природно-географические условия повлияли на формирование территориальной общности русского государства, обширная равнина которого рано или поздно должна была стать областью одного государства, характеризующегося «однообразием частей и крепкой связью между ними», С.М. Соловьев говорил также в работе «Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого»².

Борьба с многочисленными опустошительными вторжениями требовала постоянного внимания к поддержанию обороноспособности. При обширной территории страны и ее слабой заселенности это вело к усилению центральной власти.

Русская государственность формировалась в процессе колонизации, заселения обширных пустующих пространств, который, по словам В.О. Ключевского, совпадал с расширением «государственной ее территории»³. Начиная со времен древнерусского государства вплоть до переселенческой политики П.А. Столыпина начала XX века, освоение присоединенных земель являлось одной из главных задач государственной политики.

Природно-географические и геополитические условия повлияли на то, что изначальным способом существования русского населения являлось экстенсивное земледелие и скотоводство⁴. С помощью сельскохозяйственного труда закладывались основы благосостояния и общественного богатства, государству предоставлялись

демографические, материальные, финансовые, военные ресурсы для нормального функционирования. Успешный труд и деятельность крестьян, в свою очередь, зависели от стабильности их жизненного положения, обеспечение которой стало одной из стратегических целей государства. Не случайно вопрос о земле и крестьянстве стал одним из определяющих в развитии российской государственности.

Одной из главных тем при исследовании истории становления российского государства как важнейшего фактора политической и общественной модернизации является вопрос о *механизме функционирования* русской государственности — о том, как складывались отношения государства с основными социальными слоями и условиями в XVI–XIX веках. В политической истории России данного периода выделяются такие формы правления, как «служилое государство XVI–XVII веков»; «абсолютизм XVIII века»; «самодержавие XIX века»; «краткая фаза монархического конституционализма начала XX века»⁵. Возможность установления преемственности этих форм, а также выявления характера такой преемственности определяется, прежде всего, анализом того, что составляет суть механизма социального регулирования и способов его воспроизводства в меняющихся формах на каждом из этапов развития.

Анализ эволюции сословных отношений и административного аппарата патрионального государства (допетровской Руси) показывает, что обе эти линии были тесно взаимосвязаны, а точнее, представляли собой две стороны единого процесса. Формирование сословий проходило под непосредственным влиянием государства, а административные учреждения существовали постольку, поскольку обеспечивали функционирование сословного строя. В результате сословия и государство тесно смыкались между собой, что нашло выражение в формировании особого типа государственности — служилого государства. Сердцевину данного государства составляло условное землевладение. Общество и государство этого периода трудно разграничить: каждое сословие, слой, группа выполняли те или иные служебные функции, занимая строго определенное место в общественной иерархии, закрепленной в законодательстве в качестве чиновных делений. Процесс государственной регламентации функций сословий, шедший постепенно, получил правовое оформление в Соборном уложении 1649 года, вследствие чего происходило усиление роли государства в целом и его административного аппарата в частности. Данное обстоятельство ставило аппарат управления в особые условия, при ограниченных возможностях социального контроля вело к его внутренней консолидации, формальной институционализации, а также к росту бюрократии как *политически* значимого социального слоя.

Становление и утверждение абсолютизма в России, подготовленное предшествующими социальными тенденциями, означало в то же время качественно новый этап развития российской политической системы. Основным проявлением социально-политической трансформации общества петровского и послепетровского времени стало создание нового правящего класса — дворянства. Этот класс возник на основе предшествующих привилегированных слоев, однако отличался от них большей гомогенностью и унификацией; степенью связанности с государственной властью; статусом и престижем; отдаленностью от остального общества и, самое главное, характером рекрутирования и социальной мобильности, внутрисословной организацией и отношением к земельной собственности.

Важным этапом на пути к окончательной консолидации дворянства явилось уравнение правового статуса условной (поместной) формы землевладения с наследственной (вотчинной) формой. Юридическое признание этого факта стало возможным лишь в петровскую эпоху — благодаря Указу о единонаследии 1714 года «О

порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах». Унификация отношений собственности на землю и крестьян окончательно отделила правящий класс от остальной массы населения, что способствовало его сплочению.

Активную роль в создании дворянства играло государство, которое стремилось сделать его эффективным инструментом управления и поставить в большую зависимость от политической власти. Важным шагом на этом пути стали указы императрицы Анны Иоанновны об отмене майората, мешавшего владельцам свободно распоряжаться имуществом, а также об ограничении срока военной службы дворян. Общая тенденция предоставления дворянству особых государственных льгот пробивала себе дорогу и в дальнейшем, вплоть до того времени, когда в 1762 году «Указ о вольности и свободе российского дворянства» Петра III окончательно положил конец обязательной службе дворян. С этого времени основным занятием этого сословия стала жизнь в имениях. Их новые социальные требования свелись к проведению генерального межевания земель в стране с целью окончательного правового закрепления этих территорий за владельцами.

Высвобождение дворянства от служилых функций поставило под угрозу всю систему служилых отношений государства, которая представляла собой четко отлаженный механизм взаимодействия сословий и административной власти. Дворянство окончательно превратилось в класс землевладельцев, использующих подневольный труд зависимого крестьянства. Данный способ не содержал в себе оснований для повышения эффективности производства, а потому постоянно требовал увеличения площадей обрабатываемых земель и усиления внеэкономических методов стимулирования работников. По существу, именно такую политико-экономическую программу дворянство стремилось навязать государству.

С этого момента в российской политической мысли в центре внимания оказывается вопрос о положении крестьянства. Крупнейшими государственными деятелями, политиками и экономистами предлагаются разнообразные варианты его решения, в том числе и о выделении крепостному крестьянству в наследственное владение земельных участков с точным определением повинностей в пользу помещиков, а также о возможности богатых крестьян выкупать себе волю. Однако основная масса крестьянства выдвигала на первый план свои узкосословные интересы и ближайшие экономические выгоды, была совершенно не готова к обсуждению вопросов экономической реформы. Крайней точке зрения — о противоестественности крепостного состояния, его хозяйственной неэффективности, и вытекающей отсюда необходимости его отмены — противостояло разделяемое значительным большинством дворянства не менее категорическое мнение об абсолютной вредности этой меры.

Сохранение крепостного права создавало безвыходную, более того, еще и взрывоопасную, ситуацию для общества и государства. Осознание подобного обстоятельства вызвало к жизни идею совещания представителей различных сословий для ее обсуждения и выработки оптимальной политической линии. Созывая в 1767 году для реализации этой цели Уложенную комиссию, Екатерина II стремилась обеспечить легитимность своего правления и получить достаточно полное представление о политических требованиях различных общественных слоев и соотношении политических сил. Она выступила инициатором представительского учреждения, в которое общество должно было делегировать своих депутатов с наказами от избирателей.

Особый характер социального строя России и внутренняя противоречивость представительского учреждения в крепостнической стране предопределили весьма сложный социальный состав Комиссии, а также ее практическую безрезультативность. В нее входили депутаты от дворянства, городов, правительственных учре-

ждений, государственных крестьян, казачества, однодворцев, пахотных солдат и национальных групп, ведущих оседлый образ жизни, независимо от религиозной принадлежности. Частновладельческие крестьяне, а также духовенство как единая сословная корпорация не были представлены в Комиссии.

При всем различии интересов социальных групп, входивших в состав Уложенной комиссии, их требования объединял утилитарный, распределительный подход общественного регулирования. Каждое сословие стремилось улучшить свое положение за счет остальных, понимая социальную справедливость как более благоприятное для себя распределение общественных благ. К примеру, промышленники и купечество стремились к распространению на них дворянских привилегий владения землей и крепостными крестьянами. Другим предметом межсословных споров стало право торговли, которое оспаривали одновременно дворянство, купечество и крестьянство, апеллируя к государству в надежде избавиться от нежелательных конкурентов в рыночных отношениях. Дворянство стремилось расширить свои владения за счет других сословий, а также государственных и церковных территорий.

В связи с этим можно поставить вопрос о причинах подобной распределительной психологии: сводится ли она исключительно к эгоистическому сознанию социальных групп, низкой политической культуре и непониманию общегосударственных перспектив? Ответ на него заключается в том, что данное общество в силу сложившихся условий существования к этому историческому моменту не выработало эффективных путей и способов приумножения общественного богатства.

Главным тормозом развития общества оказывалось прикрепление податных сословий к повинностям, крестьян — к владельцам, горожан — к определенному месту жительства. Поэтому торговля, предпринимательство в промышленности и сельском хозяйстве, промыслы и ремесла — столь эффективные источники первоначального накопления капитала в Новое время — в подобных условиях выступали в совершенно особой (по отношению к Западной Европе) роли. С одной стороны, правительство ограничивало свободное развитие рыночных отношений сетью административных запретов, с другой, — было вынуждено оказывать стимулирующее воздействие на рынок в виде поощрительных тарифов, организации государственной промышленности, монополизации приоритетных отраслей деятельности. В результате стремление к рационализации общественных отношений, вызываемое объективными условиями, приобретало *модернизационный* характер.

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1962. Кн. 7. С. 27.

² Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М., 1993. Кн. 1. Т. 1–2. С. 56.

³ Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения: В 8 т. М., 1956. Т. 1. С. 31.

⁴ Карамзин Н.М. История государства российского: В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 66–67; Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 47.

⁵ Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 281.

Аспекты международной борьбы за контроль над космическим пространством

Поле изучения традиционной геополитики было ограничено земным пространством — сушей и морями. Современный же геополитический анализ должен иметь в виду настоящее и будущее освоения космического пространства, его влияние на расстановку сил и их соотношение в мировой политике¹.

Это тезис подтверждается увеличением международно-политического значения мировой космической деятельности, которое наблюдается в последние два десятилетия. Крушение биполярной системы привело к росту числа государств, осуществляющих деятельность по освоению ближнего космоса, и усложнило процесс международной борьбы за контроль над космическим пространством. В том числе получили повторное развитие проекты милитаризации ближнего космоса.

В настоящее время в мировой космической деятельности участвует более 125 стран. Лидерами являются США и Россия, активную роль играют Франция, Китай, Япония, Германия, Великобритания, Канада, Нидерланды, Бельгия, Испания. Все более активны новые индустриальные государства — Индия, Пакистан, Аргентина. При этом более 20 государств располагают научным и производственным потенциалом для самостоятельной разработки и производства космической техники запуска космических аппаратов собственными или арендуемыми носителями². На данный момент в околоземном космическом пространстве активно функционирует около 780 космических аппаратов, из них 425 принадлежат США, 96 — России, 22 — КНР³. При этом количество космических аппаратов (КА) постоянно растет. По некоторым прогнозам, к 2015 году количественный состав орбитальных группировок возрастет еще на 400 КА.

Помимо борьбы за мировое лидерство в освоении и использовании околоземного космического пространства между Россией, США и Китаем на современном этапе международных отношений усилилась тенденция конкуренции за региональное лидерство, с помощью развитых космических технологий. На сегодняшний момент такие противостояния намечились в Южной Америке, Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Ближнем и Среднем Востоке. Таким образом, развитие космических технологий теперь не ограничивается только проектами государств «Большого космического клуба», а становится одним из определяющих факторов, ведущих к расширению политического и экономического влияния стран, как в отдельном регионе планеты, так и на глобальном уровне в целом.

Одним из таких международных противостояний является **идеологическая борьба** за право называться лидером в области освоения космического пространства. Идеологизация и политизация космической деятельности начались еще на «докосмическом этапе» международных отношений в сфере борьбы за контроль над ближним космосом. Первоначально они развивались в рамках глобального противостояния между СССР и США, а потом переросли в глобальную идеологическую и политическую борьбу военно-стратегических блоков: капиталистического Запада и социалистического Востока. Однако нельзя не отметить, что данный аспект борьбы за контроль над околоземным космическим пространством помимо общих тенденций противостояния в системе военно-стратегических блоков индивидуален для каждой из стран «Большого космического клуба».

Для СССР первенство в области освоения околоземного космического пространства в первую очередь стало демонстрацией успехов социалистического строя на мировой арене и позволило значительно увеличить геополитическое влияние страны. В США восприняли запуск советского искусственного спутника Земли как удар по своему могуществу и престижу. Таким образом, с помощью развития национальной космонавтики американское правительство пыталось вернуть себе статус мирового лидера в области науки и техники. Страны Европейского союза рассматривали реализацию самостоятельных проектов освоения космического пространства как частичный уход из-под внешнеполитического влияния США. Для Японии освоение космоса стало символом возрождения и могущества на послевоенном этапе истории. Китайское руководство с помощью развития космонавтики стремилось вывести страну в число мировых лидеров.

С точки зрения идеологизации космического пространства показательны названия программ создания первых национальных искусственных спутников Земли, у США это «Авангард», у Китая «Ветер с востока». Таким образом, страны как бы сигнализировали всему мировому сообществу о своих претензиях на космическое пространство. Нельзя не отметить тот факт, что первые национальные искусственные спутники Земли, в большинстве случаев имели «упрощенную» конструкцию и в первую очередь играли роль космического символа.

Другим современным противостоянием в области борьбы за контроль над околоземным космическим пространством является **экономическая борьба** за растущий мировой рынок космических технологий и услуг. Данный аспект международной деятельности по освоению и использованию околоземного космического пространства получил активное развитие в 80-х годах XX века. Заключается он в первую очередь в получении экономической выгоды от создания и развития собственной космической техники и предоставления космических услуг (запуск ракет-носителей, навигация, телекоммуникация и связь, и т. д.). Космонавтика крайне дорогостоящая и наукоемкая отрасль промышленности, поэтому не многие государства могут позволить себе реализацию проектов освоения космического пространства. В то же время державы «Большого космического клуба» стремятся снизить свои затраты на развитие космической отрасли путем предоставления другим странам сигналов спутниковой связи и проведения запусков собственными ракет-носителями. В современных условиях рынок космических услуг испытывает значительный рост. По данным президента Ракетно-космической корпорации «Энергия» В. Лопота, за последние 10 лет мировой рынок космических услуг вырос более чем в пять раз и теперь равняется \$500 млрд в год⁴. При этом более 80% этого рынка составляют собственно услуги. Среди космических услуг В. Лопота выделил телекоммуникацию, навигацию, дистанционное зондирование Земли и метеонаблюдение, остальные 20% приходятся на создание ракетно-космической техники и строительство инфраструктуры для ее обслуживания. По его словам, за последнее десятилетие произошли значительные изменения и в структуре рынка космических услуг. 10 лет назад рынок космических услуг приносил прибыль менее \$100 млн в год, где 60–70% составляло строительство ракет-носителей и космических аппаратов, запуски ракет, создание космической и наземной инфраструктуры, только 30–40% относилось собственно к космическим услугам.

Таким образом, на современном этапе международных отношений, когда космонавтика перестала быть исключительно убыточной отраслью промышленности, и многие государства включились в борьбу за долю в мировом рынке космических услуг. Например, такие страны Азиатско-Тихоокеанского региона, как Сингапур,

Тайвань, Таиланд и Южная Корея, основной целью развития собственных космических проектов видят получение экономической выгоды и стремятся занять свою нишу на сравнительно новом, но очень перспективном рынке космических услуг.

Другой причиной развития экономического аспекта космической деятельности является повышение научно-технического потенциала государств. Например, Тайвань ограничил свои космические амбиции созданием спутников связи, а также расширением промышленной базы своей космической программы в целях развития национальной экономики. С помощью космических технологий многие государства рассчитывают ускорить рост производства во многих других отраслях национальных экономик и увеличить экономический потенциал страны.

Таким образом, в 1980–2000-е годы борьба за контроль над околоземным космическим пространством приобрела экономическое измерение. Очевидно, что в ближайшие десятилетия основную роль в экономическом использовании космоса будут играть Россия, США, Китай и Япония и страны Европейского союза. В то же время значительное увеличение числа стран, включившихся в деятельность по развитию проектов использования космического пространства в экономических целях, ожесточит международную конкуренцию в этой области. По моему мнению, в число возможных сценариев развития экономического аспекта космической деятельности также входит усиление международного сотрудничества стран, не обладающих собственными средствами для выхода в космос, но стремящихся играть не последние роли на мировом рынке космических услуг.

Еще одной сферой международной борьбы за контроль над ближним космосом является **военно-стратегическая**. Эта область международной деятельности по освоению и использованию околоземного космического пространства является своеобразной отправной точкой борьбы за космос. Именно в рамках глобального военно-стратегического противостояния двух сверхдержав зародились и развивались космические проекты. В контексте «холодной войны» «прорыв в космос» рассматривался как реальная демонстрация потенциальной военной мощи и возможностей государства.

Данный аспект космической деятельности оказывает сильное влияние на международные отношения. Большинство государств по-прежнему рассматривают реализацию космических проектов военно-стратегического назначения как неотъемлемую часть национальной безопасности. В то же время военные научные исследования и разработки, призванные решать долгосрочные задачи обеспечения обороноспособности государств, включают в себя создание новых систем оборонительного и наступательного оружия. Однако из-за высокой стоимости таких систем позволить их создание на данный момент могут только США, Россия и Китай. По мнению экспертов, в будущем нельзя исключить появления тех или иных систем космического оружия.

По некоторым оценкам, к 2020 году не менее 35 государств будут иметь в своем распоряжении космические системы военного и двойного назначения, которые они либо создадут самостоятельно, либо закупят у других государств. Расширение группы стран, имеющих потенциал военно-космических средств, приведет к изменению международной обстановки в области военно-политических стратегий освоения космического пространства и сделает ситуацию менее предсказуемой. Таким образом, обеспечение международной безопасности в области борьбы за контроль над околоземным космическим пространством в первую очередь зависит от процессов демилитаризации космоса и укрепления мер доверия в межгосударственных отношениях.

Основные преимущества от обладания развитыми космическими технологиями рассмотрены в работе Сейома Брауна⁵. Исследователь выделяет следующие преимущества:

Возможность использования высокоточного оружия. Ярким примером является изменение в оснащении войск США начиная с 1991 года. По данным Пентагона, в ходе первой войны в Заливе в 1991 году всего 9% бомбовых ударов по иракским целям направлялись со спутников. А во время войны в Афганистане 60% ударов были осуществлены самолетами при помощи сигналов систем космической навигации. При проведении бомбардировок Югославии в 1999 году навигационные системы использовались в 95% случаев.

Облегчение процесса руководством поля боя. Благодаря высокой степени разрешения изображений с космических спутников военное командование всех уровней имеет возможность следить за ходом сражений в целом и на его отдельных участках, в любое время дня и ночи и независимо от погодных условий. Также с помощью космических систем осуществляется *управление беспилотной техникой*, что позволяет сократить потери высококвалифицированного численного состава армии.

Возможность ведения войны без помощи союзников. Страна фактически не будет зависеть от помощи союзников и сможет своими силами выполнять военные задачи в любой точке Земли. При этом управление войсками может осуществляться дистанционно. Командование всех уровней может руководить ходом военной операции практически из любой точки планеты.

Увеличение точности ракетных попаданий. Сокращается количество времени на уничтожение объектов и количество жертв среди мирного населения и увеличивается эффективность традиционных видов вооружений.

Противоположностью военного применения космических систем является **социальный аспект** деятельности по освоению и использованию околоземного космического пространства. Он заключается в использовании продуктов космической деятельности гражданским населением и в национальной экономике. Например, активное использование гражданами космической навигационной аппаратуры существенно увеличивает мобильность населения. Также с помощью информации спутниковых систем космического базирования современные государства способны бороться со стихийными бедствиями, вовремя предупреждая население о приближающейся опасности. Такие страны, как Испания, США, Австралия, особенно преуспели в развитии данного аспекта космической деятельности.

Другими словами, суть социального аспекта освоения космоса заключается в предоставлении населению возможности использовать передовые достижения этой области науки в повседневной жизни. То есть космонавтика, прежде всего, должна быть полезна людям.

К социальному аспекту освоения ближнего космоса наиболее приближен **этический аспект**. Это сравнительно новая сфера международной космической деятельности. В декабре 1998 года по предложению Европейского космического агентства Всемирная комиссия по этике научных знаний и технологий ЮНЕСКО сформировала рабочую группу по этике космического пространства. Перед комиссией была поставлена задача сформулировать этические принципы, которые должны помочь политикам при принятии решений в отношении космической деятельности. Соответствующий доклад был подготовлен 22 июля 2002 года. Из приведенных в нем рекомендаций вытекала строгая, хотя и не правовая, обязанность государств применять зафиксированные этические принципы на каждой стадии исследования и использования околоземного космического пространства.

Несомненно, что этика, мораль и право — это взаимодействующие, тесно связанные категории. Человеческая деятельность основывается на этических принципах, зачастую трансформированных в юридические обязывающие правила. Этика служит ба-

зой законотворческой деятельности, особенно при развитии новых типов деятельности, а также при толковании и применении существующих правовых норм. В будущем ЮНЕСКО продолжит изучение этики международной космической деятельности. Однако пока трудно спрогнозировать, какое влияние выработанные этические принципы смогут оказать на нормотворческую деятельность Комитета ООН по космосу, ООН в целом и практику самой космической деятельности государств.

Все вышеописанные аспекты международной космической деятельности, на мой взгляд, являются составными частями самого обширного по смыслу аспекта — **международно-политического**. Его можно рассматривать как наиболее общий и всеохватывающий. Данный аспект фактически определяет ход международной борьбы за контроль над околоземным космическим пространством. Так как он в той или иной мере оказывает влияние на ход большинства процессов международной космической деятельности и именно в рамках данного аспекта определяется перспективы развития космонавтики в целом. С усложнением деятельности по освоению и использованию околоземного космического пространства усложняются и межгосударственные отношения в этой области. Многие страны с помощью космических технологий пытаются решить комплекс внешнеполитических проблем, фактически перенося его в сферу борьбы за контроль над космосом и еще больше усиливая процесс политизации космического пространства. На современном этапе международных отношений мировому сообществу необходимо не допустить нового витка гонки космических вооружений. Поэтому международное сотрудничество в вопросах освоения и использования околоземного космического пространства имеет крайне важное значение для сохранения мира и продолжения космической экспансии на благо всего человечества.

Таким образом, в современном процессе международной борьбы за контроль над околоземным космическим пространством можно выделить идеологический, экономический, военно-стратегический, социальный, этический и международно-политический аспекты. Развитие каждого из данных аспектов в отдельности обогащает мировую космическую деятельность новыми технологическими решениями и способствует развитию космических технологий на благо всего человечества. Однако наличие таких глобальных проблем, как милитаризация космического пространства и техногенное засорение космоса (космический мусор), может негативно повлиять на процесс освоения космического пространства в XXI веке.

---

¹ Цыганков П.А. Международные отношения социологические подходы. М., 1998.

² Космос: оружие, дипломатия, безопасность. М., 2009. С. 11.

³ Военно-промышленный комплекс: Энциклопедия. М., 2005. Т. 1.

⁴ Лопота В. Мировой рынок космических услуг приносит прибыль в размере \$500 млрд. в год // www.rtc.ru/news/2/5436_1.html.

⁵ Seyom Brown. The Illusion of Control. Force and Foreign Policy in the 21st Century. Washington, 2003.

**Философско-политическое и философско-правовое знание
в контексте исторической эволюции системы наук
(постановка проблемы)**

В истории научного знания взаимодействуют два главных процесса — интеграции и дифференциации наук. Изначально (с времен Античности) научное знание имело интегрированный характер. В нем доминировали прежде всего **философия** как наиболее общее знание об основаниях, существенных, фундаментальных характеристиках и принципах объективной реальности (бытия), познания этого бытия человеком и бытия самого человека как мыслящего и одухотворенного существа. Другой сферой научного знания была **юриспруденция**, которая изучала (и применяла на практике) сущностные характеристики и функции государства, систему социальных и поведенческих норм. Существование этих относительно самостоятельных сфер научного знания было обусловлено объективными потребностями становящегося общества и развитием государственных систем, необходимостью их познания и управления.

Эти две сферы научного знания интегрировали в себе все остальные сферы, и именно из них (философии и юриспруденции) или на их стыке в эпоху Нового времени начинает формироваться весь спектр отдельных гуманитарных (и социальных) и естественных наук. Из интегрированного античного научного знания появляется современная система дифференцированных наук. Наиболее наглядным образом данный процесс нашел свое отражение в становлении университетского образования как в Европе, так и в России.

В данной статье этот процесс показывается на примере формирования таких научных дисциплин, как *философия права, история философии права, политическая философия / философия политики, политология / политическая наука, философия политики и права*.

Конституирование указанных научных дисциплин происходило по мере выделения отдельного, самостоятельного объект-предметного поля каждой из них. Историческая эволюция этого процесса имеет три этапа.

Первый этап (XVII–XVIII в.) связан с выделением из фундаментального научного базиса философии и юриспруденции *философии права и истории философии права*.

На втором этапе (XIX в.) окончательно оформляются *политическая философия/философия политики и политология/политическая наука*.

И наконец, **на третьем, современном этапе (XX–XXI в.)** формируется *философия политики и права*.

Дадим краткую характеристику каждой из этих дисциплин, включающую описание, определение их объект-предметных полей, их эволюцию в контексте исторической дифференциации наук.

Первый этап

Философия права — научная дисциплина, изучающая наиболее общие (философские) принципы и основания права и правовых отношений. Спор о том, отраслью

или разделом какой из двух наук — философской или юридической является философия права, идет уже очень давно (изначально эти позиции связываются с двумя классическими мыслителями — Гегелем и Г. Гроцием), но неразрешенным он остается и по сей день.

Сам термин «философия права» начал активно употребляться только в XVIII веке, но философско-правовые идеи и теории восходят уже к античным философам. В относительно самостоятельную систему знания философия права начинает оформляться в философских учениях Просвещения и немецких идеалистов (Кант, Гегель). Здесь она трактуется как естественное право. Следует отметить, что классическая работа Гегеля «Философия права» (1821) имеет следующее полное название — «Естественное право и наука о государстве в очерках. Основы философии права». В этом труде, кстати, Гегель однозначно трактует философию права как неотъемлемую часть философии. Начиная с конца XVII в. философия права (главным образом как теория естественного права) на систематической основе преподаваться в европейских (прежде всего, в германских) университетах. Весомый вклад в развитие философии права внесла в Германии историческая школа права, представители которой (Гуго, Савиньи, Пухта) критиковали естественно-правовую доктрину.

Именно как естественное право философия права начинает преподаваться в основном немецкими профессорами во второй половине XVIII в. в Московском университете. Сильная традиция трактовки философии права с естественно-правовых позиций сохраняется в России в XIX и в начале XX в. (В.С. Соловьёв, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Л.И. Петражицкий, Е.Н. Трубецкой, И.А. Ильин и др.). Представители данной традиции отстаивали системообразующий характер моральных и нравственных основ в праве. Особую позицию занимал Б.Н. Чичерин, который, признавая естественное право ядром философии права, вместе с тем выступал против смешения права и нравственности. В конце XIX века заметную роль в России играли и государствоведы, которые выводили философию права за рамки морально-этических норм (юридический позитивизм) (Н.М. Коркунов, А.Ф. Шершеневич, А.Д. Градовский, Д.И. Кавелин и др.).

Следует отметить, что теория естественного права и юридический позитивизм являются двумя важнейшими и наиболее мощными тенденциями развития философии права в XIX–XX вв. не только в России, но и за рубежом.

Определяя объект-предметное поле философии права, многие современные исследователи находят выход из неразрешенного спора о философской или юридической природе философии права в указании на то, что с самого начала она действует на «стыке» философии и юриспруденции, является симбиозом этих наук. Достаточно общим является мнение и о том, что философию права нужно понимать как междисциплинарную отрасль научного знания, что, безусловно, справедливо применительно к исторической эволюции данной дисциплины, которая в XVIII–XIX вв. действительно интегрировала новейшие достижения философии, правоведения и политологии для объяснения сущности правовых явлений и процессов в условиях, когда гуманитарное знание еще, в сущности, не было дифференцировано и когда для многих гуманитарных наук такие понятия как «право», политика», «государство», «власть» были общими категориальными универсалиями.

В XVIII–XIX вв. конструкции философии права и философско-правовые интерпретации социальной реальности были актуальны и достоверны для определенного времени и определенных исторических условий. По мере изменения этих условий на место одним приходили другие интерпретации. Поэтому достаточно влиятельным (во всяком случае, в России) было суждение о том, что не может существовать единой и

универсальной философии права, а наиболее продуктивно (особенно в образовательных целях) изучать историю этих меняющихся представлений и интерпретаций о праве, государстве, власти, т.е. изучать историю философии права. Не случайно, наверное, что в российской истории университетов в XIX веке не было курса «философия права» и тем более кафедр философии права, а преподавался (правда, с разными названиями) в качестве обязательного и важнейшего курса истории философии права.

В XX веке философия права приобретает статус и значение самостоятельной научной и образовательной дисциплины, но её интегративная функция остается важнейшей и на современном этапе.

История философии права — научная дисциплина, возникшая первоначально как учебный курс в германских университетах в начале XVIII века. Содержание данного курса состояло из изложения исторической эволюции идей и учений о государстве, власти, политике, праве. Первые печатные труды по истории философии права в Западной Европе (в основном в Германии) выходят в свет в XIX веке — «Философия права через исторический взгляд» Шталя (1832), трехтомная «История и система государственной науки» Бусса и Геппа (1839), «История философии права, начиная с Гуго Гроция» Вернкёнига (1839), «Периоды истории философии права» Росбаха (1842). В это же время курс истории философии права читается и в России, профессором К.А. Неволиным в Киевском университете. В 1839–1840 гг. этот курс был опубликован в виде двухтомника под названием «Энциклопедия законоведения» (второй том этого труда имеет название «История философии законодательства»). Одновременно с этим в Петербургском университете курс «Историческая часть энциклопедии законоведения» читает П.Д. Калмыков (в 1845 г. выходит рукописное издание), а в Киевском университете Н.И. Пилянкевичем, который назывался им уже «История философии права» (печатный текст данного курса под указанным названием увидит свет только в 1870 г., хотя первая неудачная попытка опубликования относится к 1849 г.).

По Университетскому уставу 1863 г. на юридических факультетах были созданы кафедры энциклопедии права, за которыми было закреплено чтение в качестве обязательных курсов истории философии права. Такие систематизированные курсы в 60-е гг. XIX в. читали П.Г. Редкие (Петербургский университет) и Б.Н. Чичерин (Московский университет). В 1869 г. Чичерин выпустил в свет первый том своего фундаментального (впоследствии — пятитомного) труда, который назвал «История политических учений».

Следует отметить, что на протяжении XIX века как в России, так и за рубежом вышло в свет огромное количество трудов (учебных университетских курсов), которые наряду с базовым («История философии права») имели и другие названия, общепризнанно являющиеся равнозначными («история политических учений», «история политических наук», «история общих учений о праве и государстве», «философские учения о праве и государстве» и др.). Авторами этих трудов (наряду с упомянутыми выше) были такие российские ученые, как Д.И. Каченовский, Ю.Г. Жуковский, А.С. Алексеев, К.Н. Ярош, С.А. Бершадский, Н.Н. Трубецкой, Н.М. Коркунов, В.Ф. Залесский, П.И. Новгородцев, Г.Ф. Шершеневич, А.С. Лаппо-Данилевский, А.Н. Фатеев, М.М. Ковалевский, В.Н. Сперанский, К.А. Кузнецов, В.Э. Вальденберг и др.

Зарубежными авторами по истории философии права (истории политических учений) в XIX — начале XX в., книги которых хорошо знали в России, в том числе и по русским переводам, являлись Ф. Шталь, Р. Фон Моль, Р. Блэки, П. Жанэ, А. Гейер, И. Блунчли, Г. Кох, Ф. Полок, Л. Штейн, А. Лассон, А. Мишель, Р. Трейман и др.

В нашей стране история философии права прекратила свое существование в 1918–1918 гг. после закрытия юридических факультетов и многих кафедр университетов. И только в 40-е гг. XX века для нужд юридического образования уже в новых социалистических условиях начинают разрабатываться курсы под названием «история политических и правовых учений», ставший в университетах для подготовки юристов обязательным. В конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. после создания кафедр и отделений политологии стал разрабатываться и преподаваться курс «истории политических учений», закрепленный для подготовки политологов как обязательный в государственных образовательных стандартах. В течение нескольких десятилетий у нас в стране вышло в свет достаточно большое количество книг и учебников под названием «История политических и правовых учений» или «История политических учений». Среди авторов этих изданий следует выделить Н.М. Азаркина, С.А. Дробышевского, В.Д. Зотова, Л.В. Зотову, И.Ю. Козлихина, О.Э. Лейста, В.П. Малахова, О.В. Маргышина, В.С. Нерсесянца, А.А. Чанышева и др.

Предметное поле истории философии права (истории политических учений) стало дискуссионной проблемой уже в XIX веке, но к общему суждению ученые не пришли и по сей день. Не в последнюю очередь это связано с тем, что данная дисциплина по своему содержанию и функциям относится к интеграционным («междисциплинарным») сферам научного знания. Наряду с ретроспективным изучением общих идей и учений о политике, праве, государстве и власти, в ней мы находим синтез по меньшей мере *четырёх* уровней анализа: во-первых, это выявление и изучение развития нормативно-институциональных аспектов функционирования политико-государственных систем (сфера правовой науки); во-вторых, это определение и описание тенденций и форм развития политико-государственных институтов и отношений (сфера политической и социальной истории); в-третьих, это анализ природы государства, власти, властных отношений, выявление противоречий и механизмов развития (сфера политической науки); в-четвертых, это оценка и прогнозирование развития политико-государственных систем, построение идеальных форм и моделей для такого развития (сфера философии).

Реализовать такие задачи заведомо не может научная дисциплина, ограниченная только рамками политологии (или теории политики) и тем более юридической науки; она с необходимостью должна анализировать философские, правовые, социологические аспекты процесса становления государственных и властных форм и отношений.

Поэтому история философии права (или ее более общепринятые в настоящее время названия — история политических учений, история политических и правовых учений) — это наука интегративная, — не только политическая (и историческая) по названию, но и философская, правовая, теоретико-литературная и социальная.

В условиях процесса дифференциации научного знания, который наиболее активно проходил в гуманитарной науке в XIX — начале XX в., история философии права оставалась одной из немногих интегративных скреп между целым рядом гуманитарных наук. Осуществлять эту функцию данной научной дисциплине позволяет то, что не только по названию, но главное, — по реальному содержанию заложенного в ней идейного материала она представляет собой синтез истории, философии (философии права) и политической науки, периферийно затрагивая при этом и такие науки, как социология, психология, культурология, литературоведение.

Понятия «политическая», «правовая» в ее названии употребляются только в связи с тем, что именно они дают этой науке объектную идентичность, так как ее исследовательский предметный поиск направлен на философскую (наиболее общую) интерпретацию сложнейших взаимодействий политики, государства, права, на вы-

явление сущего для его сопоставления с должным, с идеальными и наиболее совершенными моделями политического.

Второй этап

Политическая наука (Политология) — в современном употреблении данные понятия считаются идентичными, хотя этимологическая разница существует. Заключается она в том, что «наука» — это объективное логически обоснованное знание о сущем, тогда как «логос» (от др.-греч. — слово, *учение*) предполагает еще и знание о должном. В разных национальных научных школах в соответствии с определенными традициями иногда при словоупотреблении отдается предпочтение первому или второму понятию.

Объект-предметное поле политической науки (политологии) однозначно не определено и имеет ряд концептуальных моделей, среди которых можно выделить три главные: 1) государство; 2) власть; 3) (политические) отношения. Иными словами, политология — это наука о государстве, либо политология — это наука о власти, либо политология — это наука о политических отношениях. Существуют и смешанные объект-предметные конструкции политической науки.

Вместе с тем необходимо отметить, что уже давно идет спор о том, может ли изучение политических феноменов вообще быть научным. По сути, это непрекращающийся спор с Юмом, который еще в 1741 г. выступил с утверждением, что «политика может быть сведена к науке».

Формирование теоретических представлений о государстве, власти и политических отношениях, а также концептуальных разработок о влиянии, управлении этими феноменами общественной жизни относится к самым ранним этапам истории человеческой цивилизации. Первые научные труды по данной проблематике появляются в период Античности (Платон, Аристотель, Цицерон и др.). В XVI в. крупный вклад в развитие политической науки сделали Н. Макиавелли, М. Лютер и Ж. Боден. В 1603 г. И. Альтузиус опубликовал сочинение «Упорядоченная методическая политика», которое можно считать первым опытом учебника по политической науке. Позже в XVII–XVIII вв. политическая наука получила свое развитие в трудах Г. Гроция, Т. Гоббса, Д. Локка, Ш.Л. Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо, Э. Бёрка, Д. Милля, А. де Токвиля и др. На рубеже XIX–XX вв. огромное влияние на развитие политической науки оказали работы М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Моска, В. Парето, Б. Кроче и др.

В России с 1804 г. на протяжении определенного времени в университетах существовало отделение (факультет) нравственных и политических наук, присуждалась научная степень доктора политических наук. Позже на основе прогрессивного Университетского устава 1863 г. была даже предпринята попытка отделить в преподавании политические науки от юриспруденции. Данная попытка на деле оказалась робкой и непоследовательной, но и она, тем не менее, привела к появлению целого ряда трудов и учебных курсов, в которых проводился научный анализ политических проблем. Авторами таких работ были Б.Н. Чичерин, Н.М. Коркунов, М.М. Ковалевский, М.Я. Острогорский и др.

В США и Западной Европе развитие политической науки происходило более успешно и интенсивно, чем в России. Во второй половине XIX в. политическая наука начинает выделяться в самостоятельную учебную (университетскую) дисциплину. В 1857 г. в Колумбийском университете (США) создается кафедра истории и политической науки. В 1872 г. во Франции начинает функционировать специальная

Свободная школа политической науки. В 1880 г. аналогичная школа создается в Колумбийском университете. В 1895 г. Школа экономики и политической науки создается при Лондонском университете. Позднее в этих и других странах создается целая сеть отдельных подразделений (факультетов), деятельность которых была направлена на преподавание политической науки, а также на реализацию издательских и научных проектов в этой области. В конце XIX — начале XX в. получает признание и распространение и сам термин «политическая наука». Не в малой степени этому способствовал вышедший в свет в 1896 г. капитальный и ставший позже классическим труд Г. Моска «Элементы политической науки».

Произошедшие в конце XIX — первой половине XX века институциональные и структурные изменения в области политической науки некоторыми учеными были истолкованы как исходный рубеж для развития собственно политической науки, тогда как до этого следует говорить лишь о развитии политической мысли или политических идей. На самом деле это было не «рождение» политической науки, а конституирование ее места в новой дифференцированной системе гуманитарных наук, которая как раз и формируется на рубеже XIX и XX вв. В этой новой системе большое значение начинает придаваться разграничительным объект-предметным линиям, что для политологии означало разрыв интеграционных связей с философией и юриспруденцией, идейными и методологическими средствами которых политология продуктивно пользовалась на протяжении предшествующих веков.

В 1948 г. в Париже под эгидой ЮНЕСКО состоялся международный симпозиум по проблемам политической науки, на котором были приняты общие рекомендации по определению предметных рамок данной науки, а также по принципам и направлениям ее преподавания. Немного позднее экспертами, обобщившими материалы конгресса, было предложено четыре основных направления политологических исследований: 1) *политическая теория* (в том числе и история политических идей); 2) *политические институты* (конституция, центральное управление, региональное и местное управление, публичная администрация, экономические и социальные функции управления, сравнительное изучение политических институтов); 3) *партии, группы и общественное мнение* (политические партии, группы и ассоциации, участие граждан в управлении и администрации, общественное мнение); 4) *международные отношения* (международная политика, политика и международные организации, международное право). Тем самым, в мировом политологическом сообществе было принято консолидированное для того времени решение о неких рамках исследовательского поля политической науки. Впоследствии эти рамки постоянно уточнялись и расширялись.

На конгрессе 1948 г. было принято решение употреблять термин «политическая наука» в единственном числе, включив тем самым в единое объект-предметное поле различные энергично развивавшиеся в то время субдисциплины — политическую социологию, политическую философию, политическую географию и др. В 1949 г. под эгидой ЮНЕСКО была создана Международная ассоциация политической науки, а политология как самостоятельная научная и учебная дисциплина была введена в программы ведущих университетов США и Западной Европы.

Во второй половине XX века политическая наука существенно расширяет свой исследовательский диапазон, создаются новые направления и формы политологического анализа, к которому привлекается широкий набор методологических и методических подходов (включая, математические). Достаточно энергично в этот период начинают развиваться такие направления политической науки, как политическая география, геополитика, хронополитика, политическая глобалистика и эполитоло-

гия, политическая социология, политическая психология, этнополитология, сравнительная политология, политическая конфликтология, прикладная политология. В 70–90-е гг. выходят многотомные обобщающие труды по политологии: восьмитомное «Руководство по политической науке» под редакцией Ф. Гринштейна и Н. Полби (1975), четырехтомный «Трактат по политической науке» под редакцией М. Гравитц и Ж. Лека (1985) и др. В 1996 г. под редакцией Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна выходит в свет оксфордское издание «Новое справочное издание по политической науке», которое признается наиболее удачным энциклопедическим обзором современной мировой политологии (русский перевод 1999 г. под названием «Политическая наука: новые направления», научный редактор Е.Б. Шестопап). Среди ведущих имен современной политической науки следует также назвать А. Алезина, Ч.Р. Алкера, Г.А. Алмонда, Д.И. Албта, Д.И. Аптера, А.Б. Аткисона, Б. Бэрри, Д. Берг-Шлоссера, Э.Г. Карминаса, Д.Л. Сингранелли, Р.Дж. Далтона, М. Догана, Г. Друри, П. Данливи, К. Гоулдмана, Р.И. Гудина, Б. Грофмана, Р. Хоффербергера, Р. Хакфельда, Д.И. Джексона, Р.О. Кеохейна, Г.-Д. Клингеманна, С. Липсета, П. Мэра, Д. Маджоне, К. Макгроу, Ж. де Мёра, У.И. Миллера, Б. Нельсон, К. Оффе, Ф.У. Паппи, Б. Пареха, Б.Г. Питерса, Ч. Рейджина, Б. Ротстайна, К. фон Байме, Б.Р. Вейнгаста, Л. Уфйтхеда, В. Райта, А.М. Янга и др.

В современной России возрождение политологии как научной и образовательной дисциплины началось в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого века, когда в университетах открываются специализированные кафедры и отделения, учреждаются ученые степени кандидата и доктора политических наук, выходят в свет учебники и монографии по политологии (Т.А. Алексеева, М.А. Василик, К.С. Гаджиев, М.В. Ильин, М.А. Мельвиль, А.С. Панарин, В.П. Пугачев, А.И. Соловьев и др.). Позже в российских университетах открываются отдельные факультеты политологии (МГИМО, Высшая школа экономики, МГУ имени М.В. Ломоносова, СПбГУ и др.).

Философия политики (Политическая философия) — философская наука (научно-образовательная дисциплина) о наиболее общих (философских) основаниях политики. К числу таких оснований следует отнести проблемы сущности политики как социального феномена, как специфического регулятора общественной жизни, соотношения сущего и должного, рационального и нерационального в политике. В своем современном состоянии данная наука (и особенно как университетская образовательная дисциплина) в свое содержание включает онтологические, гносеологические, аксиологические, антропологические, социокультурные, эпистемологические, праксиологические и прогностические проблемы политики.

Философское осмысление политики относится к самым начальным этапам интеллектуальной истории человечества. В античных и средневековых философских системах данное направление философствования являлось составной и неотъемлемой частью единой и целостной метафизической картины мира. В трудах философов XVI — начала XIX вв. (Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескьё, И. Кант, Г. Гегель, Дж. С. Милль и др.) политика становится непосредственным и очень важным предметом философского анализа. Дальнейшее развитие идеи политической философии нашли свое развитие в XIX — начале XX вв. у таких мыслителей, как А. де Токвиль, К. Маркс, Г. Спенсер, В. Парето, Г. Моски, М. Вебер, А. Мишель, Л. Дюги и др.

В российских университетах в XIX — начале XX в. в качестве обязательных предметов преподавались энциклопедия права и история философии права, которые рассматривались как философское введение в юриспруденцию и содержали большой объем философско-политических проблем. В этих курсах в систематизирован-

ном и ретроспективном виде излагались проблемы государства, власти, политики и т. д. В числе российских мыслителей, которые внесли наибольший вклад в научную разработку данной проблематики, следует отнести Б.Н. Чичерина, П.Г. Редкина, В.С. Соловьёва, Л.И. Петражицкого, М.М. Ковалевского, П.И. Новгородцева, И.А. Ильина, Б.П. Вышеславцева, С.Л. Франка, С.И. Гессена, Н.А. Бердяева и др.

В XIX веке в процессе дифференциации социальных и гуманитарных наук постепенно начинает происходить выделение (институционализация) политико-философской проблематики из философского знания и формирование ее как относительно самостоятельной дисциплины. В связи с этим появляются и специальные названия (термины) для обозначения этой новой самостоятельной дисциплины; и в числе первых — термин «*политическая философия*». Так, в частности, был назван двухтомный труд англичанина Г. Броугема, который вышел в свет в 1842–1843 гг.

В XX веке политическая философия превращается в фундированную отрасль политико-философского знания. Такие западные ученые, как К. Шмитт, Л. Штраус, Х. Арндт, И. Берлин, Дж. Ролз, О. Хёффе, создают целый ряд научных трудов, которые для политической философии в настоящее время принято считать классическими. Ключевыми понятиями для политической философии XX века стали «свобода», «власть», «справедливость». Именно эта понятийная триада и определяет предметное поле, основные направления и проблемы политико-философской мысли последних десятилетий.

Во второй половине XX века для обозначения философского анализа политики начинает активно использоваться термин «*философия политики*».

Данный термин в научном контексте у нас в стране используется уже несколько десятилетий. Можно, например, вспомнить в этой связи о существовании еще в 70-е гг. прошлого века Секции философии политики и международных отношений в Философском обществе СССР, которая выпускала различные сборники научных работ по данной проблематике. В 90-е и 2000-е гг. выходит ряд научных книг с искомым названием (А.С. Панарин, Э.А. Поздняков, И.А. Гобозов, А.Г. Дугин), а также разрабатывается ряд учебных курсов «Философия политики» на философских факультетах университетов.

В научной литературе термин «философия политики» часто пересекается с термином «политическая философия». Отношение к вопросу о соотношении этих терминов среди современных ученых различное. Одни не видят в них особых различий и употребляют их фактически как тождественные, другие (восходит к И. Берлину) такие различия находят в том, что «философию политики» рассматривают как часть философии, философского знания, а «политическую философию» относят к области политической науки. Хотя в некоторых, в том числе и справочных изданиях «политическая философия» относится к философскому знанию. Думается, что второй подход более продуктивен, поскольку приближает нас к интерпретации проблемы соотношения философии и политики. «Философия политики» может трактоваться как приложение философии к области политической жизни, тогда как «политическая философия» является саморефлексией политики, ее «внутренним» знанием о самой себе. Первая решает вопросы, которые ставит перед философией политика, тогда как вторая решает вопросы, которые ставит перед политикой философия. Но на эти разные вопросы могут быть даны одинаковые ответы. Поэтому «философия политики» и «политическая философия», в любом случае, это сильно пересекающиеся, взаимосвязанные области научного знания, поскольку в их соотношении фиксируется не разница смыслов, а только разница детерминации мысли, направленности мысли.

Взаимодействие философии политики и политической философии создает поле для научного диалога философии и политики. Кто из этих сторон сегодня более активен в этом диалоге, сказать трудно. Ясно, что концептуализация политики, исследование ее фундаментальных, сущностных оснований, поиск целей и смысла политики были и остаются важнейшей и пока плохо разработанной философской проблематикой. Да и современная политика все реже ставит перед философией смысловые вопросы. Конечно, в данном случае имеется в виду не реальная политика (и политики) — отсюда ждать этих вопросов наивно, а политическая наука. Но представляется, что сегодня для многих молодых (и не только молодых) политологов, профессиональные интересы которых устойчиво ориентируются на технологии и приложения, метафизические проблемы являются малоинтересными и неперспективными.

В настоящее время размежевание предметных полей философии политики и политической философии (и теоретической политологии, «теории политики») окончательно еще не произошло, и не понятно, произойдет ли оно в обозримом будущем. Не исключено, что эти дисциплины в современном гуманитарном знании будут и далее развиваться как две взаимосвязанные и взаимодополняемые парадигмы философского обобщения политики.

Третий этап

Философия политики и права — новое направление социально-гуманитарного знания, связанное с синтезом двух развивающихся ранее относительно самостоятельно философских дисциплин — философии политики (политической философии) и философии права.

Объективной основой такого синтеза является то, что политика и право в действительности являются двумя важнейшими взаимосвязанными регуляторами современной общественной жизни. Вместе с тем историческая эволюция дифференцированного знания, начавшаяся в Новое время и продолжающаяся по инерции по сей день, привела по методу абстракции к разведению *политики* и *права* по разным областям науки. Политика была отнесена к предметной области политических наук, право — к юриспруденции. Указанные науки достигли на протяжении многих десятилетий и даже столетий своего развития существенных достижений в изучении и понимании данных общественных феноменов. Но видимо, в этом процессе объективно существуют свои пределы, за которые эти науки выйти не в состоянии. Не случайно, кстати, каждая из этих наук (особенно политология и правоведение) до сих пор не имеют общепринятого предмета, единого понимания природы искомых феноменов. Многие современные учебники по политологии и праву начинаются с констатации, что в этих науках нет более многозначных и неопределенных понятий, чем «политика» и «право».

Это не случайно. Разные науки (политология и правоведение) отдельно друг от друга изучают политику и право как отдельные и самодостаточные сущности, тогда как в реальности они взаимно дополняют и взаимно обуславливают друг друга.

Политика и право как социальные регуляторы работают эффективно только тогда, когда существует ясное и точное знание того, к каким идеальным моделям общественных отношений нужно стремиться. Поэтому исследователь должен адекватно определить существующий порядок вещей (*сущее*), а затем создать идеальную модель (модели) этого порядка (*должное*). Именно в этом взаимном переплетении сущего и должного и лежит главная проблема современной общественной жизни и гуманитар-

ной науки, но найти адекватные (идеальные) решения этой проблемы невозможно силами отдельных наук (политологии, юриспруденции, этики).

Таким образом, объективно назрела необходимость в создании интегративной философской теории политики и права, которая была бы не *сложением* разных научных теорий (так называемая междисциплинарность), а *созданием* новой, другой теории.

Для становления такой теории можно выделить следующие первоначальные задачи:

- институционализация философии политики и права как нового направления университетского философского образования; определение ее места, роли и эвристических функций в контексте вызовов современной цивилизации;

- осмысление основных этапов и направлений исторической эволюции философских интерпретаций политики и права, особенно в аспекте взаимодействия этих двух феноменов общественной жизни;

- анализ онтологических, гносеологических, аксиологических, антропологических, социокультурных и прогностических проблем философии политики;

- анализ онтологических, гносеологических, аксиологических, антропологических, культурологических и праксиологических проблем философии права;

- исследование философских проблем взаимодействия политики и права, к числу которых можно отнести такие как норма и нормативность в политике и праве, взаимовлияние и взаимоограничение политики и права в современном общественном развитии; взаимосвязь политического и правового факторов в минимизации и разрешении национальных, региональных и глобальных проблем современного общества.

В настоящее время развитие философии политики и права осуществляется учеными различных учебно-научных центров как в России, так и за рубежом, в том числе и на созданной в 2008 году на философском факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова специальной кафедре философии политики и права.

* * *

Представленные выше характеристики философско-политических и философско-правовых дисциплин показывают главный вектор их исторической эволюции. Этот вектор состоит в формировании внутри дифференцированной научной системы тенденции к интеграции, научному синтезу. Этот новый вторичный (после Античного) научный синтез был обусловлен необходимостью объяснения новейших тенденций и явлений, которые возникли в реальном бытии в конце XIX–XX вв. Во многом это было обусловлено и выдающимися достижениями самих дифференцированных наук, многие открытия которых уже невозможно было адекватно интерпретировать только в рамках этих наук.

Получилось так, что обратный интеграционный процесс начал происходить (хотя и до сих пор недостаточно активно) в области естественно-научного знания и практически не затрагивал область гуманитарного знания, где процесс дифференциации, вопреки требованиям жизни, наоборот продолжился. В этом затянувшемся процессе научной дифференциации не только отдельные гуманитарные науки, но и отдельные научные дисциплины (и даже субдисциплины) оказались обособленными друг от друга. Это представляется особенно странным, поскольку отсутствие целостного характера научной интерпретации общественных процессов не соответствует не только объективным потребностям жизни, но и внутренним законам развития самих гуманитарных наук. Эти науки в преподавании и научных исследованиях отгородились друг от друга, но до сих пор не выработали собственного понимания предмета данной науки и испытывают большие трудности в определении базовых понятий,

которые относились бы только к какой-то одной науке, но не относились к другой. Еще в середине 90-х годов прошлого века один из крупнейших современных политологов и социологов И. Валлерстайн отмечал «...размытость границ между отдельными дисциплинами социальных наук». «Традиционные категории экономики, политологии, истории, социологии и антропологии, — писал он, — во многих отношениях потеряли свои различительные черты как предметные области, как области методологии, как конкурирующие эпистемологии»¹. Но вопреки этому объективному процессу, гуманитарные (и не только гуманитарные науки) институционально эволюционируют прямо в противоположном направлении.

Выход из создавшегося положения — формирование интегративных научных теорий, в которых произошел синтез эвристических и методологических достижений и возможностей существующих гуманитарных наук. Одна из таких теорий — это философия политики и права, которая опирается, в частности, на более чем вековой (только в России) исторический опыт и достижения такой научной и образовательной дисциплины, как история философии права.

---

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант «История политических учений в системе гуманитарных наук», № 11–03–00097а.

¹ Валлерстайн И. Письмо членам Международной социологической ассоциации // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 1995. № 3. С. 128.

Соловьева Д.А.

Политическая мысль эпохи Реформации во Франции. Жан Боден и его концепция суверенного государства

Франция — страна классического феодализма, где раньше всего возник и оформился абсолютизм. Реформация во Франции, испытавшая на себе влияние идей Возрождения, протекала в специфической форме и значительно повлияла на ход социально-политического развития основ государственности.

Политические теории второй половины XVI века в основном опирались на сочинения К. де Сейселя, итальянца по происхождению, советника французских королей Карла VIII и Людовика XII. В своем труде «Великая французская монархия» автор в значительной степени опирается на учение Макиавелли и, выстраивая свою концепцию, становится первым в истории общественной мысли теоретиком и защитником абсолютной монархии. Он полагал, что наилучшей формой государства является та, которая исторически более привычна для каждого народа. В силу этого он защищает наследственную монархию во Франции, хотя и отмечает некоторые ее недостатки. По мнению Сейселя, основным недостатком монархии является возможность перехода в тиранию, поэтому власть государя необходимо ограничить законом и судом. Мыслитель не настаивает на вечности монархии, несмотря на то, что исторически это наиболее привычная форма для французского народа. Средние слои и

простой народ — вот социальные слои, которые могут свергнуть монархию и попытаться установить какой-то иной государственный строй. Как защитник интересов дворянства Сейссель выступал против усиления роли зарождавшейся буржуазии, против предоставления народу большей свободы, приобретения его к воинскому ремеслу и даже против его обогащения. В то же время он выступал за предоставление народу экономических льгот для предотвращения голода. Этот комплекс идей, особенно касавшихся положения простого народа, позднее был воспринят почти всеми политическими теоретиками самых разных взглядов.

Мощный толчок для развития политических учений во Франции XVI века дали гражданские войны (1560–1598)¹. В середине века впервые зарождаются идеи тираноборчества. В истории общественной мысли Возрождения особое место занимает концепция Этьена де ла Бозси, исключительное положение которой объясняется тем, что она была единственной из предложенных концепций по устройству власти, в которой проповедовались идеи республиканизма. Единственное политическое сочинение Этьена де ла Бозси «Рассуждение о добровольном рабстве» было направлено против принципа единовластия и любых форм его проявления. В трактате впервые теоретически обосновывалось право народа на вооруженное восстание против тирана, то есть были сформулированы зачатки идеи народного суверенитета, тираноборчества и идеологии борьбы с феодализмом. Он выдвинул принцип социального равенства, чем и обосновал свое требование устранения социальных словесных перегородок, характерных для феодализма.

Монтень также внес вклад в разработку проблемы политического устройства государства и идеи «естественного права». Наиболее известным сочинением Монтеня о государственном устройстве стали «Опыты». Идеальное государство для Монтеня то, которое исторически утвердилось в каждой стране (в этом он согласен с Сейсселем). Монтень резко осуждает любые попытки изменить существующий строй, выступает против теорий, рисующих идеальное общество. Философ защищает абсолютную монархию, так как опыт религиозных войн показал, что эта форма способствует развитию страны и не дает ей распасться. Уничтожение или изменение привычной формы государства, по крайней мере в данных исторических условиях, привело бы с точки зрения Монтеня к восстановлению феодальной анархии. Также важным аспектом учения Монтеня является критика современного ему общества, которое придает профессиональным различиям политическое звучание. По его мнению, подобное использование религиозных чувств может привести лишь к распаду государства и его возвращению к временам феодальной раздробленности.

Специфика расстановки социальных сил в стране в период гражданских войн, незрелость и слабость французской буржуазии во многом определили направленность политических теорий указанного периода. В большинстве политических учений данной эпохи в той или иной степени нашли отражение воззрения формирующейся буржуазии. Наиболее заметна эта тенденция в деятельности партии политиков и ее идеологов. Большая часть представителей этого направления были выходцами из «дворянства мантии» — чиновничества. К ним можно отнести М. де Лопиталья, Э. Паскье². К этому же течению можно отнести Жана Бодена, основоположника истории экономических учений, основателя теории государственного суверенитета, разработавшего учение о революции и прогрессе, поднявшего проблему цивилизации и многое другое.

На социально-политические взгляды Жана Бодена большое влияние оказала нестабильная социально-политическая обстановка, связанная с началом Реформации. Политическая раздробленность уничтожила государство изнутри, и вполне понятно

его желание воссоздать сильное государство. В своем трактате «Шесть книг о республике» (1576) Боден занимается рассмотрением возможных путей выхода из политического кризиса посредством объединения государства под началом сильной монархической власти. Под «республикой» Боден имеет в виду государство в целом, заимствуя это понятие из правовых учений Древнего Рима. Исходя из этого, было бы логичнее называть его труд не «Шесть книг о республике», а «Шесть книг о государстве». Именно в этом произведении Боден выдвигает *концепцию государственного суверенитета*, которую, кстати говоря, он также частично позаимствовал у римлян. «Суверенитет есть абсолютная и постоянная власть, которую римляне называют величием (достоинством) — означающим высшую власть повелевать», — пишет Боден в своей книге «Метод легкого постижения истории»³.

Рассматривая государство как феномен, Боден дает ему собственное определение: «государство есть управление множеством семейств (или домохозяйств) и тем, что является общим у них всех, осуществляемое суверенной властью сообразно праву»⁴. Основой государства, его неотъемлемым свойством является «суверенитет», который Боден считает краеугольным камнем, на котором зиждется вся структура государства. Автор пишет: «Как судно — лишь бесформенный кусок дерева, если лишить его всех форм, таких как борт, нос корабля, корма, штурвал, так и Государство — ничто без той суверенной власти, которая скрепляет всех их членов и позволяет всем семействам и коллегиям стать единым телом. Если продолжить уподобление судну, то как оно может быть частично покалечено или полностью уничтожено, так и народ, хотя и со своей территорией может быть разметан по всему миру, и даже полностью истреблен; в действительности не население формирует государство, но союз народа под одной единственной суверенной властью. Суверенитет — истинный фундамент, основа, на которую опирается вся структура Государства, и от нее зависят все судебные ведомства, законы и распоряжения; оно является единственным обязательством, которое связывает семейства, коллегии и частные лица в единственное совершенное тело, именно которое и называется Государство»⁵.

Для Бодена важным является не только наличие суверенитета, но и его «абсолютность» и постоянство. Суверенная власть, с его точки зрения, не должна знать никаких ограничений в своем могуществе и существовать неизменно в течение неопределенно долгого срока. Власть, обладающая суверенитетом, является носителем его отличительных признаков, которые также являются и прерогативами — издание законов, адресованных всем подданным и учреждениям государства без исключения; решение вопросов войны и мира, назначение должностных лиц; судебная власть в качестве высшего суда и помилование. Все прерогативы должны принадлежать только верховной власти, и эти прерогативы не должны быть ни с кем разделяемы — ни с людьми, ни с институтами. Только при исполнении этих условий верховная власть может называться суверенной верховной властью.

Боден проводит классификацию государственных форм правления в зависимости от того, кто является носителем суверенитета: в монархии (под монархией Боден понимает абсолютную монархию) — монарх, в аристократии — маленькая группа людей, в демократии — народ. Анархия же, с точки зрения Бодена, не является формой государственного устройства, так как в этом случае никто конкретно не может считаться носителем суверенитета и, соответственно, исполнять возложенные на носителя суверенитета обязательства. Неделимость суверенитета, которая одновременно должна быть и временной и пространственной, позволяет сохранить государство в любых условиях, так как отменяет людской произвол. При любой форме правления государство управляется сувереном — монархом (в монархии) либо ка-

ким-либо коллегиальным органом (в аристократии или монархии). Рассматривая аристократию и демократию, Боден заключает, что и та и другая форма правления, основанная на институте выборов, может быть как парламентской, так и президентской. Ведь и президент, и парламент, по своей сути, являются лишь органами, участвующими в управлении государством.

Особо стоит обратить внимание на то, что, по утверждению Бодена, абсолютной демократии не может существовать в принципе. Демократия, сама по себе, является развитой аристократией, где постепенно власть от узкого круга лиц переходит к более широким комиссиям или коллегиям, а затем все решения принимаются посредством референдума. Но совершенной демократии не может существовать в принципе, так как невозможно привлечь к управлению все население поголовно — права выбора в любом случае будут лишены дети и умалишенные.

Особое внимание Жан Боден уделяет монархии, так как, с его точки зрения, эта форма правления является наилучшей, по крайней мере для Франции. Именно при этой форме правления наиболее сильно реализуются prerogatives суверенитета и сохраняется его неделимость. Боден выстраивает иерархическую цепочку подчинения суверену: мэр любого города подчиняется монарху либо непосредственно, либо через определенный орган, который так же подчиняется монарху. Так же Боден уделяет особое внимание закону, как паначее от влияния на суверена каких-либо других влиятельных деятелей или структур. В то же время, чисто теоретически, Боден допускает ситуацию, при которой монарх может делегировать свои полномочия какой-либо комиссии, так как практически один человек не может разрешить в короткие сроки всех неотложных дел. В данном случае монарх исполняет роль цензора политических решений. Но все же истинной монархией может называться лишь абсолютная монархия, так как только в случае сосредоточения всей полноты власти в руках монарха, он является полноценным носителем суверенитета. Наличие при монархе совещательных органов (к примеру, парламента) не отнимает у него власть, в то время как закрепленное в конституционной монархии право влиять на решения монарха (Боден приводит в пример Англию) низводит его статус до дочернего органа, и, по сути, в таком случае можно говорить уже не о конституционной монархии, а о демократии.

Особое внимание в своем трактате «Шесть книг о республике» Боден уделяет монархической форме правления. С точки зрения Бодена, монархия — это государство, в котором суверенитетом владеет всего один человек — монарх. В этом случае воля одного человека является непреложным законом для всех подданных этого государства (суверенитета). Теперь представим себе, что часть обитателей страны или, вернее сказать, подданных государства обладает исключительным правом принимать государственные решения, остальная же часть влиять на жизнь государства не может. Такая форма государства должна называться аристократией. Наконец, если все подданные могут участвовать в управлении государством, то это государство следует назвать аристократическим. Неделимость суверенитета предусматривает сохранение форм управления государством в любых условиях. Неделимость должна быть одновременно временной и пространственной. Пространственная неделимость означает, что если суверенитет принадлежит монарху, то, например, мэр любого городка должен подчиняться именно монарху и никому другому, и уж во всяком случае, не учинять произвол. Понятно, что мэр не всегда может подчиняться монарху непосредственно. Тогда он должен подчиняться соответствующему органу, который в свою очередь прямым или косвенным путем будет подчиняться монарху. Особенно интересно взаимодействие монарха с какими-либо влиятельными структурами, существующими в государстве. Теоретически монарх никак не должен зависеть ни

от двора, ни от финансовых магнатов. Обеспечить эту независимость должен закон: «...законная или царственная монархия, — это та, где подданные подчиняются законам государя, а сам государь — законам природы, подданные там наслаждаются своей естественной свободой и собственностью на свое имущество. Абсолютная монархия — это такая, в которой государь стал повелителем личностей и имущества своих подданных по праву оружия и справедливой войны, а управляет ими как глава семьи своими рабами»⁶. Боден подчеркивал, что, несмотря на абсолютный характер власти, не все вопросы входят в его компетенцию. К примеру, частная собственность ни в коем случае не должна подчиняться государству. Это святая святынь общества. Следствие наличия частной собственности — имущественное неравенство. Оно необходимо для существования страны, но не должно проявляться в уродливых формах. Но в компетенцию государства входит общая собственность, которой семьи владеют сообща. Государство не может налагать налоги произвольно. Доля общего имущества не может быть слишком велика, ибо обычно наблюдается, что каждый пренебрегает общими делами, если из них нельзя извлечь выгоды для себя. Поэтому Боден критиковал утопии Платона и Томаса Мора. Государство не должно ограничивать свободу совести и вероисповедания. Кроме этого священны свобода торговли и передвижения. Частная собственность связана с законами природы, поскольку естественный закон запрещает брать чужое.

Труд Жана Бодена «Шесть книг о Республике», в котором мыслитель изложил свою теорию государственного суверенитета, не потерял для нас научного значения. Как ни странно, но более чем за четыре века концепция суверенитета почти не изменилась. До сих пор человечество не сумело придумать ничего принципиально нового в этой области. Попытки создания государств, противоречащих принципам, провозглашенным Боденом, привели к неудаче.

¹ Эльфонд И.Я. Проблема веротерпимости в трактовке французских гуманистов второй половины XVI века // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997. С. 39.

² Эльфонд И.Я. Учение о государстве Жана Бодена // Культура Возрождения XVI века. М., 1997. С. 14.

³ Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000. С. 265.

⁴ Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений М., 2007. С. 174.

⁵ Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. М., 1997. Т. 2. С. 101.

⁶ Эльфонд И.Я. Проблема веротерпимости в трактовке французских гуманистов второй половины XVI века // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., 1997. С. 31.

Сытин А.Г.

Демократия и псевдodemократия в осмыслении Карла Ясперса

Вопрос о различении (и о критериях различения) действительно демократического и псевдodemократического политического процесса представляется одним из наиболее актуальных для наших дней, в том числе и для России. Поэтому далеко не только исторический интерес представляют, на наш взгляд, размышления на эту тему столь крупного политического философа, каким, без сомнения, был Карл Ясперс.

Какова логика обращения философа к этому кругу проблем? Во многом само время, в которое он жил и которое нередко испытывало человека, что называется, «на скручивание», приводит Ясперса к философии экзистенциализма с его особым вниманием к «пограничным ситуациям», где обнаруживаются и обнажаются сущность человека и смысл человеческого бытия. В русле экзистенциалистского философствования Ясперс понимал философию как (по выражению С.С. Аверинцева) непосредственное духовное действие, восстанавливающее нарушенную целостность человека. По отношению к пограничным ситуациям, по мнению мыслителя, невозможно точное знание, здесь философствование может быть лишь «высветлением экзистенции».

Такому «высветлению», по Ясперсу, очень способствует неискаженная *коммуникация* между людьми. Коммуникации мыслитель придает совершенно особое значение (в каких-то чертах эта его трактовка напоминает имеющее фундаментальное значение понятие «опыта» в философии Джона Дьюи: открытость для реального общения, принятия опыта Другого и адекватного и полного восприятия того, что встречает человек в жизни). Для Ясперса коммуникация — не любое взаимодействие между людьми, но глубоко личностное и интимное общение. Сама истинность философской мысли (что тоже несколько напоминает инструменталистскую трактовку Дьюи) проверяется, по Ясперсу, более всего тем, насколько она способствует коммуникации. Именно коммуникация сообщает человеку даже и его «самость», его подлинную сущность.

С другой стороны, зло для Ясперса — глухота человека к «кликанию» его со стороны другой экзистенции, т.е. отказ от настоящей коммуникации. Этот отказ может проявляться как в форме фанатизма, равнодушного или враждебного ко всему, что связано с Другим, так и в форме лишённого личностного начала, поверхностного массового общения.

По изложенным выше причинам неискаженную, полноценную коммуникацию Ясперс называет своей *«философской верой»*. Даже сам человеческий разум для него тождествен с неограниченной волей к коммуникации. Путь к такой коммуникации означает для Ясперса путь ко все большему «очеловечиванию» человека, обретению им себя. Коммуникация, пишет мыслитель, — это «возможность для нас, людей, действительно жить друг с другом, говорить друг с другом, найти благодаря этой совместности истину и только на этом пути действительно стать самими собой»¹. Проявлять безграничную готовность к коммуникации, согласно Ясперсу, — значит вступить на путь человеческого бытия.

В достижении такой подлинной коммуникации Ясперс видит и смысл всей человеческой истории. «Когда наступит время сознательной фактической взаимосвязи всех со всеми и общение станет непрерывным, — пишет он в книге «Истоки истории и ее цель», — тогда начнется история человечества, которую можно определить как взаимный обмен в единстве общения»². Нельзя не отметить здесь прозорливость мыслителя, во многом предвосхитившего в своих размышлениях нынешнюю ситуацию глобализации и глобальной информационной революции. Демократия же как система, открытая к изменениям, есть для него прежде всего надежда на осуществление такой не знающей количественных и качественных пределов подлинной коммуникации.

Связь демократии и смысла истории проявляется для Ясперса также в следующем. Универсальный смысл истории, по Ясперсу, выявило «осевое время» (период примерно с 800 до 200 гг. до н. э.), когда возникли все основные религиозные системы, остающиеся актуальными и в наши дни. Это время, согласно Ясперсу, создало идею *личностной ответственности*, и именно в этом заключается всечеловечески-

общезначимый завет. Ясперс ставит поэтому задачу обновлять связь с «осевым временем». В перспективе актуального единства человечества каждый, по мнению Ясперса, должен задать себе вопрос, какое место он там займет, во имя чего он будет действовать³. И именно демократия дает простор для развития составляющей смысл и завет истории личностной ответственности человека. «Основной вопрос времени, — пишет Ясперс в работе «Духовная ситуация времени», — возможен ли еще независимый человек, сам определяющий свою судьбу»⁴. И поэтому, по мнению Ясперса, нужен «пробуждающий прогноз», призванный напомнить человеку о нем самом⁵.

По этим причинам вопрос о демократии для Ясперса имеет отношение к самой сути его философствования. И не менее важен для него вопрос о различении подлинной и лишь изображаемой демократии.

По Ясперсу, демократия обладает фундаментальным значением для человеческого существования, поскольку человек имеет два основных притязания — на защиту от насилия и на значимость своих взглядов и своей воли. Защиту от насилия способно предоставить ему правовое государство, а значимость его взглядов и воли — демократия⁶. Гарантией этой защиты и признания значимости является неизбежное при демократии право человека участвовать в жизни общества. Фактически и сама свобода личности возможна только при возможности для всех участвовать в изъявлении воли, то есть при демократии. Каждый человек, согласно Ясперсу, в зависимости от уровня его политической зрелости и убедительности его взглядов, при демократии может рассчитывать на признание⁷.

Не менее важно и то, что Ясперс дает демократии как процессу *коммуникативную трактовку*. Он пишет, что в современной демократии «воля формируется в решениях, принятых в ходе собеседования», имеет место открытая, ничем не ограниченная дискуссия⁸. Участники процесса имеют возможность познакомиться со всеми доступными сведениями, данными, аргументацией мнений всех сторон. Каждый человек приходит к формулированию своих предложений и к решению в результате совместно-заинтересованного обсуждения. Стороны стремятся к совместным действиям на основе соглашения и компромисса. При этом обязательным условием сохранения демократии является наличие влиятельной оппозиции. Все это имеет для Ясперса принципиальное значение, поскольку приближает существующий при демократии процесс принятия решений к идеалам неискаженной и всеобъемлющей коммуникации.

Для Ясперса подлинная демократия неразрывна с подлинной свободой личности. Поэтому не меньшее значение, чем непосредственному процессу принятия политических решений, он придает тому, что он называет «*демократическим образом жизни*» общества в целом⁹. Он характеризуется, в частности, тем, что в массе населения постоянно живо сознание свободы; что правовой государственный порядок ограничивается только тем, что является существенно необходимым; что из политической сферы устраняются религиозная и мировоззренческая борьба. Такая политическая жизнь, по словам Ясперса, идет путем постоянного уменьшения насилия. Решается задача всеобщего обучения тому, чтобы вести переговоры и проявлять терпимость по отношению к другим людям и иным взглядам.

По Ясперсу, для сохранения и развития демократии чрезвычайно важен *этос совместной жизни*, который становится как бы самим собой разумеющимся свойством человеческой натуры. Среди его черт — «естественная гуманность в общении, внимание и готовность помочь, уважение к правам других, постоянная готовность пойти на компромисс в житейских вопросах, отказ от насилия над группами меньшинства»¹⁰. Очень важно, чтобы такому этосу были привержены все реально претендующие на власть политические партии.

Единственное ограничение свободы, уместное, согласно Ясперсу, при таком характере политической жизни, — это ограничение ее для принципиальных противников свободы. Необходимо, пишет он, «следить за тем, чтобы демократия не была уничтожена демократией, чтобы свобода не была изгнана свободой... Не должно быть свободы для уничтожения свободы»¹¹.

Ясперс отдает себе отчет в том, что демократический политический процесс отнюдь не является беспроблемным. Поэтому демократия, по его мнению, всегда должна всегда находиться в движении, совершенствоваться, развиваться. «Нет такой *окончательной стадии демократии и политической свободы*, — пишет мыслитель, — *которая удовлетворила бы всех*»¹². Воля к справедливости никогда не бывает полностью удовлетворена, но в этом и залог дальнейшего развития.

При этом на пути развития демократии, по Ясперсу, существуют серьезные опасности. Так, серьезно испытанию она подвергается, например, тогда, когда происходит массовизация общества, на арену истории выступают бесструктурные массы. В массе, по мнению Ясперса, человек перестает быть самостоятельным и ответственным лицом, способным к принятию самостоятельных решений. «Массы, — пишет Ясперс, — возникают там, где люди лишены своего подлинного мира, корней и почвы, где они стали управляемыми и заменяемыми»¹³. Поэтому массы, выступающие в качестве народа, не имеют своей воли, им должно быть сказано, чего они хотят, и их волю пробуждает и направляет пропаганда. «Народ структурирован, осознает себя в своих жизненных устоях, в своем мышлении и традициях. Народ — это нечто субстанциональное и качественное, в его свободе есть некая атмосфера, человек из народа обладает личными чертами характера также благодаря силе народа, которая служит ему основой»¹⁴. Масса же, наоборот, не обладает самосознанием, однородна и количественна, лишена традиций и почвы, является объектом пропаганды, не ведает ответственности. Масса, по оценке Ясперса, есть «форма существования в стадии распада человеческого бытия»¹⁵.

В таких условиях, по Ясперсу, формальная демократия не является гарантией сохранения свободы. Тирания изобретает методы, в результате применения которых люди оказываются неспособными вынести собственное суждение. Тогда выборы лишаются своего подлинного значения волеизъявления народа и становятся лишь демонстрацией эффективности методов обработки сознания. «Устранение подлинных выборов, — пишет Ясперс, — напоминает казни королей в прошлом: теперь казнь совершается над народным суверенитетом»¹⁶.

В этой обстановке демократия легко вырождается в псевдодемократию. Анализу связанных с этим опасностей прежде всего посвящена одна из последних книг К. Ясперса — «Куда движется ФРГ?», написанная им в 1967 году¹⁷. Отметим, что мыслитель пишет ее в условиях, когда демократический характер политической жизни Федеративной Республики Германии в германской литературе подвергать сомнению было совершенно не принято. Однако Ясперс предупреждает о неочевидных, но от этого не менее серьезных опасностях. Он полагает, что ФРГ идет по пути, «в конце которого не будет ни демократии, ни свободного гражданина»¹⁸. Поскольку по Конституции 1949 г. у граждан страны не было права на референдум, политическая жизнь, по мнению Ясперса, все более превращалась в своеобразную «диктатуру партий». Суть происходящего, пишет он, — «в переходе от демократии к партийной олигархии, от олигархии партий — к диктатуре»¹⁹. Сами же партии, как отмечает мыслитель, перестают быть органами народа и становятся «самоудовлетворяющимися организациями»²⁰. Партийная олигархия, по сути, узурпирует государство. Оппозиция все меньше отличается от власти; с прекращением же деятельно-

сти оппозиции как носителя реальной альтернативы, как полагает Ясперс, демократическая свобода перестает существовать. «Сомнительно, — констатирует он, — является ли демократическим парламентское государство, в котором еще не происходило законного перехода к власти к оппозиции»²¹. Власть, по мнению Ясперса, явно боится народа, и вырисовываются пути, которые могут вести к диктатуре.

Как большую опасность Ясперс характеризует и долготерпение народа. «Одна из величайших опасностей, — пишет он, — кроется в терпении верноподданных, довольных своим бытием, пока они получают свою долю благосостояния. Они не сознают своей ответственности за политику, они покорны. Вначале они мирятся с едва заметными окривлениями, а в конце концов оказываются в застенке, из которого уже нет выхода»²²

Главная же опасность в условиях масштабной обработки сознания, согласно Ясперсу, состоит в том, что «сама субстанция человеческой природы пришла в движение, и опасность грозит ей самой в ее сокровенных глубинах»²³.

Возможно ли, по мнению мыслителя, как-то противодействовать этим процессам? Ясперс полагает, что сохранить свободу можно лишь там, где она осознана и где ощущается ответственность за нее. Поэтому важнейшей задачей для сохранения демократии и свободы является воспитание и самовоспитание народа. Как пишет мыслитель, «к народу обращаются оба: и демократ, и тиран. Мир вступил в век, когда тот, кто хочет править народом, должен произносить определенные фразы. К народу обращается как тот демагог, который замышляет преступление и обман, так и тот, чьи намерения благородны, кто служит свободе. Кто из них преуспеет — может решить только сам народ, тем самым он предрешает и свою собственную судьбу»²⁴. По эти причинам нет ничего более важного для демократии, чем реальное состояние народа.

Задача, таким образом, состоит в том, чтобы приобщать людей к знанию, пробуждать их волю. Ведь, согласно Ясперсу, для того чтобы выносить самостоятельное суждение, людям необходимо научиться критически мыслить и вырабатывать собственное понимание происходящего. Нужно также самовоспитание народа через участие большинства в решении конкретных управленческих задач. Ведь только то, чему люди учатся в своей повседневной практике, может сделать их достаточно зрелыми для демократической деятельности в государственных масштабах²⁵.

Таким образом, согласно Ясперсу, необходимо привлекать народ к участию в политической жизни и развивать его политическое самосознание. «Одно из качеств истинной демократии, — пишет Ясперс, — заключается в том, чтобы позволить действовать самому народу, если от этих действий зависит его судьба»²⁶ созревание же народа для настоящего демократического участия происходит в процессе его собственной политической активности. Поэтому одной из важных предпосылок подлинной демократии, по Ясперсу, является доверие к народу — «не к такому, каков он есть, а к такому, каким он может стать»²⁷. Что же касается свободы, то подлинным ее смыслом, согласно Ясперсу, является духовное преобразование человека. И потому, взятая в своем глубинном существе, свобода всегда находится в опасности, а если такая опасность уже не ощущается, то свобода, по мнению мыслителя, уже почти утрачена.

Думается, что мысли Карла Ясперса об истинной и ложной демократии, а также о том, что необходимо для сохранения и развития демократии в нефальсифицированном виде, отнюдь не утратили своего значения и сегодня.

¹ Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 508.

² Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 260.

³ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 280.

⁴ Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 417.

⁵ Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 418.

- ⁶ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 174.
- ⁷ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 174.
- ⁸ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 175..
- ⁹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 175..
- ¹⁰ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 178.
- ¹¹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 178–179.
- ¹² Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 179.
- ¹³ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 143.
- ¹⁴ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 142.
- ¹⁵ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 144.
- ¹⁶ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 181.
- ¹⁷ Ясперс К. Куда движется ФРГ? Факты. Опасность. Шансы. М., 1969.
- ¹⁸ Ясперс К. Куда движется ФРГ? Факты. Опасность. Шансы. М., 1969. С. 27.
- ¹⁹ Ясперс К. Куда движется ФРГ? Факты. Опасность. Шансы. М., 1969. С. 27.
- ²⁰ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 180.
- ²¹ Ясперс К. Куда движется ФРГ? Факты. Опасность. Шансы. М., 1969. С. 37.
- ²² Ясперс К. Куда движется ФРГ? Факты. Опасность. Шансы. М., 1969. С. 77.
- ²³ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 145.
- ²⁴ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 180.
- ²⁵ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 181.
- ²⁶ Ясперс К. Куда движется ФРГ? Факты. Опасность. Шансы. М., 1969. С. 171.
- ²⁷ Ясперс К. Куда движется ФРГ? Факты. Опасность. Шансы. М., 1969. С. 195.

Судьин Г.Г.

«Слово о полку Игореве»: язычество, христианство или двоеверие?

В статье сделан вывод о том, что дискуссионный вопрос о соотношении язычества, христианства и двоеверия в принципе невозможно решить, исходя из количественного соотношения элементов язычества и элементов христианства, так как имеющиеся в «Слове...» языческие и христианские элементы нельзя поставить во взаимнооднозначное соответствие. Обосновывается положение, что нужно исходить из кульминации древнерусского произведения («Плач Ярославны»). «Плач Ярославны» представляет собой типичный языческий заговор. Отсюда следует, что «Слово о полку Игореве» является языческим произведением.

Наша цель — рассмотреть дискуссионные проблемы соотношения язычества, христианства и двоеверия в «Слове о полку Игореве».

Н.М.Карамзин в третьем томе «Истории государства Российского» (1816 г.) писал: «Слово о полку Игореве сочинено в XII веке, и без сомнения мирянином: ибо Монах не дозволил бы себе говорить о богах языческих, и приписывать им действия естественные»¹.

С.П. Шевырев, рецензируя (1843 г.) второй том полного собрания русских летописей (Ипатьевская летопись), опубликованный в 1843 году, подчеркнул, что «Слово о полку Игореве» единственный по характеру своему памятник «Словесности нашей XII века, который потому и дошёл до нас в единственном экземпляре, погибшем в пожаре 12го года, что не имел характера исключительно Християнскаго, а носил яркіе живые следы язычества и писан, как видно, с цілію политическою»². Чуть позже данные положения были развиты С.П. Шевыревым в публичных лекциях по истории русской словесности. Приведем соответствующий фрагмент: «Извѣстно, что съ XIII и особенно XIV вѣка, вся литература наша принимаетъ характеръ чисто духовный. Въ монастыряхъ, которыхъ размноженіе относится особенно къ XIV и XV столѣтіямъ, переписываются тѣ произведенія, которыя носятъ на себѣ печать религіозную. Слово о полку Игоревѣ, напротивъ, по цѣли своей есть произведеніе чисто политическое. Характеръ свѣтскій на немъ явенъ; даже ярки воспоминанія язычества; упоминается о четырехъ божествахъ: Велесъ, Дажьбогъ, Стрибогъ, Хорсъ; самъ народъ Русскій названъ внукомъ Дажьбога (солнца); замѣтны многія древнія суевѣрія. Все это заставило думать и Карамзина, что оно писано міряниномъ. Только обращеніе къ *братьямъ*, упоминаніе въ концѣ Слова о Святой Богородицѣ Пирогошей, Христіаняхъ, поборующихъ поганые полки, и заключительный Аминь — могли бы свидѣтельствовать въ пользу духовнаго лица, какъ автора; но эти признаки не столько ярки, какъ другіе, какъ весь духъ Слова, какъ мысль его проникающая»¹.

А.С. Орлов писал (1946 г.): «Незыблемо одно: полный языческой традиции своей родины, он (автор «Слова о полку Игореве» — Г.С.) нигде не оставил следов религиозной сентиментальности, свойственной христианству, не обмолвился ни одним намеком на грех и искупление»⁴. По мнению А.Ф. Замалева, автор «Слова о полку Игореве» «сознательно принимал традиционные верования, становился язычником по убеждению»⁵.

Д.С. Лихачев в противовес цитированным авторам утверждает: «“Слово” явно написано поэтом — христианином»⁶; автор «Слова о полку Игореве» — «несомненный христианин»⁷. Правда, в одной из давних работ (1952г.) мы встретили такое высказывание Д.С. Лихачева: «“Слово о полку Игореве” написано поэтом христианином, не слишком, впрочем, проявившим свое христианство»⁸.

Отметим известный априоризм, встречающийся в некоторых рассуждениях авторов, полагающих, что «Слово о полку Игореве» является христианским произведением. «Несмотря на то, — подчеркивает Е.Н. Сырцова, — что автор «Слова о полку Игореве» был христианином [что сегодня, пожалуй, уже ни у кого из исследователей не вызывает сомнений], в «Слове» достаточно широко упоминаются языческие боги, присутствуют вполне различимые элементы языческой мифопоэтической картины мира. Отрицание принадлежности автора «Слова» к христианской культуре противоречило бы всей логике развития духовной жизни Киевской Руси XII в., отрицание же языческих образов в поэтике «Слова» — очевидным реальностям»⁹.

Если исходить из логики цитированного нами автора, то не надо читать текст «Слова о полку Игореве» (и любого другого произведения XII века), чтобы утверждать, что оно принадлежит к христианской культуре, ибо «отрицание принадлежности автора “Слова” к христианской культуре противоречило бы всей логике развития духовной жизни Киевской Руси XII в.».

Кстати, отметим, что по мнению А.Н. Робинсона: «“Слово” вступило в прямое противоречие с литературным процессом второй половины XII в, как только поэт воспел языческих богов, образы которых были органично связаны и с его идеалами, и с эпической традицией»¹⁰.

По мнению Ю.М. Лотмана (а также М.Н. Громова, Б.В. Сапунова, А.Н. Робинсона, А.И. Макарова и других): «В “Слове”... отразилась система двоеверия»¹¹. «При этом в нем (“Слове о полку Игореве” — Г.С.), — по утверждению В.В. Милькова, — не содержится выпадов против язычества и совершенно отсутствуют черты какого-либо возмеления и пропаганды христианства»¹².

В исследовательской литературе подсчитывается количество элементов язычества и количество элементов христианства в тексте «Слова», что само по себе очень важно и интересно. Но что это дает для решения вопроса о мировоззрении автора поэмы? Если количество элементов (хотя бы приблизительно) равное, то следует ли отсюда вывод о двоеверии? Если количество элементов одного мировоззрения превышает (насколько??!) количество элементов другого мировоззрения, то следует ли отсюда вывод в пользу этого (количественно) внешне доминирующего мировоззрения? Даже если мы точно подсчитаем количество элементов язычества и количество элементов христианства, то все равно никакого вывода о характере мировоззрения автора «Слова» сделать нельзя. Почему? Потому что нельзя сказать, что какой-то конкретный элемент язычества имеет точно такую же значимость в системе языческого мировоззрения, какую какой-то конкретный элемент христианства имеет в системе христианского мировоззрения. Или другими словами, имеющиеся в тексте «Слова» языческие и христианские элементы нельзя поставить во взаимнооднозначное соответствие. Что же остается делать исследователю? Констатировать наличие элементов язычества и элементов христианства в тексте «Слова» и этим ограничиться?

Нам представляется, что нужно исходить из кульминации всей поэмы, каковой, по мнению исследователей, является «Плач Ярославны». «“Плач Ярославны” не что иное как кульминация всей семантики этого многопланового и полифонического повествования. Именно здесь сплетаются воедино все основные семантические линии “Слова”, связаннные со стержневой организующей и смыслообразующей осью. Исходным здесь является представление о “Слове” как о целостном художественном произведении с единым замыслом и общей структурой»¹³.

Но что представляет собой «Плач Ярославны»? «“Плач” Ярославны в своей основной части является типичным языческим заговором, который повторяет обычную четырехчастную форму заговоров, сохранившуюся до XIX в. Сначала идет обращение к высшим силам природы, затем прославляется их могущество, далее следуют конкретная просьба и заключение. В минуту смертельной опасности, когда дружина Игоря погибла в степях, Ярославна не вспоминает могущественного и милостивого христианского бога или небесную заступницу — Богородицу. С просьбой о помощи она обращается к Ветру, к реке Днепру Словутичу, к главному божеству древних славян — светлomu, трижды светлomu солнцу.... Что это — просто художественный приём или вызов господству церковной идеологии и открытое признание дееспособности языческих богов?»¹⁴ Разумеется, это открытое признание дееспособности языческих богов. Ибо ситуация меняется принципиально. Игорь бежит из плена. Инстанции, к которым обратилась Ярославна, удовлетворили ее просьбу. Можно ли в таком случае не считать «Слово о полку Игореве» произведением языческим? И ещё. «Русскую землю, крещение которой состоялось около двух столетий назад, автор (“Слова о полку Игореве” — Г.С.) определяет как землю языческого бога Трояна».¹⁵ О чем это свидетельствует? Характеристика русской земли (после принятия христианства!!!) как земли языческого бога Трояна — это не просто один из элементов язычества в тексте «Слова», а существенная характеристика (сущностный и убедительный показатель) языческого мировоззрения автора поэмы.

В заключение противопоставим «Слову о полку Игореве» как языческому произведению классическое христианское произведение «Задонщину» (конец XIV века). На 7-ой строке «Задонщины» читаем: «православный русский народ»¹⁶. Обратим внимание на формулировку автором цели произведения (своей цели): «Воспоем деяния князей русских, постоявших за веру христианскую!»¹⁷. Обратим внимание на формулировку цели великого князя Дмитрия Ивановича: «Испытаем храбрецов своих и реку Дон кровью наполним за землю Русскую и за веру христианскую!»¹⁸. Обратим внимание на оценку морального состояния русских воинов: «Все как один готовы головы свои положить за землю Русскую и за веру христианскую»¹⁹.

Обратим внимание на то, как выражается скорбь, печаль: «Жалостно ведь, брат, видеть столько крови христианской»²⁰; «Страшно и горестно, братья, было в то время смотреть: лежат трупы христианские словно сennie стога у Дона великого на берегу»²¹. И завершающий фрагмент «Задонщины»: «И помиловал бог Русскую землю... И сказал князь великий Дмитрий Иванович: “Братья, бояре и князья и дети боярские,.. Положили вы головы свои за святые церкви, за землю за Русскую и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем. Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, во свою Залесскую землю к славному городу Москве и сядем, брат, на своём княжении, а чести мы, брат, добыли и славного имени!” Богу нашему слава»²².

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1991. Т. II—III. С. 475.

² Москвитянин. 1843. Ч. VI. № 12. С. 452.

³ Шевырев С.П. История русской словесности, преимущественно древней. М., 1846. Т. I. Ч. II. С. 263–264.

⁴ Орлов А.С. Слово о полку Игореве. 2-е изд. М.; Л., 1946. С. 37.

⁵ Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси (XI–XVI вв.). Л., 1987. С. 137.

⁶ Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы. Л., 1967. С. 77.

⁷ Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1985. С. 81.

⁸ Лихачев Д.С. Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952. С. 191.

⁹ Сырцова Е.Н. Философско-мировоззренческие коннотации поэтики «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи. Киев, 1990. С. 42.

¹⁰ Робинсон А.Н. Литература Древней Руси. // История всемирной литературы. М., 1984. Т. 2. С. 427.

¹¹ Лотман Ю.М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII — начала XIX в. // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 375.

¹² Мильков В.В. Мировоззренческие основания поэтической образности «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и древнерусская философская культура. М., 1989. С. 31.

¹³ Парахонский Б.А. Семантика коммуникативных отношений в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и древнерусская философская культура. М., 1989. С. 76.

¹⁴ Сапунов Б.В. «Слово о полку Игореве» в культуре Московской Руси // «Слово о полку Игореве»: комплексные исследования. М., 1988. С. 232.

¹⁵ Сапунов Б.В. Ярославна и древнерусское язычество // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 329.

¹⁶ Памятники литературы Древней Руси (XIV — середина XV века). М., 1981. С. 97.

¹⁷ Памятники литературы Древней Руси (XIV — середина XV века). М., 1981. С. 99.

¹⁸ Памятники литературы Древней Руси (XIV — середина XV века). М., 1981. С. 99.

¹⁹ Памятники литературы Древней Руси (XIV — середина XV века). М., 1981. С. 103.

²⁰ Памятники литературы Древней Руси (XIV — середина XV века). М., 1981. С. 107.

²¹ Памятники литературы Древней Руси (XIV — середина XV века). М., 1981. С. 111.

²² Памятники литературы Древней Руси (XIV — середина XV века). М., 1981. С. 111.

Политика как жанр современной культуры: подход Ричарда Рорти

Реалии середины и второй половины XX века привели к отказу большей части интеллигенции от слепой веры в научную рациональность. Именно поэтому постметафизические тенденции в современной философии политики заставляют нас обратиться к исследованию глубинных теоретико-методологических оснований политической практики, которые, в свою очередь, детерминируют подход к сфере политического. Одним из наиболее ярких представителей антиметафизического подхода в политике является теоретик постмодернистской версии прагматизма Ричард Рорти, концепция которого вызывает большой резонанс среди интеллектуалов.

Философский анализ Рорти начинается с проблемы соотношения сознания и тела, избавляя философию от проблемы сознания как особой ментальной сущности; это позволяет сопоставить деятельность человека с действиями животных в процессе эволюции. В логике его рассуждений оказывается, что средством приспособления людей к внешней среде являются разные «словари»¹ — версии трактовки реальности, — критерием успешности которых будет практика².

В статье «Упадок искупительной истины и подъем литературной культуры» Рорти явным образом формулирует свое понимание познания как «всего лишь другого имени для решения проблем»³. Раз познание — это процесс решения проблем, то, утверждает Рорти, не может быть его предела и истины как этого предела. Таким образом, избавляясь от одной проблемы, мы неизбежно оказываемся перед лицом новой, — и этот процесс бесконечен. Поэтому бессмысленны попытки построения некоторой универсальной теории, описывающей мир в целом или наилучшее для всех времен и народов политическое устройство.

Для понимания политики в неопрагматизме важно его учение об искупительной истине, которая является «совокупностью верований, которые должны завершить раз и навсегда размышления о том, что нам делать с нами самими. Искупительная истина удовлетворяет человеческую потребность увязать все на свете — все события, всех людей, все идеи — в некий единый контекст, который каким-то образом оказался бы естественным, predetermined и единственно возможным. А также единственно значимым для определения смысла человеческой жизни, потому что только в данном контексте человеческое существование будет явлено в истинном свете»⁴. Также искупительная истина — это описание единственно возможного варианта мира феноменов, предпосылка для существования внечеловеческой истинной реальности. Неопрагматист утверждает, что искупительные истины изживают себя. Это положение позволяет проследить связь между плюрализмом идей и верований и рядоположенностью политических теорий.

Рорти, будучи прагматистом, остается верен прагматистской методологической установке, но доводит ее до предела, что позволяет аттестовать его позицию как крайний радикализм. В статье «Прагматизм без метода»⁵ он критикует отношение к методу в понятиях «глубина» и «ликование». Под методом философии здесь понимается научный подход, который понимается в ключе догматизма, — т. е. как подразаумывающий существование единственно истинного контекста человеческого существования.

Рорти не отрицает связь между наукой, искусством и религией, но метод науки полностью исключает из познания. Более того, он указывает на то, что отказ от метода как единственно возможного пути к постижению истинной природы вещей является основой современного либерального самосознания. «Мы действительно обязаны говорить друг с другом, обсуждать свои воззрения на мир, прибегать скорее к убеждению, чем к принуждению, быть терпимыми к разнообразию и смиренными фаллибилистами. Но это не то же самое, что быть обязанным иметь методологические принципы»⁶.

Примечательно, что антиметафизическая критика дается Рорти не в виде ожесточенных споров с положениями метафизики и философии. Он признает за ними вклад в интеллектуальный прогресс человечества (здесь мы наблюдаем действие установки на плюрализм идей). Однако философия более не актуальна, скорее, она имеет терапевтическое значение, является пространством коммуникации жанров, которые сегодня все более уступают новому — литературе. Со времен Гегеля интеллектуалы стали осознавать, что искупление истиной не дает равным счетом ничего. «Интеллектуалы все больше и больше теряли веру в философию, веру в то, что искупление может прийти в облике истинных верований. Интеллектуалы перестали верить, что есть некий единый и единственный контекст, в котором человеческая жизнь может быть явлена в истинном свете — такой, какой она есть по истине. В литературной культуре, которая постепенно формировалась на протяжении последних двухсот лет, вопрос «Истинно ли это?» уступил свое почетное место вопросу «Что нового?»⁷. Таким образом, вместо дисциплин, которые членят мир на изолированные области знания, Рорти предлагает говорить о жанрах, таких как наука, философия, искусство, религия. Они являются рядоположенными, сосуществуют друг с другом, соприкасаются. Жанром же будет и политика.

Эти жанры говорят об одном и том же мире (а не мире физическом, мире биологическом или мире самом-по-себе), но используют собственный привилегированный словарь. Таким образом, знание не может быть неоспоримо объективным ввиду многообразия способов описания мира, каждый из которых справляется со своей задачей всегда в конкретной ситуации, всегда со специфичным словарем. Критерием понимания другого словаря, как мы понимаем, здесь снова выступает практика, ее успешность.

Рорти борется и с эпистемологией как таковой. В работе «Философия как зеркало природы»⁸ он «поддерживает убеждение, что взгляд на знание как на нечто такое, что представляет «проблему», и о чем мы должны иметь «теорию», является продуктом такой точки зрения относительно познания, согласно которой оно есть ансамбль репрезентаций»⁹, с которой Рорти не может согласиться.

Взамен эпистемологии как основания знания Рорти предлагает герменевтику как метод исследования. Если эпистемология постулирует соизмеримость входов в дискурс, подводя их под одно основание, то герменевтика борется с этим положением ввиду равноправия всех словарей описания реальности. Прагматизм дает право каждому конструировать его парадигму как языковую игру. Это же рассуждение мы находим в «Истине и методе»¹⁰ Гадамера. Прийти к герменевтике в понимании Рорти можно, только осознав терапевтический или наставительный характер философии, цель которого в том, чтобы помочь людям отказаться от устаревших словарей, отказаться от эпистемологии.

Герменевтика не предполагает методологического догматизма, как того требует эпистемология. Таким образом, участники разговора остаются с надеждой на успешное сотрудничество, пока идет коммуникация, пока продолжается «рутинный

разговор». Герменевтика предлагает освоить язык собеседника, а не переводить его на свой собственный, что в ракурсе политического приводит нас к терпимости и солидарности. Герменевтика рассматривает исследователей «как группу людей, чьи жизненные дороги пересеклись, объединенных скорее вежливостью, нежели общей целью, и еще меньше — общим основанием»¹¹. Таким образом, не единство целей становится основой для установления истины, а то, что все мы являемся людьми. Вежливость, коммуникация и плюрализм — важные понятия в философии Рорти, которые в полном составе задействованы в его теории политики. Благодаря герменевтике в политике последняя рассеивается в своей тотальности, поддерживается постоянным «рутинным разговором».

Рорти заявляет о неадекватности классического либерального подхода к проблеме свободы. Строя свою теорию, он не оставляет классическому либерализму даже возможности права на существования. Он полностью переописывает либерализм. Ключевыми понятиями в его концепции являются «свобода» и «демократия», которым он придает прагматически-герменевтическое звучание.

Рорти предлагает рассматривать социальную историю, историю науки и искусства как историю метафор, что «означает разрыв с представлением о человеческом сознании или с представлением о языках, которые все более и более приходят в соответствие с целями, предначертанными им Богом и Природой, например, со способностью выражать все больше значений или репрезентировать все больше фактов»¹². Следуя теории языка Д.Г. Дэвидсона, Рорти говорит о ситуативном характере метафор, основывающемся на схватывании неожиданных смыслов.

Словари, по Рорти, изменяются, мутируют, трудно указать, где проходит граница словарей. «Старые метафоры постоянно мертвеют в буквальности, а затем служат платформой и фоном для новых метафор. Такая аналогия позволяет нам мыслить «наш язык», то есть науку и культуру Европы XX века, как нечто сформировавшееся, как результат множества чистых случайностей. Наш язык и наша культура являются в той же степени случайностью, в какой является возникновение, например, орхидей или антропоидов в результате тысяч небольших мутаций...»¹³.

Поэтому ирония человеческого бытия и бытия культуры и политики заключается в их случайности. Этот тезис неизбежно приводит к снисхождению к себе и к окружающим, к толерантности к чужим словарям. Такова суть поэта как человека, который стремится «принять чужое описание самого себя, исполнять предварительно подготовленную программу, писать, самое большее, изящные вариации ранее написанных поэм. Таким образом, единственный способ отследить причины своего индивидуального бытия, как оно есть, — это рассказать о них историю на новом языке»¹⁴. Честное столкновение словарей и истин трактуется Рорти как свобода. Ироники, по Рорти, отказываются от мысли, что их убеждениям есть некое подкрепление за пределами этого мира, так они постигают случайность всего, что дает им руководствоваться принципами солидаризма и плюрализма. Таким образом, «либеральные ироники — это люди, которые имеют свою собственную надежду на то, что страдание будет сведено к минимуму, что унижение одних людей другими можно прекратить»¹⁵.

Рорти принимает исторический характер знания и картин мира. Для него культура — это детерминирующее целое для сравнительно небольшого числа творческих людей — поэтов, которые улавливают и предвосхищают дух той или иной культуры, приписывая словам неожиданные значения — метафоры. Метафоры поэтов-иринок — зеркало культуры.

В «Atlantic Monthly»¹⁶ Рорти дал интервью по поводу выхода его книги «Обретая нашу страну: политика левых в Америке двадцатого века»¹⁷, в котором говорит о

либерализме, его целях и задачах. Так, он утверждает, что в Америке либерализм был уничтожен излишним теоретизированием представителей левого крыла. Рорти задается вопросом, как могли бы левые адекватно отвечать актуальным запросам общества. Он явным образом формулирует цель либерализма: справедливое бесклассовое общество, в поисках высшего источника власти стремящееся к постоянно меняющемуся демократическому консенсусу¹⁸. Там же он утверждает, что не может быть никакой сущности, кроме консенсуса свободных людей. Исходя из этого, видим, каким образом идеи Рорти находят выход в сферу политического, — нет никакой инстанции, к которой можно было бы апеллировать выше, чем демократический консенсус¹⁹. Также Рорти предлагает либералам прекратить теоретизировать по поводу определения своего места в историческом процессе, свое внимание обратить к самой политической жизни, к реформированию.

По мнению Э. Лаклау, эта программа осуществима только в эпоху постметафизической культуры²⁰. Однако, будучи приверженцем демократии и антифундаменталистической позиции, Рорти вынужден говорить о демократии словарем, которому присущ фундаментализм, — словарем, ведущим традицию от Декарта и Канта. Таким образом, перед Рорти встает проблема переописания демократии и либерализма в новом словаре, противопоставления его устаревшему: «Я попытаюсь показать, что словарь рационализма Просвещения... стал препятствием для сохранности и развития демократических обществ. Я намерен утверждать, что этой цели соответствует больше словарь... вращающийся скорее вокруг понятий метафоры и самосозидания, чем вокруг понятий истины, рациональности и нравственного долга»²¹. Так Рорти пытается построить утопию, в которой главной целью является человеческая солидарность.

Он приходит к выводу, что описание либерального устройства неприемлемо в терминах рационального/иррационального, как это свойственно Просвещению, именно потому, что само Просвещение «впало в иррационализм»²² (он приводит в качестве примера христианство и романтизм). Получаем, что спор о рациональности/иррациональности оказывается бессмысленным.

Либеральным оказывается то общество, в котором возможно обсуждение самих оснований его существования, в котором возможен тот самый «рутинный разговор». Рорти указывает на то, что в либеральном обществе скорее возможна реформа, а не революция, возможно убеждение, а не принуждение. Убеждение является, возможно, ключевым понятием, так как, в конечном итоге, свобода рождается в свободе использовании словарей, в столкновении и появлении новых языковых практик. Рорти показывает, что возможность обретения социальной свободы кроется в свободе дискурса, в их столкновении и постоянном изменении.

Рорти, отказываясь от метафизики как мировоззрения, отказывается и от политики как искупительной истины с ее словарем Просвещения. Также герменевтичность в подходе к философии позволяет Рорти строить политическую теорию в терминах коммуникации и убеждения.

Герменевтический принцип, заимствованный Рорти у Гадамера, позволяет трактовать либерализм как «рутинный разговор», а политику — как пространство этой коммуникации, которая должна приводить к консенсусу солидарных индивидов. Оказывается, что политика рассеяна в пространстве культуры, можно говорить о ее тотальности. Поэтизация и иронизм в трактовке политики Рорти говорят о ее игровом характере. Политика перестает быть институциональным проектом, мы вправе говорить об анархическом подходе Рорти в трактовке политики. Действительно, говоря о сотрудничестве сфер общественной жизни, которое в неопрагматизме преобразуется в калейдоскоп словарей, описывающих реальность, Рорти заставляет нас

осознать тотальность политики без ее институционального центра: она всюду и нигде конкретно; политикой является то, что представляет собой коммуникацию, разговор по поводу социально значимого.

¹ Понятие словаря, как нам кажется, уместно сопоставить с понятием эпистем Фуко, то есть неосознанных смысловых пространств, организующих знание.

² История философии: Учебник для вузов / Под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. М., 2005. С. 466–467.

³ Рорти П. Упадок испуительной истины и подъем литературной культуры // Сравнительная философия. Моральная философия в контексте многообразия культур. М., 2004.

⁴ Рорти П. Упадок испуительной истины и подъем литературной культуры // Сравнительная философия. Моральная философия в контексте многообразия культур. М., 2004 [См.: smimov.iph.ras.ru/win/publicitn/ph_copy/dm.pdf].

⁵ Рорти П. Прагматизм без метода / Пер. Р. Хестанова // Логос. 1996. № 8.

⁶ Рорти П. Прагматизм без метода / Пер. Р. Хестанова // Логос. 1996. № 8 [См.: smimov.iph.ras.ru/win/publicitn/ph_copy/dm.pdf].

⁷ Рорти П. Упадок испуительной истины и подъем литературной культуры // Сравнительная философия. Моральная философия в контексте многообразия культур. М., 2004.

⁸ Рорти П. Философия и зеркало природы / Пер. с англ.; науч. ред. В. В. Целищев. Новосибирск, 1997.

⁹ Рорти П. Философия и зеркало природы / Пер. с англ.; науч. ред. В. В. Целищев. Новосибирск, 1997. С. 100.

¹⁰ Гадамер Г.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М., 1988.

¹¹ Рорти П. Философия и зеркало природы / Пер. с англ.; науч. ред. В. В. Целищев. Новосибирск, 1997. С. 235.

¹² Рорти П. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996. С. 18.

¹³ Рорти П. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996. С. 37.

¹⁴ Рорти П. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996. С. 51.

¹⁵ Рорти П. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996. С. 19.

¹⁶ Рорти П. Интервью // The Atlantic Monthly. 23.04.1998.

¹⁷ Рорти П. Обретая нашу страну: политика левых в Америке XX века / Пер. с англ. И.В. Хестановой и Р.З. Хестанова. М., 1998.

¹⁸ См.: www.theatlantic.com/past/docs/unbound/bookauth/ba980423.htm.

¹⁹ См.: www.theatlantic.com/past/docs/unbound/bookauth/ba980423.htm.

²⁰ Лаклау Э. Сообщество и его парадоксы: «либеральная утопия» Ричарда Рорти // Логос. 2004. № 6.

²¹ Рорти П. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996. С. 71.

²² Рорти П. Случайность, ирония и солидарность. М., 1996. С. 76.

Филипенко Е.В.

«Пруссачество» и «социализм» О. Шпенглера как идентичности в мир-системном анализе И. Валлерстайна

Несмотря на то, что Валлерстайн специально не занимался вопросами политических идеологий и таких политических феноменов, как нация, национальное государство, методология мир-системного анализа позволяет нам осветить некоторые исторические и теоретические вопросы философии политики. Мы попытаемся взглянуть на идеи О. Шпенглера с позиций концепции И. Валлерстайна и понять ключевые особенности в понимании Шпенглером социализма и пруссачества.

Согласно представлениям И. Валлерстайна ключевым механизмом функционирования капиталистической мир-экономики является глобальное разделение труда. Понятие идентичности впервые появляется у Валлерстайна в процессе анализа различных форм занятости. В теоретической модели капиталистического производства основной производительной силой является пролетарий. Однако реальное положение дел демонстрирует нам имевшееся у Маркса противоречие логического и исторического характера: пролетарии не являются обособленными единицами производства, их жизнь связана с выполнением не только профессиональных практик и не только с экономическими институтами.

Идентичность является параллельно существующей (наряду с классовостью) характеристикой сообществ. Валлерстайн не дает точного определения идентичности. Данное понятие на методологическом уровне тесно связано у него с понятием «статусной группы», и он просто показывает механизм существования данных понятий. Статусная группа — восприятие сообщества окружающими со стороны. Идентичность — позиционирование членами группы самих себя на основании той или иной характеристики (гражданство, этническая и религиозная принадлежность, сексуальная ориентация). В исследовательских целях позволим себе воспользоваться «бритвой Оккама» и будем считать данные понятия эквивалентными¹. (*Валлерстайн заявляет, что принадлежность к классам и идентичность — альтернативные способы коллективного самовыражения.*) Члены статусной группы стремятся к обретению единой идентичности. Данное стремление продиктовано тем, что единая идентичность позволяет с наименьшими усилиями поддержать однородность сообщества.

Одним из механизмов формирования идентичности является стратегия антиуниверсализма. Этническая идентичность (или же просто этничность) представляет собой одну из форм антиуниверсализма. Под этническими группами Валлерстайн понимает «крупные группы людей, за которыми закрепляются определенные профессиональные (экономические) роли по отношению к другим таким группам... Внешним выражением такого распределения рабочей силы становилась характерная «культура» этнической группы — ее религия, язык, «ценности», паттерны повседневного поведения»². Противопоставление английской и прусской культур Шпенглер кладет в основу рассмотрения различий между англичанами и пруссаками. Он утверждает: «Прусская идея — это ощущение жизни, инстинкт, невозможность поступать иначе, это совокупность душевных, духовных и даже связанных с ними телесных свойств, издавна ставших признаками расы и именно для лучших и наиболее значительных ее представителей»³. За этой этничностью кроются особенности социально-экономического устройства Германии, однако на самом деле они являются не следствием данных этнических различий, а сами этнические различия являются способом их фиксации. Стоит отметить, что у Валлерстайна отсутствует подробное рассмотрение практики «этнизации», действие этого феномена предстает перед нами в качестве «черного ящика»; он лишь в самых общих чертах говорит об особенностях этнизации: «модель этнизации оставалась постоянной, но ее детали варьировались от места к месту и от одного момента времени к другому в соответствии с тем, какой генетический материал и какие социальные формы имели место, а также какие иерархические потребности определяли экономику в это время и в этом месте»⁴. В случае со Шпенглером мы имеем дело с потребностью осуществить противопоставление прусской модели государственного развития английской, как модели одного из сильнейших государств мир-системы.

Для мир-системы, как утверждает Валлерстайн, этнизация рабочей силы имела следующие последствия: во-первых, воспроизводство рабочей силы определенной

категории с фиксированными уровнями потребностей; во-вторых, сокращения издержек на социализацию (в том числе и профессиональную) со стороны предпринимателей и государства; в-третьих, легитимацию профессиональных (экономических) ролей и распределения доходов путем отсылки к «традиции»⁵. Почему подобные идентичности таких сообществ (и сами эти сообщества) оказались жизнеспособны, можно понять, обратившись к идеям другого американского социолога Рэндалла Коллинза и воспользовавшись его понятием «обеспечивающее сообщество». По Коллинзу это «социальная группа, благодаря которой индивиду обеспечивается безопасность, социальное положение, эмоциональный комфорт и основной доход»⁶. Таким обеспечивающим сообществом как раз и является сегмент рабочего класса, идентичность которого выражена в этнических терминах. Потребности представителей пруссачества (по Шпенглеру — духовные потребности в качестве первичных) заключаются в следовании идеи сверхличной общности. Механизмом социализации является феномен службы как «проявления старопрусского духа». «Не “Я”, но “Мы”, коллективное чувство, в котором каждое отдельное лицо совершенно растворяется. Не каждый стоит за себя, а все за всех с той внутренней свободой — свободой повиновения — которая всегда отличала лучших представителей прусского воспитания»⁷.

Но еще более эффективным способом включения в мир-систему является стратегия универсализма. Функционирование капиталистической мир-экономики требовало рационализации в первую очередь производственных процессов, затем — их интенсификации. Стратегия действия капитализма (в том числе — по формированию идентичности) в достижении своих целей «Одним из главных механизмов, делающих бесконечное накопление капитала возможным, является товаризация (commodification) в форме собственно товара, капитал и рабочей силы»⁸. *(дальнейшим следствием этого процесса будет являться коммерциализация)*. Соответственно, преграды, возникающие на пути товаризации и дальнейшего обращения товаров, будут рассматриваться как вредные и подлежащие устранению. Поэтому «универсализм — это глобальный растворитель, превращающий все, что угодно, в гомогенное товарное состояние»⁹. Наиболее действенными стратегиями универсализма Шпенглер считает ультрамонтанство, капитализм и социализм, порожденные, соответственно испанским, английским и прусским духом¹⁰.

Поскольку возникает необходимость, чтобы все эти кадры были ассимилированы некой универсальной культурой, заключающейся в предоставлении универсальных (считай, равных) прав, возможностей (следствием чего становится меритократия как власть достойных), ценностей (очевидно, по умолчанию в первую очередь — экономических, после — политических и социальных). По Шпенглеру меритократия в наибольшей степени характерна именно для Пруссии, где она является ключевым признаком демократии как «возможности для каждого достигнуть высшей ступени общественной лестницы, когда человек попадает на определенную социальную ступень благодаря своим способностям, а не традиции»¹¹. При этом следует отметить, что Шпенглер смешивает понимание идентичности и классовости как идентифицирующих признаков сообществ, в отличие от Валлерстайна (на что мы указали в начале статьи). Объединение в классы Шпенглер осуществляет не только по уровню дохода и места в производственных отношениях (что характерно для Англии), но и месту в иерархии, основанной на авторитете и дисциплине: «В Пруссии гранью, разделявшей классы, было служебное положение — то или иное соотношение между правом повелевать и подчиненностью»¹². Здесь Шпенглер выступает как антагонист Маркса, предлагая качественно иную точку зрения на природу классов, отрицающая дихотомию классов «в-себе» и «для-себя». Объяснение этому можно дать,

исходя из того факта, что в тех политических условиях, которых оказалась Германия в первой четверти XX в., классовая характеристика ее общества и типологизации ее сообществ в классовых терминах продемонстрировала бы утрату ею всех лидирующих позиций в современной (на тот момент) мир-системе.

Противоречие капиталистической системы Валлерстайн видит в том, что ни один из трех терминов — раса, нация, этническая группа — и характерные для них идентификационные процессы не связаны с понятием класса¹³. По Шпенглеру же «нация — один класс, не во всей строгости германских подразделений, но все же один единственный класс»¹⁴. Данный факт будет представлять интерес при рассмотрении подхода Валлерстайна к идеологиям.

В недавно опубликованной четвертой части книги И. Валлерстайна «Современная мир-система» содержится следующая трактовка идеологии: «Идеологии — это политические метастратегии, востребованные только в том в мире, где политические изменения считаются нормой, а не аберрацией»¹⁵. При этом рождение «идеологической триады» Нового времени — консерватизма, либерализма и социализма — Валлерстайн относит к Великой французской революции. Различия идеологий заключаются в различии «типов отношения к современности и «нормализации изменений»: «насколько возможного ограничения опасности (*консерватизм*. — *Прим. Е. Ф.*); достижения счастья человечества наиболее разумным образом (либерализм); или ускорения развития прогресса за счет жестокой борьбы (*социализм*)»¹⁶. Впоследствии, как считает Валлерстайн, произошло осознание неизбежности и необходимости изменений, а уже во второй половине XIX в. эти идеологии стали между собой едва различимыми: «консерваторы стали либерал-консерваторами, а социалисты — либерал-социалистами»¹⁷. Либералы противопоставляли себя социалистам и консерваторам как противникам индивидуализма, консерваторы — либералам и социалистам, манипулирующим обществом с помощью государства во имя достижения прогресса, а социалисты считали консерваторов и либералов ревнителями сложившихся устоев, особенно в вопросе привилегий господствующих классов. Таким образом, «тройка» идеологий трансформировалась в бинарное отношение, первый член которого — одна из идеологий, второй — связка двух других¹⁸. Различные виды идентичности в данных условиях начинают функционировать в терминах той или иной идеологии, постепенно уступая место классовому подходу к типологизации сообществ. Это мы и увидели у Шпенглера. Только консерватизм, считающий одной из своих главных целей недопущение политических изменений, использует идентичность как инструмент предотвращения подобных изменений.

Сходство идеологий проявляется в декларировании принципа самоопределения наций и признании идеи национальной независимости, а также в том, что ставка делается в экономическом развитии на индустриализацию с целью сокращения разрыва со странами «ядра» и в позитивистском мировоззрении, высоком авторитете науки¹⁹. (*Следует отметить, что провозглашаемые принципы являются достаточно спорными, поскольку национальное развитие — стремление практически любого государства, а стремление решать экономические задачи, в том числе на мировом уровне никак не характеризует идеологию. Понимаемый таким образом либерализм становится универсальным, а потому бессмысленным термином. Нацистская Германия и фашистская Италия также стремились к национальному развитию и следовали курсом индустриализации.*) При этом Валлерстайн упускает такой важный фактор, как четкую антикапиталистическую направленность воззрений Ленина, который видел в праве на национальную независимость лишь инструмент классовой борьбы. По сути, в процессе становления советского государства проявилась установка, кото-

рую в терминах Валлерстайна можно охарактеризовать как попытку создания «мир-империи» в качестве мир-системы, альтернативной «мир-экономике».

К подобным выводам Валлерстайна приводит его крайне политизированная трактовка идеологии как феномена, распространяющего свое действие на межгосударственные отношения в рамках современной мир-системы. Если взять за основу уверенность многих европейцев в том, что смена социального строя влечет изменение жизни, то мы имеем все основания утверждать, что господствующей идеологией конца XIX — первой четверти XX веков был социализм. Именно эту идею и проводит Шпенглер в своей работе.

Таким образом, мы можем сказать, что мир-системный анализ Валлерстайна позволяет нам более органично и менее идеологизированно взглянуть на место «пруссачества» и «социализма» как политического феномена в европейской межгосударственной системе начала первой четверти XX в. Где они предстают в качестве идентифицирующего феномена предтечей дальнейшей стратегии развития Германии.

¹ Валлерстайн также использует эти понятия в качестве эквивалентов, точнее, по большому счету практически не использует понятия «статусная группа». См. *Валлерстайн И.* Мир-системный анализ: введение. М., 2006. С. 218.

² *Валлерстайн И.* Исторический капитализм. М., 2008. С. 118.

³ *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 48.

⁴ *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2004. С. 45.

⁵ См. *Валлерстайн И.* Исторический капитализм. М., 2008. С. 119.

⁶ *Collins R.* Conflict Sociology. N.Y., 1975. P. 368–370.

⁷ *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 52.

⁸ *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2004. С. 42.

⁹ *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2004. С. 43.

¹⁰ См.: *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 47.

¹¹ *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 71.

¹² *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 114.

¹³ См.: *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М., 2004. С. 93.

¹⁴ *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм. М., 2002. С. 114.

¹⁵ *Wallerstein I.* The Modern World-System IV: Centrist Liberalism Triumphant, 1789–1914. Berkeley, 2011. P. 1.

¹⁶ *Wallerstein I.* French Revolution as a World-Historical Event // Social Research. L. Vol. 56. № 1. P. 33–52.

¹⁷ *Wallerstein I.* Who Excludes Whom? Or Dilemmas of Antisystemic Movements. Binghamton (N.Y.), 1991. P. 9.

¹⁸ *Wallerstein I.* The future of the World-Economy // *Wallerstein I.* The Politics of the World-Economy: the States, the Movements, and the Civilizations. Cambridge, 1984. VIII. P. 191.

¹⁹ *Валлерстайн И.* После либерализма. М., 2003. С. 54.

Жуков К.

Понятие философии здоровья в современной трактовке и направления современной научной мысли относительно философии здоровья

Здоровье, его поддержание и сохранение, является одной из основных ценностей нашей жизни. Проблема здоровья человека играет не меньшую роль в философии, чем проблема познания смысла его жизни. Сегодня тема здоровья занимает всё более лидирующие позиции в жизни общества; скорее всего, это связано с ухудшением здоровья не только

конкретной нации, но и человечества в целом. Современная медицина, на чьей совести лежит эта проблема, не уделяет ей должного внимания, сосредотачивая усилия на лечении болезней. Тем самым задается вектор рассуждений по данной проблеме. Сущность проблемы остаётся актуальной, так как поддержание нормального душевного и физического самочувствия является необходимым критерием благополучного существования человека. Здоровье человека выражается не только хорошим самочувствием, но и настроением на творческое проявление и его широкое и нестандартное мышление. Здоровье — немалая составляющая свободы. Здоровый человек — это не только физически и морально крепкая личность, но и обладающий индивидуальностью представитель всесторонне развитого общества. Исходя из этого, человеческое здоровье можно интерпретировать не только как некую природную данность, но и социальную составляющую, являющуюся показателем развитого в духовном плане общества. А развитие духовно общество может дать своему гражданину необходимое для его благополучного существования и развития творческих способностей.

При нарушении физического и морального баланса здоровья происходит ухудшение функционирования систем, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность человеческого организма, которые не всегда могут восстановиться без медицинского вмешательства. Современная медицина не точна в диагностировании — а значит, и в лечении. На первый план выходит проблема самостоятельного поддержания и сохранения здоровья как каждого человека отдельно, так и нации в целом.

Философией здоровья можно назвать философию, дающую вектор рассуждений о здоровье и позволяющую с помощью этих рассуждений сберечь и укрепить физическое и духовное состояние, дающую нравственно-интеллектуальный удар по негативным факторам современной жизни. Вопрос о противодействии факторам, вызывающим нарушения психического и физического плана, стоит перед обществом. Ведь именно от взаимодействия этих факторов и человека зависит образ жизни современного человека. На мой взгляд, лишь общество, обладающее философской культурой, способно к самостоятельному поиску решений в борьбе с негативными факторами. Осмысление человеческого здоровья с помощью философии соединяет в себе антропологическое становление человека и его развитие как субъекта культуры и общества. Подтверждая вышесказанное, можно привести в пример древнеиндийских и древнекитайских философов, изучавших медицину и дающих рекомендации о ведении здорового образа жизни, основанные на представлениях о целостности мира и активной роли человека в нём.

Стоит заметить тот факт, что традиционная медицина есть самая первая наука о здоровье человека, но и здесь не следует забывать, что этот факт как объект познания существует всего несколько десятков лет, а всю предыдущую историю понятие «здоровье» связывалось с понятием «болезнь». Отсюда вырисовывается проблема медицины, выставляющей человека как носителя здоровья и болезни. Цель изучения проблемы в том, чтобы обозначить общую схему человека в смешивании в нём двух разного рода начал: первое рассмотрение организма (тела) как организации живого существа и второе рассмотрение его как мыслящего, общественного и говорящего субъекта.

Проблема здоровья в философии была и будет существенна, так как выражает неподдельный интерес человека к познанию условий и факторов, которые при взаимодействии с человеческим организмом дают материал для строительства благополучной жизни и для создания и поддержания баланса между физическим и духовным состоянием. В определении ВОЗ здоровьем «является состояние полного физического и душевного благополучия, а не только отсутствие болезней или физи-

ческих дефектов». Что же понимается под этим благополучием? Я назову физическим благополучием состояние, выраженное в отсутствии каких-либо болезней и неприятных ощущений и данное в ощущениях бодрости, свежести, работоспособности. Духовное же благополучие можно обозначить как свободную и осмысленную реализацию творческих идей в жизнь. Множество философов направляют человеческую мысль на то состояние, которое даёт человеку выразить свои творческие способности, являющиеся, по моему мнению, одним из главнейших источников здоровой жизнедеятельности человека. Сдерживая свой творческий потенциал, человек как бы идёт против своего природного я, нарушая созданный природой баланс духовного, что неминуемо приводит к болезни.

Возвращаясь к вопросу взаимодействия человека и факторов окружающей среды, хотелось бы сказать о том, что множество современных учёных пытаются найти связь между физико-химическими процессами, происходящими в живых организмах, и процессах, происходящих во Вселенной. Познание этих процессов и взаимодействий, происходящих в живой природе определённо должно дать человечеству необходимый инструментарий в знании о здоровье.

Благодаря разуму человек качественно изменил мир, создал новый слой бытия, более цивилизованный. Но научно-техническая революция, давшая столь любимый нами слой, также принесла и загрязнение окружающей среды, а также множество физических и психологических нагрузок, напрямую с ней связанных. В совокупности эти факторы дают человечеству всё более тяжёлые виды болезней. Проблема осложняется тем, что всё это негативно влияет на способность людей к мышлению и их творческую жизнедеятельность. Пропадает интерес к науке, а её место занимают оккультные знания, представителями которых часто являются мошенники и шарлатаны, не имеющие к науке никакого отношения.

Задумавшись вопросом: зачем нужна философия здоровья, и какая от неё практическая польза для общественного здравоохранения? В качестве примера хотелось бы рассмотреть нашу страну, где уровень смертности превышает уровень рождаемости в разы и медицинская наука не может дать адекватного ответа на этот факт. Можно предположить, что в этой проблеме причина лежит в областях, где медицина утрачивает свою компетенцию, либо в малоизученных медицинских знаниях. Возможно, что происходит что-то с душой народа. Что же тогда нужно душе, чтобы быть счастливой? Может ли она оставаться здоровой, находясь в состоянии безвыходности и тоски? Какие ценности должны преобладать в обществе, где главной мерой успеха считаются деньги, и может ли общество быть здоровым? Вряд ли на эти вопросы можно ответить, руководствуясь только медицинскими науками — без детального философского осмысления здесь не обойтись. Здесь нужен комплексный подход философии и медицины как двух научных дисциплин.

Философия никогда не отбрасывала факт о взаимосвязанном функционировании духа и тела человека, материальной и духовной сферами жизни общества, благодаря которым общество могло всесторонне гармонично развиваться. По преданиям античной мифологии: у известного бога Аполлона, который был покровителем искусств, было два сына. Один из них, Эскулап, лечил тело, а другой, Платон, исцелял людские души. И только их совместная деятельность делала людей здоровыми. Этим, хоть и мифологическим, примером хотелось бы показать необходимое взаимодействие медицинских знаний, позволяющих «лечить тело», и философской проблематики занимающейся вопросами духовной сферы жизни общества. Ведь можно предположить, что философия, направленно воздействуя на мысль, способна укреплять дух человека как конструкт здоровья.

Особенности инновационной деятельности в условиях модернизации образования

Инновационная деятельность в современных условиях XXI века реально представляет собой феномен трансформационного мегапреобразования или «макросдвига» (Э. Ласло) социальных систем, связанных с изменением техники и технологий материального производства и экономики, образования, здравоохранения, культурной среды и других сфер жизнедеятельности общества.

Инновации в сфере образования разных уровней с необходимостью должны привести к появлению качественно нового типа подготовки учащихся и специалистов — инновационного образования, которое принципиально основывается на взаимодействии науки и образования. Этот новый тип образования предполагает, с одной стороны, качественно новое улучшение трансляции имеющихся в культуре научных знаний и умений, с другой стороны, эффективное продуцирование и использование нового научного знания, техники и технологий. Однако необходимо учитывать, что традиционное взаимодействие образования и науки в российской действительности предполагает поддержку и развитие существующего социума, его государственности, экономического и культурного роста и в качестве общей цели — повышение качества жизни народонаселения. Проблематика философии образования исторически достаточно давно рассматривалась в творчестве отечественных мыслителей и общественных деятелей. Это связано с трудами М.В. Ломоносова, С.И. Гессена, Н.М. Карамзина, И.В. Киреевского, А.С. Макаренко, К.Д. Ушинского и др. Современные исследования по проблемам развития российского образования проводились в работах Е.В. Брызгалиной, Б.С. Гершунского, В.С. Грехнева, О.В. Долженко, В.А. Лекторского, В.В. Мирнова, В.Н. Поруса, В.А. Садовниченко, Г.Б. Сориной, Т.В. Сохраняевой и др.

Существующее российское образование находится в противоречивом процессе диалектического перехода от административной (советской) модели управления системой образования к новой (постсоветской) — либеральной (В.В. Миронов). Основными субъектами инновационной деятельности в образовании в настоящее время являются, во-первых, государство (с учетом привлекаемого экспертного сообщества), во-вторых, инновационные организации, в-третьих, немаловажен действующий личностный фактор. В постсоветский период государство, как основной субъект принятия управленческих решений в сфере образования, постепенно начинает менять свою финансовую и организационную политику: в финансировании образовательных систем преобладающей становится ориентация на гранты и частные инвестиции, в организационном плане — контроль и ответственность за качеством образования все больше передается учебным заведениям, изменяется стандартизация учебного процесса в среднем и высшем образовании (введение ЕГЭ и включение в Болонскую систему). Противоречивость процесса реформирования российской образовательной системы заключается в том, что, с одной стороны, вся существовавшая система образования объявляется «устаревшей» без понимания необходимости процесса преемственности (в терминологии Г.В.Ф. Гегеля — «снятия») а, с другой стороны, появляется ориентация на понимание того, что под интеллектом и образованностью следует иметь в виду не способность творчески мыслить и научно подходить к исследованию реальности, но уметь работать с большими объемами информации, когда коммуникабельность и креативность превращаются в способность «читать», «гулить» и т.д. (примечателен в данном отношении форсайт-проект «Детство — 2030», проинициаторованный Общественной палатой РФ и благотворительным фондом поддержки молодежных инициатив «Мое поколение»).

Интеллектуалы и политика в послевоенной Италии: Норберто Боббио и коммунисты. Спор о свободе и автономии культуры

Послевоенный период в Италии характеризуется подъемом политической активности масс, бурными дискуссиями в политической среде о демократии. Итальянцы были исполнены надежд на построение демократического общества, чаяния их были устремлены в будущее. Дофашистская модель государства, пропагандируемая классическими либералами во главе с Бенедетто Кроче¹, уже потеряла свою актуальность, так как «политика как сфера руководства обществом перестала быть исключительно прерогативой привилегированных групп, элит и олигархий, и становилась объектом оспаривания и демократической борьбы между различными силами»². Среди этих сил, которые будут участвовать в демократической борьбе, исключительное значение в послевоенной Италии обретут интеллектуалы, в особенности левые интеллектуалы, прошедшие Сопротивление и получившие огромный опыт политической деятельности. Именно эта особая социальная группа, получившая после войны не только в Италии, но и во всей Западной Европе особую политическую роль в связи с обретением возможности участия в политической жизни общества, — именно интеллектуалы вплоть до конца 80-х годов будут оспаривать у политиков право быть протагонистами политического процесса. Поэтому нет ничего удивительного в том, что итальянская политическая жизнь будет довольно бурной: в период с 1945 по 1979 года произойдет 36 правительственных кризисов! Ведь там, где интеллектуалы, — там и дискуссии, споры и дебаты.

Итак, дебаты о демократическом переустройстве страны — главная особенность послевоенной Италии: «Переход к демократии начался в Италии в 1945–1947 гг. Необходимо было... усовершенствовать политическую систему, уничтожить социальные корни фашизма, его идеологию, многие привычки, сложившиеся за 22 года правления фашистского режима»³. Плуралистическая партийная система складывается уже в ходе борьбы за освобождение, и на фоне послевоенного подъема активности, и в Первой республике она оформляется как противостояние двух политических блоков: «В стране происходил бурный рост и расширение избирательной базы двух противостоящих друг другу политических блоков: с одной стороны, левых партий — ИКП и ИСП, представляющих интересы рабочего класса, с другой — ХДП — католической интерклассистской партии центра»⁴.

Выборы 18 апреля 1948 года привели к поражению Народно-демократического фронта: левые силы не ожидали таких результатов и с того времени были надолго отброшены в оппозицию. Начались конфликты между ИКП и ИСП, так как результаты выборов сделали социалистов враждебными по отношению к коммунистам. Это приведет к дальнейшему отходу социалистов от коммунистов в 50-х годах, когда «начался процесс постепенной социал-демократизации ИСП, отхода от революционных лозунгов и одновременно внутреннего ослабления партии, падения ее избирательной силы»⁵.

В результате всех этих процессов «политическая система, образовавшаяся в постфашистской Италии, не являлась демократией в классическом смысле этого термина. Ее называли «полудемократией», «блокированной демократией», наконец, «режимом ХДП»⁶. Христианские демократы, хотя и имея в качестве конкурентов

коммунистов и социалистов, тем не менее не без поддержки США взяли бразды правления в свои руки. «Левые партии, — резюмирует Ю.П.Лисовский, — приобрели в Италии такую силу, какой они никогда не обладали в дофашистский период, но этой силе было суждено постоянно находиться в оппозиции»⁷. Коммунисты Италии — протагонисты левых сил — начинают борьбу на интеллектуальном фронте.

Оппозиционность левых политических сил привела к выдвижению левых интеллектуалов как самостоятельной политической силы: их объединяла общая причастность к Сопротивлению, антифашистская идеология стала цементирующим всех левых интеллектуалов элементом. Интеллектуальная ситуация в Италии после войны уникальна: история, пожалуй, не знает ситуации, в которой интеллектуалы обладали бы подобным колоссальным влиянием! Главной особенностью этой ситуации было возрастание политической силу компартии на фоне пристального интереса всех интеллектуалов к марксизму: споры о марксизме нигде на Западе не достигали такого накала, а интеллектуалы-марксисты — как члены ИКП, так и имеющие другую партийную принадлежность — не привлекали к себе такого внимания.

Норберто Боббио, молодой туринский ученый, занимающийся философией права, участник Сопротивления и член Партии действия, из этого участия в политике вынес серьезные уроки. Сама политическая жизнь и борьба поставили вопросы о роли интеллектуала в политике, об отношениях интеллектуалов и партий, о способах действия интеллектуала в культуре и политике. Опыт непосредственного политического участия в Партии действия подталкивает философа пусть и либеральных взглядов, но воспринявшего от Пьеро Гобетти и Карло Росселли учение либерального социализма, к переоценке взглядов на политику вообще и на фигуру политика в частности. Может ли человек культуры — а это его определение интеллектуала — вообще непосредственно заниматься политикой, быть членом какой-либо партии? Совместима ли защита культуры — а это, по Боббио, главная обязанность интеллектуала, — с партийной доктриной? Если автономия культуры — главная забота человека культуры, то каким должно быть его отношение к партийной идеологии и к партийным императивам, выдвигаемым любой политической партией в отношении к культуре? Ясно, что защита автономии культуры невозможна без участия в политике, — но как тогда будет выглядеть это участие? Если партийный интеллектуал и партийность культуры — то, против чего следует бороться, то как должна выглядеть эта борьба? Какими должны быть отношения политики и культуры?

Около середины 40-х годов Норберто Боббио расстается со своими иллюзиями в отношении политики. Если до участия в ней он склонялся к мысли, что в политике действуют такие же законы, что и в праве, — то есть достаточно разработать «технику политики», свод правил политического поведения, чтобы успешно и на благо общества действовать в ней, — «трудные и тяжелые уроки фактов» (в частности, та же неудача левых на выборах, распад Партии действия) подводят Боббио к осознанию того факта, что в политике все «правила», «законы», — собственно, «техника», — все это имеет второстепенное значение в сравнении с эмпирикой политической реальности. Политика — арена противоборства различных чисто политических сил (как классов и партий, так и доктрин и идеологий), но также — и арена человеческих страстей, поле реализации стремления к власти. Поэтому в политике никакой «технический» кодекс (как в праве) немислим, а моральные требования могут применяться лишь как пожелания, но не в императивном смысле.

Всю сложность политики, и в особенности в плане ее отношения ее к этике и морали в силах выразить только философия политики, а разработка таковой — как раз таки задача философов, интеллектуалов, но уж никак не самих политиков. Но сами

интеллектуалы не могут обойтись без своего этического кодекса, действуя в политике, и для них должна быть сформулирована этика политического действия: в самом деле, не обладая моральным авторитетом, интеллектуал не может высказываться о политических реалиях и уж тем более что-либо предписывать действующим политикам, критиковать или одобрять их поступки. Основанием его политических высказывание и императивов может быть только его же политическая этика как часть политической философии. Норберто Боббио, приступая к разработке философии политики, начинает параллельно разрабатывать этику политического поведения интеллектуалов, — своеобразный этический кодекс, которому прежде всего он сам будет следовать в своей научно-политической деятельности.

Прежде чем интеллектуал может высказываться о политике, ему необходимо определить свою позицию в отношении к ней, очертить поле своей деятельности, свои возможности и ограничения. Но для этого необходимо сформулировать, какова та инстанция, которая предоставляет интеллектуалу право высказываться о политике. Эта инстанция — культура: Боббио синонимично употребляет выражения «интеллектуал» и «человек культуры». Но постулируя служение интеллектуала культуре, его статус «садовника и возделывателя» культуры, Н.Боббио неизбежно сталкивается с марксистской концепцией отношения политики и культуры, приобретающей в послевоенной Италии влияние на интеллектуалов. Цель туринаского философа — обоснование защиты автономии культуры — необходимым образом подталкивает его к диалогу с итальянской компартией, теоретики которой, вооружившись концепцией Грамши, занялись серьезными разработками в области марксистской культуры, привлекая под знамена коммунизма всех левых интеллектуалов. Именно в полемике с коммунистами и была написана его знаменитая «Политика и культура», вышедшая в 1955 году в издательстве «Эйнауди», высокоцитимом в кругу итальянских левых интеллектуалов и пользующимся неизменным почтением у компартии. Эта книга — итог диалога Н.Боббио начала 50-х годов с коммунистами и с марксизмом, но также и основание для дальнейшей теоретической дискуссии интеллектуалов различных политических направлений.

После II Мировой войны европейские компартии приобретают сильнейшее влияние в политике, а в сфере идеологии марксизм начинает свое триумфальное шествие по Европе: можно сказать, что если смотреть под углом зрения развития политико-социальных теорий, вся 2-я половина XX века в Европе (особенно в Италии, Франции и Испании) прошла «под знаменем марксизма»: совокупность направлений политической мысли, именуемая «западным марксизмом», и ныне отнюдь не потеряла своего влияния. Авторитетный историк западного марксизма П. Андерсон в отношении роста влияния марксизма в послевоенной Италии пишет: «Исключительный масштаб и скорость распространения марксизма в Италии после освобождения, включая рост не только ИКП, но также и ИСП, а также распространение марксизма в широких кругах интеллигенции, не имели аналогов ни в одной стране Европы»⁸. Среди тех интеллектуалов, которые вплотную стали знакомиться с марксизмом после войны, был и Норберто Боббио.

Несмотря на солидный возраст марксистской школы в Италии, восходившей ко временам Энгельса и Лабриолы, до 1945 года марксизм не выделялся заметно в интеллектуальной среде как учение, привлекающее внимание, будучи подавлен идейной монополией Бенедетто Кроче, который, считая марксистское учение и школу закрытой догматической системой, использовал свой немалый авторитет для подавления марксистских идей. Склонные в авторитарности, но не к диалогу, «и Кроче и Джентиле в первых десятилетиях XX века являются сторонниками либерализма, который, с их точки зрения, должен стать надежным заслоном на пути марксизма и социализма и

других экстремистских теорий и движений»⁹. Интерес Н.Боббио к немарксистским либерал-социалистическим учениям подготовил его к восприятию Маркса, которого туринский философ открыл для себя на излете войны. Спустя годы Боббио будет вспоминать, с каким нетерпением и как жадно читало Маркса его поколение, свыкшееся с господством либеральной традиции, твердо удерживаемому Кроче. Марк впечатлил молодого философа «той невероятной силой, с какой он опровергал старые идеи, своей способностью показать историю с точки зрения тех, кто никогда не имел «своей» истории, своей жесткой критикой различных идеологий, срыванием масок, за которыми скрывалась жажда власти и богатства»¹⁰.

Н.Боббио не стал марксистом, но изучение Маркса помогло ему скорректировать и обогатить те либерально-социалистические взгляды, которых он придерживался. Интересно, что критика Кроче Маркса (а в то время Боббио находился еще под сильным влиянием Кроче) только помогла восприятию марксистских идей, и уже марксизм дает Н.Боббио возможность избавиться от влияния идеалистической системы крочеанского историцизма, особенно проявившегося в сфере политических идей, где доктринерство Кроче проявляется в полной мере. Критическое усвоение Маркса помогает Боббио по-новому взглянуть не только на проблематику отношений социализма, либерализма и демократии, но и на проблемы соотношения в обществе политики и культуры. Но рецепция Маркса всегда ведет к общению с марксистами, с коммунистами — такой путь был неизбежен и для молодого туринского философа-интеллектуала. А поскольку перед Норберто Боббио стояли проблемы отношений культуры и политики, статуса интеллектуалов в соотношении с принципом партийности, постулируемом коммунистами, интеллектуальная дискуссия с ИКП обещала быть плодотворной и интересной.

В сфере культуры итальянская компартия выдвигала свои положения и тезисы, разрабатывала тактику своей культурной политики исходя из стратегических постулатов в отношении культуры, разработанных в трудах Антонио Грамши. В конце 40-х годов были впервые опубликованы труды Грамши, написанные им в тюрьме: шесть томов «Тюремных тетрадей» выходит в издательстве «Эйнауди» в 1948-1951 годах, причем публикация шла под пристальным контролем компартии и лично ее главы Пальмиро Тольятти, не только выдающегося политика, но также и, безусловно, неординарно, творчески мыслящего интеллектуала-коммуниста. С работами Грамши Тольятти знакомился еще во время своего пребывания в Москве, размышления этого выдающегося теоретика марксизма о роли интеллектуалов в политике в связи с его концепцией «органического интеллектуала» и партии как «коллективного интеллектуала» определяют некоторые изменения политики ИКП, которые императивно начал проводить П.Тольятти с 1944 года. Главное в этой «новой политике» — изменение отношения «новой партии» к людям культуры. С изданием работ Грамши культурно-интеллектуальные задачи партии приобретают конкретные формулировки в русле общей грамшианской стратегии достижения культурной гегемонии.

Учение Грамши об органических интеллектуалах в их соотношении с партией и о культурной гегемонии как о задаче и цели коммунистов оказывает сильное влияние на ИКП, подводя руководство партией к разработке собственной (без оглядки и согласований с «материнской» КПСС) политики в области культуры с использованием таких вариантов этой политики и соответственно методов партийного строительства, которые не находились бы в жесткой зависимости от базовых партийно-идеологических императивов. Новый, итальянский путь развития партии, — это прежде всего постулирование необходимости усиления влияния на левых интеллектуалов Италии, и посредством этого метода — «наращивание присут-

ствия марксизма» (говоря популярными в то время военными терминами) в итальянской культуре.

Программа Грамши — это комплекс задач перспективной политики коммунистов, то есть кропотливая, постепенная работа партии в области культурной политики с долгосрочной перспективой в борьбе за гегемонию марксистской культуры. С конца 40-х — начала 50-х годов Пальмиро Тольятти исключительно в грамшианском ключе решает проблему отношения коммунистов к культуре, вопросы *культурной политики*¹¹ коммунистов. Лидер итальянских коммунистов отвергает концепцию А.А.Жданова, выражающую сталинскую позицию в отношении политики культуры, предписывающую прямое руководство партией культурой, установление полного контроля партии над культурой. Ленинский принцип партийности культуры Сталин понимал как руководство к действию: наука и культура в СССР стали подобны отраслям экономики с ее системной планирования и жесткого контроля. «Сложно было представить что-либо более далекое от задач Тольятти, — пишет историк послевоенной итальянской культуры Нелло Айелло, — которые состояли во внедрении коммунистического мировоззрения в стране, боготворившей гуманистическую культуру»¹². Заметим, что политика «прогрессивной демократии», предложенная Тольятти, отвергает идею планирования, — соответственно, неприемлемой в рамках этой политики оказывается и сталинско-ждановская концепция тотального идеологического доминирования партии в культуре.

Что же предлагает Тольятти? Выражая культурные установки и задачи «новой политики новой партии», он разрабатывает в соответствии с грамшианской теорией гегемонии программу действий ИКП в области культуры. Задача коммунистов — развивая собственную культурную компетенцию, постепенно усиливать присутствие марксизма в культуре. На первом плане стоит работа с левыми интеллектуалами не-коммунистами и с молодежью, в том числе и католической (вообще, католикам не было препятствий в партии), используя принцип диалога в пропагандировании марксистских идей. Цель ясна, это — завоевание доверия левых интеллектуалов и молодежи, воспитание ее в духе коммунистических идей. Таков «культурный прозелитизм» ИКП, идущий в русле «коммунистического экуменизма» ее «итальянского пути».

Коммунисты участвуют в многочисленных дебатах, спорах и дискуссиях начала 50-х годов, но при всех новых демократических интенциях ИКП сохраняет свою марксистскую идентичность. Полемика Норберто Боббио с одним из главных партийных идеологов, будущим главой марксистской школы в Италии, Гальвано Делла Вольпе, о понимании свободы, привлекает внимание П.Тольятти, и уже сам генеральный секретарь ИКП вступает в диалог с молодым ученым. Эта дискуссия имела место в 1954–1955 годах, представляя собой обмен мнениями на страницах интеллектуальной прессы, и проходила в конструктивном ключе, в духе взаимного уважения и понимания, — и это несмотря на то, что Боббио на тот момент был молод, и слава ученого еще не была обретаена им в полной мере, тогда как П.Тольятти — глава крупнейшей на всем Западе компартии, политик с мировым именем. Отметим, что послевоенное общение Тольятти и Кроче проходило совсем по-другому: взаимные нападки, недоброжелательность и язвительные замечания в отношении друг друга привели двух партийных лидеров (а Кроче на тот момент был лидером Либеральной партии, малозаметной на политическом небосклоне Италии, не выработавшей даже собственной программы) чуть ли не к взаимному «политическому анафематствованию».

Как Тольятти, так и Делла Вольпе были «защитниками СССР до последнего»¹³, Н. Боббио, напротив, считал советский строй тоталитарным выражением руссоистского статализма, а советскую демократию вовсе не полагал должной реализацией

демократического идеала. Что касается свободы искусства, то Боббио защищал ее от всяческих попыток императивного руководства в полемике с коммунистом Рануччио Бьянки-Бандинелли, проповедовавшим принцип партийности культуры. Отметим, что Бьянки-Бандинелли в будущем возглавит Институт Грамши в Риме — этот своего рода итальянский коммунистический Ватикан.

Из споров и размышлений о демократии, о роли интеллектуалов и их идентификации с людьми культуры, из эмоциональных дискуссий о сущности свободы и родилась «Политика и культура» — 14 очерков на политические темы, написанные и опубликованные в интеллектуальной прессе с 1951 по 1955 годы. Эта книга производит впечатление монолитности, несмотря на то, что является сборником статей, и такая монолитность — следствие логики диалога с коммунистами, как и логики защиты культуры, — цели, которую поставил перед собой молодой ученый. «Политика культуры» получила широкую известность в интеллектуальном мире послевоенной Западной Европы как программное произведение, обобщающее многочисленные предшествующие ей штудии о политической роли и статусе интеллектуалов. Для самого Боббио это первая крупная философско-политическая работа, получившая заслуженный статус программной. В «Политике и культуре» в полной мере явлен особый очерково-лекционный стиль Боббио, с его знаменитой в будущем логичностью и ясностью рассуждений, приводящей в восхищение многих исследователей и заставляющей вспомнить стиль Фомы Аквинского. Почти юридической строгости своих рассуждений он обязан не только собственно философско-юридическим исследованиям, но и внимательному изучению Маркса и Энгельса, стиль произведений которых чувствуется в работах Боббио. Уважение как сторонников, так и противников ученый снискал также благодаря своей толерантности и уважению к мнениям оппонентов. Эта толерантность как неприятие всяческого догматизма — не только принципиальная позиция самого Боббио, но также и одно из важнейших требований его к людям культуры.

Тема отношений политики и культуры, как это явствует из названия книги, — главная для философа. Она неразрывно связана с вопросом о статусе людей культуры — интеллектуалов — в самой культуре, и об их постулируемой Боббио роли в политике, — а именно, защите автономии культуры независимым от партий и политики интеллектуалом. В связи с этими тезисами Н.Боббио отстаивает либералистическое понимание свободы: автономия культуры необходимым образом придается в соответствие постулируемая универсальность свободы индивидуума. В этой связке — автономия культуры и независимость интеллектуала — весь смысл работы 1955 года, работы, важной не только как веха в истории развития понятия «интеллектуалы» в Западной Европе, но и как имеющей особую значимость и ценность для самих интеллектуалов, в качестве своего рода интеллектуального катехизиса, руководства к действию. Людям культуры для благополучного путешествия по бурным волнам политики в качестве спасательного средства философ предлагает свою «действенную философию» (*filosofia militante*), главная составная которой — «критическое сомнение» (*dubbio critico*) и «дух критики» (*spirito critico*). Интеллектуал должен подвергать сомнению догматические схемы и концепции, любую ортодоксальность; но критика должна базироваться на принципе диалога, проходить в атмосфере диалога и толерантности. Все эти принципы, рекомендуемые людям культуры, Норберто Боббио воплотил в жизнь лично в диалоге с итальянскими коммунистами, заслужив их уважение и зарекомендовав себя как честного и открытого к общению «философа диалога», открыто защищающего, по его же словам из завершающей «Политику и культуру» статьи-ответа Тольятого «Свобода и власть», «наиболее здоровые плоды

европейской интеллектуальной традиции: спокойствие исследования, критические стимулы, волю к диалогу, критический дух, взвешенность в суждениях, лингвистическую scrupulousness, чувство сложности, комплексности проблем»¹⁴.

Благодаря тому, что проблема политической роли интеллектуалов в обществе решается Боббио в терминах их культурной принадлежности, укорененности в культуре, его концепция сохранила актуальность и после 70-х годов, когда политическая роль интеллектуалов уже была под сомнением, да и само это понятие стало как бы размываться: многие говорили о «смерти интеллектуалов» с приходом постиндустриального общества и расцветом постмодернистских тенденций как в философии, так и в общественно-политической мысли. Тогда, в середине 70-х годов, Норберто Боббио, можно сказать, «отстоял» «легитимность существования» интеллектуалов именно благодаря разработкам, которые легли в основу «Политики и культуры». Кто же выступит в защиту людей культуры, интеллектуалов сейчас, во втором десятилетии XXI века?

---

¹ Б. Кроче в политической среде называли «бардом либерализма». В 1945 г. в ходе работы консультативной ассамблеи в полемике с Ф. Парри, который считал, что демократия в Италии только рождается, Кроче выступил с тезисом, что Италия до войны была одной из самых демократичных стран мира и таковой должна остаться, не меняя политической системы: философ-историк не принимал изменений как итальянских, так и мировых политических реалий.

² Лисовский Ю.П., Любин В.П. Политическая культура Италии. М., 1996. С.11.

³ Любин В.П. Социалисты в истории Италии. М., 2007. С. 335.

⁴ Лисовский Ю.П., Любин В.П. Политическая культура Италии. С. 23. ИКП — Итальянская коммунистическая партия, ИСП — социалистическая, ХДП — христианские демократы.

⁵ Лисовский Ю.П. Италия: от фашизма к демократии (Трудные пути послевоенной перестройки). М., 1990. С.149.

⁶ Лисовский Ю.П., Любин В.П. Политическая культура Италии. С. 25–26.

⁷ Лисовский Ю.П. Италия: от фашизма к демократии. С. 126.

⁸ Андерсон П. Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма. М., 1991. С.53.

⁹ Зорин А.Л. Этика итальянских идеалистов: проблема обоснования морали и метода. Краснодар, 1999. С. 48.

¹⁰ Bobbio N. Il futuro della democrazia. Torino, 1984. P. 103.

¹¹ Н. Боббио называет политику, суть которой – в навязывании культуре своих императивов – «культурной политикой» (politica culturale), а либеральную политику невмешательства, заботы со стороны власти, — «политикой культуры» Такое различие идет от основателя Европейского общества культуры (первое заседание состоялось в 1951 году) философа-антифашиста Умберто Кампаньоло: члены этого общества называли себя «людьми культуры» Норберто Боббио был в числе основателей Общества (наряду с Ф. Мориакком, Ж.-П. Сартром, М. Шагалом, А. Камю, Т. Манном и др.), именно ему принадлежит честь теоретизации понятий «политика культуры» и «люди культуры»: людьми культуры он именовал интеллектуалов. Общество существует и поныне, его нынешний глава Мишель Кампаньоло-Бувьё в выступлении 2007 года подтвердит все цели и задачи Общества как неизменные со времени основания, используя все вышеназванные термины (см.: Кампаньоло-Бувьё М. Новое взаимодействие: Культура и политика. Европейское общество культуры и его политика в области культуры // Искусство и философия. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Ж.-П.Сартра и Э.Левинаса. Минск, 2007. С.35–39.).

¹² Ajello N. Intelletuali e PCI. 1944–1958. Roma-Bari, 1979. P. 51.

¹³ Martelli M. I filosofi e l'URSS. Per una critica del socialismo reale. Napoli, 1999. P. 180.

¹⁴ Bobbio N. Politica e cultura. Torino, 1955. P. 281.

Норберто Боббио о политике и культуре: независимость интеллектуалов и автономия культуры

Тема интеллектуалов как некоей особой социальной группы, у которой есть свои особые права и обязанности в отношении к политике, стала общезначимой в Западной Европе со времен баталий дрейфусаров и их оппонентов. Дискуссии об интеллектуалах то разгорались (например, с выходом книги Жюльена Бенда «Предательство интеллектуалов» в 1927), то затухали. В годы европейского Сопротивления не было споров о сущности понятия «интеллектуал»: большинство левых интеллектуалов Западной Европы влилось в ряды борцов с фашизмом, так что было не до диспутов. После войны интеллектуалы обрели несколько иной облик, почувствовав обретенную в годы Сопротивления политическую силу, так что вопрос о политических возможностях перестал быть актуален: они стали очевидными, как и методы влияния на общество и на политику. Но каковы же задачи этой новой общественной группы? Что и как делать им в политике? В послевоенной Италии разгорелся спор между интеллектуалами-коммунистами и молодым философом-правоведом Норберто Боббио, который во время Сопротивления обрел, как и многие его товарищи-интеллектуалы, опыт политической борьбы. Полемика затрагивала многие философско-политические вопросы, но главной связующей дискуссии нитью был вопрос о статусе и роли интеллектуалов в обществе, об их моральной обличке, этике, нормах их поведения в политике. Итогом дискуссии стала работа «Политика и культура» 1955 года — несмотря на то, что эта книга представляет собой сборник статей, написанных и опубликованных Н.Боббио с 1951 по 1955 года в рамках диалога с коммунистами (как с ведущими на тот момент теоретиками партии, так и с ее главой Пальмиро Тольятти), это произведение производит впечатление какой-то особой монолитности. Дело в том, что свои постулаты и императивы в отношении интеллектуалов философ оправдывает своим политическим мировоззрением, и все это вместе выстраивается как некая единая теория этики интеллектуалов. Как же соотносит Н.Боббио культуру и свободу, какой видит роль интеллектуалов в отношении культуры и в отношении политики?

В «Политике и культуре» в ходе полемики с коммунистами философ вырабатывает и представляет свое понимание свободы в русле ее либералистического видения прежде всего как свободы индивидуальной, следуя «направлению Локка-Канта», в котором свобода понимается как невмешательство государства в осуществление индивидом своей свободной деятельности, ограниченной только рамками закона и гарантированной законом же в том, что этими рамками не объемлется¹. Это направление в понимании свободы, особенно ярко защищавшееся Б.Констаном, а во 2-й пол. XX века — И.Берлином², свобода «негативная», свобода как не-препятствие, — отстаивается Н.Боббио так же ярко, как и Констаном, в очерке, название которого как бы продолжает тему, поднятую великим французским либералом: «О свободе современных людей в ее сравнении со свободой потомков». Давая такой заголовок одной из наиболее полемичных статей «Политики и культуры», Боббио заостряет внимание тех, к кому обращены его размышления, на том факте, что свобода может быть под угрозой и уж во всяком случае всегда нуждается в защите, заботе о своем будущем. Этот очерк 1954 года является ответом на статью Гальвано Делла Вольпе «Коммунизм и современ-

менная демократия», опубликованную в том же 1954 году, — в ней второй по значимости после П.Тольятти идеолог ИКП отстаивал коммунистическую «свободу в государстве», руссоистское понимание отношений государства и индивида.

В заключающем «Политику и культуру» очерке «Свобода и власть», представляющем собой ответ философа на статью Пальмиро Тольятти, «подключившемуся» к дискуссии Норберто Боббио с Гальвано Делла Вольпе, в которой глава итальянских коммунистов, как и Делла Вольпе, отстаивал марксистское видение свободы³. В своем очерке Боббио в полемике с Тольятти доходит в выражении своего либерального кредо до пафетики, которая обычно не свойственна его строгим, логически выверенным рассуждениям: «То, что либерал ценит и на чем не устает настаивать, — чтобы в определенных пределах, время от времени меняющихся, была гарантирована свобода *от государства* (или от церкви, или от сверхгосударства, или от партии и т.д.); чтобы, каков бы ни был социальный класс, в руках которого находятся ключи от власти, он не осуществлял эту власть деспотически или тоталитарным образом, но гарантировал индивиду более или менее широкую сферу неконтролируемой деятельности, не подверженную указаниям и маниакальному контролю; чтобы сферы публичного и частного различались, и человек не оказался бы *гражданином по преимуществу* и исключительно: все то, что не подчинено государству, как-то: поиски истины и моральное сознание, — и не может быть ему подвластно. И добродетель не должна быть *вынуждена* сиять, как в деспотические времена или во времена святых и героев, но может светить менее ярким светом, и проявляться во вполне обыденных, житейских делах *обычных граждан* из негероической плоти и не священной крови; чтобы человеческая жизнь не была охвачена государством и политизирована, не была превращена в бесконечный парад на площади или в вечное заседание, на котором все сказанное сразу записывается в анналы истории, но имели бы свои паузы, дни отдыха, свои скучные и серые будни» (курсив наш)⁴.

Насыщенность поэтическими образами, метафорика используются автором, чтобы лишний раз акцентировать внимание своих оппонентов и вообще читателей на своем основном положении: свобода — это свобода индивидуума *от* государства, а либерализм — это «теория и практика ограничения пределов власти государства, особенно в нашу эпоху, когда возникло столько всемогущих государств»⁵. Именно так понимаемая свобода есть «само условие жизни общества и развития человечества»⁶. На этом понимании свободы, лежащем в основании либералистического мировоззрения Н.Боббио, базируется и его концепция свободы искусства, науки и культуры в целом, исходя из которой он делает выводы в отношении действий, способа существования в культуре и сущности людей культуры, или интеллектуалов.

Прежде всего Боббио опровергает марксистский тезис о партийности культуры, на котором построена вся система партийного руководства культурой со стороны компартий и согласно которому партийность включается марксистами в сущностное определение интеллектуала⁷.

Защите автономии культуры, критике принципа ее партийности и, в более широком смысле, — борьбе против политизации культуры, Н.Боббио в своей основной работе «Политика и культура», занявшей достойное место в европейской интеллектуальной саморефлексии, посвящены три очерка: «Культурная политика и политика культуры» (1952), «Защита свободы» (1952) и «Свобода искусства и культурная политика» (1953). Два последних очерка, в свою очередь, посвящены полемике с коммунистическим идеологом Рануччио Бьянки Бандинелли, который настаивал на принципе партийности культуры (*partiticità della cultura*).

Исходный принцип Боббио ясен из сказанного ранее: если свобода — это «непрепятствие» (*non-impedimento*), свобода от государства, то «свободная культура означает культура, которой не чинят препятствий (*cultura libera significa cultura non impedita*)⁸. Р.Бьянки Бандинелли в своей статье 1952 года «Диалог о свободе» по-марксистски отстаивает партийность культуры: она партийна всегда, на всех этапах своего существования и развития, так как отражает мировоззрение доминирующего класса. Из этого постулата, на который делал особый упор В.И. Ленин, Бьянки Бандинелли делает те же выводы, что и все марксисты, в духе концепции развития человеческого общества на пути к коммунизму и рождения в связи с этим переходом новой культуры. Еще в статье 1946 года «Приветствие итальянским интеллектуалам»⁹ он говорит о связи культуры с массами, о передовой коммунистической культуре, идущей на смену реакционной буржуазной культуре, базирующейся на идеализме и оторванной от народа, и т.д. Н.Боббио рассматривает саму связь культуры с классом, отношение свободы культуры и связей в обществе. Быть свободным — вовсе не означает быть без связей, существовать, будучи не связанным ни с чем: в понимании Боббио свобода означает «не иметь других связей кроме как принимаемых по внутреннему убеждению, но не по внешнему принуждению»¹⁰, поэтому важно не то, что, положим, какой-либо деятель культуры в своем творчестве выражает мировоззрение определенного класса или видение мира своего времени, — важно, делает ли он это, поскольку свободен или поскольку вынужден (например, партийными директивами). В этом свободном действии в культуре индивидуума, непреклонно защищаемом Н.Боббио, и состоит основа автономии культуры, творимой интеллектуально независимыми людьми культуры.

Из общего принципа марксистского принципа партийности культуры как мировоззрения господствующего класса теоретики компартий делают практические выводы в отношении руководства культурой, понимая партийность вполне конкретно, как «институциональную процедуру формирования культуры на основе установленных определенным образом культурных директив»¹¹, то есть как руководство к действию. Логика марксизма очевидна: раз культура партийна по определению, то и руководить ей надлежит партии, выражающей интересы прогрессивного рабочего класса, то есть компартии, — и так культура будет прогрессивной.

Политику руководства культурой со стороны класса, партии, государства и т.д., имеющих свои интересы в отношении культуры и предписывающих ей определенные императивы и директивные принципы, философ называет «культурной политикой» (*politica culturale*), связывая это понятие с понятием органического интеллектуала Грамши. Культурная политика вменяет культуре внешние по отношению к ней императивы, и тогда культура становится, по Боббио, политизированной (*cultura politizzata*). Крайнее выражение такой тенденции — тогдашняя советская культура¹², которая была политизирована абсолютно, вплоть до партийности науки. Боббио был впечатлен советскими лингвистическими дискуссиями, принцип (в данном случае вполне уместно сказать «догмат») партийности науки он назвал реакционным, и в этом с философом согласились многие итальянские коммунисты. Он пишет: «Один принцип, по моему мнению, противоречит марксистской идеологии, рожденной на почве историцизма, — и это принцип партийности науки, придающий советскому государству церковно-догматический характер. В самом деле, если настоящая наука — та, которая следует директивам партии, то тогда мы имеем обладателя абсолютной истины, и это — партия»¹³.

Н. Боббио считает, что либералы и вообще все люди культуры должны до конца отстаивать свободу культуры: интеллектуал «должен ясно понимать прежде всего следу-

ющее: когда он защищает свободу искусства, то высшая ценность, защищаемая им, — это не ценность свободы искусства, но ценность самой свободы»¹⁴. Культурная политика, в отличие от прямого партийного руководства культуры партией, дает искусству, культуре относительную свободу, но тем не менее рассматривает эту свободу инструментально: культура свободна постольку, поскольку служит политике.

Итак, политизированная культура, — «которая подчиняется директивам, программам, постановлениям, исходящим от политиков»¹⁵, и крайнем выражением которой является принцип ее партийности, то есть полное подчинение политике, — это первая опасность для культуры. Но существует и другая, прямо противоположная опасность — культура может стать аполитичной (*cultura apolitica*), оторванной от общества, в котором существует, от его потребности¹⁵, — одним словом, от социальной коммуникации (философ говорит: *incommunicabile*). Эти два состояния культуры Н.Боббио называет «двумя сторонами одной медали» и заключает: «Оба они, при всей их противоположности, несут одинаковую опасность: культура теряет свою функцию духовного руководства обществом»¹⁶. Каковы же тогда должны быть действия людей культуры — интеллектуалов — в отношении свободы культуры? До какой степени «защищать ее от политики», не подвергая опасности довести культуру до полной аполитичности? Необходимо отметить достаточно высокую степень политизации итальянского общества во время, когда писались дискуссионные очерки «Политики и культуры», так что требования деполитизации культуры были бы вполне уместны. Но Боббио вовсе не призывает, подобно Жюльену Бенда, интеллектуалов к абсолютному отказу от политической деятельности, которую называет «предательством интеллектуалов» (о нем и о его критике политической деятельности интеллектуалов будет подробно сказано в дальнейшем). Боббио говорит об обязанностях людей культуры по отношению к самой культуре, причем эти обязанности называет политическими. Автономии культуры должна соответствовать независимость интеллектуалов, которая понимается философом в двух смыслах: как независимость собственно интеллектуальная, то есть свобода от идеологических догм и доктринальных «заповедей» (но при этом независимость не идентична отсутствию идеологии); и как независимость политическая, как свобода от партийных директив и императивов, — интеллектуал, по твердому убеждению Н.Боббио, не должен быть членом никакой из партий и не должен принимать *прямого участия* в политике¹⁷. Это требование не означает запрета участия в политической жизни, безразличия к политике, ибо «также и мир культуры имеет потребности, обязанности и возможности политического плана», — а отсюда следует, что интеллектуал должен «понимать культуру как политический факт»¹⁸. «Из этой констатации, — продолжает Боббио, — следует общее правило поведения для человека культуры в обществе, — правило, согласно которому его участие или неучастие в политической жизни не должны затруднять сами условия существования и развития культуры. Этот долг для человека культуры — превыше всех других»¹⁹. Это прямо соответствует принципу не-препятствия (*non impedimento*) в понимании свободы, принципу «негативной свободы», примененному в отношении культуры. Конечно, из этого «негативного» принципа вытекают о позитивные обязанности интеллектуалов в отношении культуры, общий смысл которых — «бдительность и твердость в защите культуры»²⁰, отстаивание ее интересов в политике и социальной жизни.

Обязанности людей культуры по отношению к культуре ограждают ее как от политизации, так и от аполитичности. Круг этих обязанностей по защите культуры от этих двух опасностей называется философом «политика культуры»²¹ (*politica della cultura*), в отличие и в противопоставлении «культурной политике» (*politica*

culturale), предполагающей «планирование культуры со стороны политиков»²². Боббио много раз повторяет определение человека культуры как ее «воздвизателя и хранителя» (*custode e depositario*), его при этом не пугает, что многие интеллектуалы являются членами различных политических партий и приверженцами различных мировоззренческих систем и идеологий, — ведь политика культуры «имеет отношение к тому общему, что объединяет людей культуры, и не касается того, что их разделяет»²³. Итак, философ не видит большой опасности в том, чтобы человек культуры не просто принимал участие в политической жизни, но и занимался определенной политикой, — для него важен не сам факт степени вовлеченности в политику, но влияние этой вовлеченности на культуру: она, по принципиальному требованию Н. Боббио, не должна превращаться в пропагандирование интеллектуалами их политических воззрений вплоть до постулирования как императивных для культуры. В этом случае политическая деятельность интеллектуала становится несовместимой с его основным призванием, с его главным долгом по отношению к культуре. Интеллектуальная свобода, «свобода человека культуры от политических формул и пропаганды может стать предпосылкой его эффективной политики культуры»²⁴.

Итак, в отношении свободы культура может быть политизированной и аполитичной, — следовательно, задача людей культуры, интеллектуалов, состоит в проведении такой *политики культуры*, которая защищала бы ее *автономность*. В итальянской же культуре, современной Норберто Боббио и защищаемой им как человеком культуры, аполитичность и политизированность выражаются в «академичности» (*cultura accademica*), и такая культура при всей ее скрупулезности и научной строгости все же страдает излишней беспристрастностью, доходящей до «холодности и безразличия»; и «воинственности» (*cultura militante*)²⁵, — а такая культура при всей ее живости и вовлеченности в общественные проблемы доходит до «тенденциозности»²⁶. Противоречие между этими крайностями в Италии, полагает философ, велико как нигде, задачу же интеллектуала он видит в том, чтобы это напряжение снижать, примиряя данные крайности культуры прежде всего в себе самом. Для достижения этого Боббио предлагает свою «действенную философию» (*filosofia militante*), разрабатываемую в очерке «Культура старая и культура новая» и отражающую боббианский идеал, как можно сказать, человека культуры Италии, итальянского интеллектуала с его просветительскими, антидогматическими интенциями и чаяниями свободы, главные задачи которого — поиск истины и способствование развитию свободы. О действенной философии Боббио пишет так: «Действенная для кого? Может быть, для партии, для секты или для конфессии? Действенность не означает партийность, сектантство или набожную преданность. Это не тот способ философствования, когда смотрят на вещи с высоты закоснелой мудрости, но углубляются в изучение конкретных проблем, и только после тщательного и методичного исследования принимают позицию [или решение].»²⁷ Важнейший принцип действенной философии Н.Боббио — это принцип ответственности ученого, философа за принятое им решение, а также ответственности за собственный политический выбор, лежащий в основе этого решения. Об антидогматической направленности действенной философии говорилось в 1-й главе. Очевидно, что смысл этого антидогматизма Боббио как главной составляющей действенной философии — в том, чтобы «возвратить философии ее социальную функцию ... в демократическом обществе»²⁸. Задача Н.Боббио — опровержение «старой концепции философии как мертвого знания, делающего из философа жреца, интерпретатора абсолютной истины, по отношению к которой он является только хранителем»²⁹. Интеллектуал-пророк абсолютной истины, жрец неизменных догм, — нет ничего более далекого от идеала человека культуры в понимании Боббио!

Но также и марксисты настаивали на антидогматизме своей философии; а поскольку диалог является принципиальным требованием и даже формой существования действительной философии Н.Боббио, — то нет ничего удивительного в том, что именно с ними он впервые вступил в дискуссию, и именно этот достаточно долгий диалог оказался в конечном счете весьма плодотворным³⁰.

¹ Противоположная линии Канта-Локка — это, по Боббио, линия Руссо-Гегеля. Делла Вольпе определяет ее как направление Руссо-Маркса-Ленина: это последовательность учений о свободе как равенстве в *государстве*. По мнению ученика Делла Вольпе Л. Коллетти, заслуга Руссо как предшественника Маркса и Ленина состоит в критике принципа представительства и в теории народного суверенитета.

² И. Берлин в 1958 назовет эту свободу «негативной», а его важнейшая работа «Две концепции свободы» выйдет только в 1969 году.

³ Главный тезис Родерико Ди Кастилья *alias* П.Тольятти в отношении либерализма таков: «Если коммунизм и либерализм несовместимы, то из этого не следует, что несовместимы коммунизм и идея свободы» (*Bobbio N. Politica e cultura*. Torino, 1955. P. 271). В отношении свободы позиция главы ИКП выражается Н.Боббио так: «Настоящая свобода состоит не в абстрактной возможности действовать, но в конкретной власти. Свободен не тот, кто имеет абстрактное право действовать без возможности использовать его, но кто помимо права имеет также и власть. Лучше сказать: первый свободен формально, а второй — субстанциально» (*Ibid.* P.273).

⁴ *Bobbio N. Politica e cultura*. P. 276–277.

⁵ *Bobbio N. Politica e cultura*. P. 278.

⁶ *Ibid.* P. 99.

⁷ Если итальянские коммунисты, полагая партийность конституирующим фактором интеллектуальной деятельности (ведь марксистское учение, считали они, есть истина, а интеллект и должен быть там, где истина), *призывали* интеллектуалов (главным образом левых) вступать в партию, дабы те обрели подобающий им партийный статус, то советские интеллигенты обязаны быть партийными изначально: партийность носила официальный характер, не предполагая каких-либо споров.

⁸ *Bobbio N. Politica e cultura*. P. 38.

⁹ *Bianchi Bandinelli R. Dal diario di un borghese e altri saggi*. Roma, 1976. P. 224–230.

¹⁰ *Bobbio N. Politica e cultura*. P. 86.

¹¹ *Bobbio N. Politica e cultura*. P. 87.

¹² С послевоенного времени итальянские интеллектуалы были захвачены научно-культурными процессами, происходящими в СССР: имена Зощенко, Ахматовой, Марра, а также Лысенко, Жданова, не говоря уже о Сталине, появлялись в итальянской интеллектуальной прессе ненамного реже, чем в советской. Сталинские статьи о языкознании появлялись почти сразу после их публикации в СССР и вызвали большие споры и нападки на ИКП. Среди огромного количества итальянских публикаций о Сталине, сталинской культуре и влиянии сталинизма в интеллектуальной среде Италии, хочется отметить книгу Дельи Инноченти «Миф Сталина» (*Degl'Innocenti M. Il mito di Stalin. Comunisti e socialisti nell'Italia del dopoguerra*. Roma-Bari, 2005).

¹³ *Bobbio N. Politica e cultura*. P. 52.

¹⁴ *Bobbio N. Politica e cultura*. P. 95.

¹⁵ *Ibid.* P. 35.

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ Н.Боббио употребляет слово *imparzialità*, означающее и «непричастность» (вспомним убеждение философа, что интеллектуал не должен быть «человеком части», то есть партии *участвовать* в партии), и «беспристрастность». Именно это понятие он противопоставляет «нейтральности», связывая непричастность к определенной партии также и с требованиями интеллектуальной дисциплины, толерантности и антидогматизма. Себя Боббио называет иногда «не-политиком», оговариваясь при этом, что «неполитик не означает аполитик, тем более политикофоб: мнимый аполитик и похваляющийся политикофоб на деле всегда реакционный» (*Bobbio N. Интеллектуалы и власть // Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX век. С. 555.*).

¹⁸ Ibid. P. 34.

¹⁹ Ibid. P. 35–36.

²⁰ *Bobbio N. Politica e cultura.* P. 36.

²¹ Термин «политика культуры» Н. Боббио употребляет вслед за основателем Европейского общества культуры итальянским философом-антифашистом Умберто Кампаньоло. Немаловажно, что члены этого Общества называли друг друга «людьми культуры»!

²² *Bobbio N. Politica e cultura.* P. 37.

²³ Ibid. P. 36.

²⁴ Ibid. P. 49.

²⁵ В данном случае прилагательное *militante* имеет именно такой оттенок значения.

²⁶ *Bobbio N. Politica e cultura.* P.196. Этому различению Н. Боббио посвящает отдельный очерк о культуре Италии — «Культура старая и культура новая» — в «Политике и культуре».

²⁷ Ibid. P. 205.

²⁸ *Bobbio N. Politica e cultura.* P. 206.

²⁹ Ibid. P. 207.

³⁰ Вплоть до того, что некоторые исследователи западного марксизма причисляли к марксистам и самого Боббио: см. напр.: *Готфрид П.* Странная смерть марксизма. М., 2009. С. 94.

Никандров А.В.

Норберто Боббио, сеятель сомнений Интеллектуальная биография

I

Норберто Боббио родился 18 октября 1909 в Турине, в зажиточной семье известного хирурга. Для Италии XX век начинается относительно спокойно: 1900–1914 годы именуется «эрой Джолитти»¹ — это «эпоха осуществления либеральных реформ, эпоха процветания итальянского государства ... «золотой век» итальянского либерализма, на который ориентировалось последующее поколение либералов, жившее в условиях фашистской диктатуры»². Если детство Боббио было безоблачным, то период взросления совпал с началом изменения политического климата в стране — послевоенный революционный подъем рабочего движения, резкая политизация общества, затем приход к власти фашизма, формирование оппозиционных антифашистских групп и антифашистской идеологии, — в Турине все это чувствовалось особенно остро³. Это было время «туринских журналов», время Грамши и Гобетти.

После Первой мировой войны Турин становится центром интеллектуальной жизни Италии, перенимая эту эстафету у Флоренции, — но туринская интеллектуальная деятельность имеет уже явную политическую направленность. Турин — важнейший индустриальный центр Италии, где рабочий класс под руководством Итальянской Социалистической партии (ИСП, основана в 1892) борется за свои права⁴. Историк, коммунист Паоло Сприано (1925–1988) рассказывает о «легендарном и историческом Турине» «итальянском Петербурге», в котором «молодой революционер-марксист и еще моложе революционный либерал мыслят и действуют, — пролетарский и индустриальный город, где рабочий класс хочет построить новый порядок»⁵. Двое молодых людей, о которых пишет Сприано, — Грамши и Гобетти,

— на тот момент самые яркие революционные мыслители Турина. Их теоретические размышления и выступления на страницах журналов, и начавшаяся активная антифашистская деятельность, — все это притягивало внимание интеллектуальных групп Турина, и в особенности молодежи. Они олицетворяли разные по идеологической направленности революционные течения, но «общим у этих инициатив было то, что они ставили своей целью создание союза интеллектуалов для борьбы против фашизма в этической и культурной плоскости»⁶.

Антонио Грамши (1891–1937), учившийся в Туринском университете и оставивший его, чтобы предаться полностью революционной деятельности (в рядах ИСП с 1913, покинул университет — филологический факультет — в 1915), был одним из основателей знаменитого туринского журнала «Новый порядок» (*L'Ordine Nuovo*), совместно с Пальмиро Тольятти⁷. В 1921 они — инициаторы основания Коммунистической партии Италии (КПИ, с 1943 — год роспуска Третьего Интернационала — ИКП), представляющей собой ле-вое крыло ИСП, отколовшееся и выделившееся в новую партию.

Пьеро Гобетти (1901–1926) прожил короткую, но яркую жизнь. Литературный и театральный критик, революционный мыслитель, неортодоксальный либерал, — взгляды его были достаточно оригинальны. Идеи Антонио Грамши и непосредственное общение с ним в рамках сотрудничества с «Новым порядком» — все это повлияло на Гобетти. Он соединил либеральные идеи с общей революционной направленностью своего времени в едином лозунге «либеральной революции». Так называется еженедельник, который он издает с 1922, так же называется и его книга 1924 года⁸.

Либерализм как стремление к свободе революционен сам по себе⁹. Рабочее движение выливается в рабочую же революцию для выполнения исторической миссии пролетариата. Эта миссия состоит не в завоевании средств производства посредством свержения буржуазии, а в достижении равноправного партнерства с капиталистами: «Соуправление капиталистическим производством рабочим классом — это высшее достижение развития капитализма. Это в то же время торжество демократии»¹⁰. Такова «рабочая политика» нового либерализма Гобетти — возглавить и осуществить либеральную революцию — понятно, что сама буржуазия этого не сделает (скорее уж она склонна к предательству либеральных идеалов, чтобы сохранить свою власть).

Будущая элита — совместная пролетарская и буржуазная либеральная аристократия. «По сути дела «либеральная революция» Гобетти — это программа интегрирования рабочего движения в процесс функционирования капиталистической системы»¹¹. В построениях Гобетти ощущается влияние социолога антидемократических взглядов Гаэтано Моски (1858–1941), университетского преподавателя Гобетти¹², с его концепцией элиты («правящего класса»), преобразованной Гобетти в демократическом ключе под влиянием социалистических и коммунистических идей. Совместно с Джованни Амедолой¹³ Гобетти вводит понятие тоталитаризма, критикуя Муссолини и фашистское государство с его однопартийной системой. Заметим, что этот термин тем не менее понравился самому Муссолини и его идеологу Джен- тиле.

Судьба Пьеро Гобетти трагична: постоянные избиения фашистами (сохранилось даже письмо Муссолини префекту Турина с приказом сделать жизнь Гобетти невыносимой) подорвали его здоровье. В 1926 он эмигрировал во Францию, где сразу по приезду и умер. Вообще, 1926 год — черный год для итальянского антифашизма: правительством Муссолини были приняты законы, делегализующие антифашист-

скую деятельность в Италии, что вылилось в массовые аресты борцов с режимом. Среди арестованных — и Антонио Грамши. В 1928 его приговаривают к 20 годам, 4 месяцам и 5 дням тюрьмы. «Мы должны на двадцать лет лишить этот мозг возможность работать», — сказал в своей обвинительной речи прокурор¹⁴. Тюрьма подорвала здоровье Грамши: в 1937 он умер, получив лишь за два дня до смерти документ об окончательном освобождении (с 1934 он находился в клинике, будучи условно освобожден). Заметим, что в том же 1937 во Франции по заданию фашистских спецслужб были убиты братья Карло и Нелло Росселли — лидеры антифашистской организации «Справедливость и свобода».

С идеями Пьеро Гобетти юный Норберто Боббио знакомится в лицее Массимо Д'Адзелио, где учится по 1927 год. Лицейская пора Боббио — это время знакомства и общения как с людьми, чьи имена значимы в итальянской культуре, так и с теми, кто внесет в нее весомый вклад в дальнейшем (среди них — имена Чезаре Павезе, Джулио Эйнаути, Леоне Гинзбурга, Массимо Мила, Витторио Фoa). В.Фoa — будущий видный политик; как и сам Боббио, участник «Справедливости и свободы» (в которой станет одной из самых заметных фигур), проживет долгую и насыщенную политическую жизнь. Леоне Гинзбург¹⁵ был для молодого Норберто Боббио первым примером для подражания, человеком, «показавшим маршрут», более «продвинутым» и смелым товарищем, антифашистом, объяснявшим, как следует себя вести и что нужно делать интеллектуалу. Преданный поклонник Кроче, именно он познакомил Боббио с его идеями и творчеством. Совместно с Гинзбургом и Джулио Эйнаути¹⁶ в 1933 Боббио участвует в основании знаменитого в будущем издательства левой интеллигенции «Эйнауди».

Практически все студенты и многие преподаватели лицея и университета¹⁷ читали статьи и работы Грамши и Гобетти: можно сказать, что в интеллектуальной среде Турина царствовал антифашизм. П.Гобетти полагал, что фашизм вскрыл недостатки либерального строя: деятельность Джолитти он оценивал не как наилучшее воплощение либерализма (так считал Кроче), а как приспособленчество, пусть и гениальное, к реальным политическим условиям. Тоталитарное фашистское государство, думал он, будет уничтожено в результате политической борьбы рабочего класса: «Именно от Грамши, — пишет итальянский историк философии Эудженио Гарин, — у Гобетти уверенность, что, когда фашизм падет, «рабочие авангарды и непримиримая элита во имя Маркса погребут его вместе с его иллюзиями»¹⁸. В этом же ключе мыслили и туринские интеллектуалы. В 1928 Норберто Боббио знакомится с Аугусто Монти, который приобщал молодых людей к творчеству Гобетти, возглавляя целую группу «гобеттианцев», встречавшихся и обсуждавших политические события. Энрико Лан-франки, исследователь «действенной философии» Н.Боббио, называет А.Монти «отцом-основателем гобеттизма»¹⁹, отмечая глубокое уважение Боббио к Монти. Отметим, что наследие Гобетти будет составлять основу политического мировоззрения Партии действия²⁰.

Политические споры, обсуждение книг и статей, — все это сопутствует молодым интеллектуалам-антифашистам, пробуждая интерес к политике. Принцип равнодушия к политическим событиям, к политической борьбе впоследствии станет у Н.Боббио одним из пунктов этической программы интеллектуалов, принципом их поведения в политике. Боббио проникается левыми идеями, симпатией к левым движениям, и принимает левую позицию как, во-первых, отрицающую тоталитаризм в политической сфере, когда свобода подавлена или уничтожена, и в сфере идеологии (догматизм, политическое сектантство, которые могут вылиться в фанатизм); и как, во-вторых, позицию, принимающую принцип важности изменений,

принцип развития общества, — то есть позицию антиконформистскую, антиконсервативную.

С 1928 по 1931 Н.Боббио учится в Туринском университете, на юридическом факультете, который оканчивает, защитив диплом по теме «Фило-софия и наука права». В философской и политической мысли довоенного времени (и особенно в университетской среде) царил идеализм Бенедетто Кроче (1866–1952) и Джованни Джентиле (1875–1944). Влияния этих философов-неогегельянцев не избежал и Норберто Боббио.

Д.Джентиле скомпрометировал себя сотрудничеством с фашизмом: его актуализм, по общему признанию исследователей, скорее способствовал такому сближению, нежели препятствовал. Став официальным философом нового режима и министром просвещения в фашистском правительстве, он разработал теорию, согласно которой свобода находит свое полное воплощение только в государстве (по его терминологии, в «этическом государстве»). Либеральное государство он отождествлял с фашистским. Стоит ли говорить о реакции на столь этатистское понимание свободы и либерализма со стороны молодого Боббио, впитавшего идеи Гобетти и Кроче? Имя Джентиле померкло для Боббио, как и для многих других интеллектуалов. Сам Боббио говорил, что влияние философии Джентиле закончилось для него к 1931 году, то есть ко времени завершения учебы в университете.

Роль и значение Бенедетто Кроче в итальянской философии и культуре огромна. С.Пульезе пишет: «Как вспоминал Норберто Боббио — член «Справедливости и свободы», а позднее Партии действия, — Кроче «концентрировал в себе целую эпоху», для молодых мыслителей вроде Гобетти, Леоне Гинзбурга или самого Боббио он был «духовным наставником», указавшим «прямой путь к антифашизму»²¹. А сам Норберто Боббио, вспоминая о до-университетских годах, пишет: «Авторитет Кроче был непрекращаем: вооруженные его идеями, мы чувствовали свое превосходство над нашими же преподавателями, которые не принимали или же гневно отвергали их. Кроче был голосом времени: принадлежать к крочеанцам означало быть в потоке истории. Эта принадлежность давала уверенность, вселяла веру, открывала новые горизонты поиска, позволяла принять четкую позицию против культуры академической и схоластической, освобождала от цепей традиции и предрассудков»²². О влиянии Кроче в университетской среде он будет писать в воспоминаниях: «Принадлежу я к поколению, которое было, по крайней мере в Туринском университете, по натуре крочеанским. Мы считали себя крочеанцами (именно крочеанцами, а не идеалистами) с такой же серьезностью и наивностью, с какой поколение наших отцов считало себя позитивистами»²³.

Крупнейший представитель итальянского либерализма XX века, авторитетнейший антифашист, «король философии», по выражению Н.Аббаньяно, — именно Кроче был одним из тех трех мыслителей, которые в наибольшей степени способствовали распространению марксизма в Италии (помимо Сореля и Бернштейна)²⁴. Его изучение Маркса вылилось в фундаментальный труд «Исторический материализм и марксистская экономика» (1900)²⁵. Впрочем, его увлечение марксизмом было недолгим²⁶, хотя нельзя не вспомнить признание Кроче в том, что именно Маркс привил ему вкус к диалектике Гегеля.

Свою «философию свободы» Кроче разрабатывает во 2-й половине 20-х годов. Эта чисто идеалистическая концепция, весьма далекая от практики, лежит в основании его либеральных взглядов, его видения политики, — и здесь скрыто противоречие. Николо Аббаньяно пишет, что у Кроче «свобода, которую являет история посредством беспрерывного творения новых форм, — это атрибут не индивидов, а

лишь Тотальности истории и универсального Духа, который в ней действует. Эта свобода не может быть поправа или уничтожена; когда она на первый взгляд исчезает, то возрождается более сильной из пепла»²⁷. Идеал свободы не может быть связан только лишь с либерализмом как теорией, а сам либерализм (пусть даже и как всегда неполная концепция свободы) не должен сопоставляться с социализмом и демократией. Хотя и взгляды эти в дальнейшем претерпели некоторую трансформацию, концепции типа либерального социализма Кроче отвергал, как и вообще оправданность любых прилагательных при слове «либерализм». Кроче не желал присоединиться ни к какой партии, пусть даже и либеральной, — и наверное, лучше бы последовал этой своей интенции, когда в 1943–1947 возглавлял Итальянскую Либеральную партию, которая не смогла даже выработать более-менее адекватной программы и деятельность которой в послевоенной по-литической жизни была незаметна: идеалистический историцизм не дает каких-либо плодов в политике. В предвоенные и военные годы влияние марксизма в итальянских интеллектуальных кругах не было значительным. Теории, соединяющие либерализм с социализмом, были далеки от марксизма, и не в последнюю очередь это объясняется влиянием историцизма и философии свободы Кроче. Только после войны, с возросшим влиянием компартии и публикацией трудов Грамши, марксизм войдет в культурно-интеллектуальный универсум итальянской мысли, полностью отеснив идеалистическую систему Кроче.

Итак, в годы студенчества влияние Кроче на Боббио было весьма велико²⁸. Что же касается философии права, то университетским преподавателем этого предмета и учителем Боббио в этой сфере был Джозе Солари (1872–1952). Влиятельный мыслитель в области философии права, он «разрабатывал теорию «социального идеализма», так же отталкивающуюся от идей Гегеля, но более прогрессивную, чем доктрина Кроче, по политической направленности»²⁹. Солари занимался, в частности, проблемами отношения индивида и общества, был серьезным исследователем частного права.

В 1932 Н.Боббио стажировался в Германии, в Гейдельберге и затем в Марбурге, вместе с другими учениками Солари. В Гейдельберге он слушает лекции Густава Радбруха³⁰, а в Марбурге знакомится с идеями К.Ясперса (и с ним лично), с интересом изучает экзистенциалистские концепции. Однако в центре его внимания — феноменология — концепция Гуссерля и взгляды Шелера (смещающегося к персонализму).

В 1933 Н.Боббио защищает второй диплом — по философии. Его научный руководитель — Аннибале Пасторе, известный своей панлогической системой. Тема исследования Боббио — феноменология Гуссерля. С 1934 Н.Боббио — свободный доцент с правом преподавания философии права. Он начинает свой долгий путь преподавательской деятельности: сначала — философии права, и потом — философии политики, как бы в соответствии с последовательностью защиты дипломов. С 1935 и на протяжении почти 40 лет он преподает философию права в университетах Камерино (1935–1938), Сиены (1938–1940), Падуи (1940–1948). В 1948 он оставляет заведование кафедрой философии права в Падуанском университете и принимает руководство кафедрой философии права в родном Туринском университете, которую с 1917 возглавлял Дж.Солари³¹. Эту кафедру он будет возглавлять до 1972, а с 1972 возглавит кафедру философии политики; политическую науку он будет преподавать с 1962 года. Н.Боббио будет одним из основателей факультета политических наук в Туринском университете, и даже президентом этого факультета.

Первая монография Норберто Боббио вышла в 1934 в Турине — это было исследование «Феноменологическое направление в социальной и юридической философии»³². В том же году и городе издается его «Наука и техника права»³³. Эти книги по философии права открывают творчеству философа дорогу к его изысканиям в области права и политики. Что касается права, то его разработки будут посвящены проблемам определения философии права как науки, технико-формальным аспектам юридической нормы; вопросам языка права, способам выражения правовой реальности в языке. Соответственно благодаря феноменологии он приблизится к неорационалистическому направлению в философии и к неоэмпиризму, а благодаря знакомству с англосаксонской аналитической традицией Боббио положит основание зарождению итальянской аналитической школы в философии права.

Необходимо сделать одну важную оговорку об отношении Н.Боббио к философии, о его взглядах на собственно философские исследования и концепции. Это позволит понять логику развития его мысли как в сфере философии права, так и в области философии политики.

Исследователи творчества Боббио часто называют его философом без добавления «права» или «политики», говорят о «философии Норберто Боб-био». В статье, так и озаглавленной — «Философия Норберто Боббио», В.П.Любин пишет: «Норберто Боббио — одна из ярких звезд итальянской и европейской философии XXв. Он не создавал оригинальных философских теорий и «видений мира», но все то, к чему он прикасался в своем творчестве, получало новый блеск и великолепно соотносилось с тем, с чем столкнулась мировая философия XXв. Трудно хотя бы пунктирно перечислить те поля исследования, к которым итальянский мыслитель «приложил руку» и которые «заиграли» в его интерпретации по-новому. Глубоко переосмысленные идеи главных творцов европейского Просвещения приобрели актуальность в условиях бурной, духовно напряженной политической жизни Италии и всей Европы второй половины XXв., на которую пришелся рассвет творчества Боб-био»³⁴.

В 1982 в интервью, помещенном в сборник современной итальянской философии «Что делают сегодня философы?» Н.Боббио говорит, что никогда не считал себя философом в традиционном понимании слова, даже если и преподавал в течение долгих лет два философских предмета — философию права и философию политики. «И тот и другой предметы, как я их понимаю, — говорит Боббио, — имеют мало общего с Философией с большой буквы. Более того: часто я посвящал вводные лекции к моим курсам тому, чтобы объяснить студентам, что эти курсы, даже при том, что названы «философия права» и «философия политики», не разработаны мной как собственно философские»³⁵. Н.Боббио пытался научно обосновать философию права и научно разрабатывать философию политики — в том смысле научного знания, которое именуют частичным, в отличие от философского познания, которое ставит глобальные вопросы и претендует на глобальное знание о мире, тогда как «любой глобальный ответ возможен только если реальность редуцируется к какой-либо высшей категории. Идеализм сводит всю реальность к идее, материализм сводит реальность к материи, спиритуализм — к духу. Что делает историцизм? Да сводит реальность к истории!»³⁶.

С этой точки зрения становится понятным критическое отношение Боббио к философским идеям и течениям: «Критический подход по отношению ко всем предыдущим теориям и идеологиям, по мнению Боббио, является единственным плодотворным подходом в научном исследовании», — пишет В.П.Любин³⁷. Однако не в малой степени этот «критический дух» Боббио инспирирован Б.Кроче с его посто-

янной борьбой с различными видами «метафизики» и непрерывной полемикой против последней и окончательной истины (правда, свою систему Кроче ни метафизической, ни идеалистической не считал). Когда в «Политике и культуре» (1955) Боббио будет ставить вопрос, «что живо и что умерло у Кроче», какие идеи отбросить, а какие оставить, — это вовсе не проявление какой-то непочтительности к великому мыслителю и не «выборочное» отношение к философским системам (марксизм Боббио подвергнет такому же критическому рассмотрению), а методологический рационализм в духе столь любимого Боббио Просвещения, научно-критический подход к философии, — то, что в рамках его «действенной философии» (*filosofia militante*), представленной в той же «Политике и культуре», будет названо «критическим духом» (*spirito critico*), — антидогматизм, постулирование историчности истины и неприятие всяческих интеллектуальных «кристаллизаций». Анализируя крочеанскую систему, Боббио апеллирует к крочеанскому же методу философского анализа. Кроче ставил вопрос, «что живо и что умерло у Маркса», и решал его в рамках создаваемого им же историцизма. Однако «в отличие от Джентиле, который с предвзятостью и даже некоторой враждебностью относился к марксизму, Кроче был более сдержанным и осмотрительным. В своих статьях он ставил цель — «высвободить здоровое и реалистическое ядро мышления Маркса от метафизических и литературных причуд автора и неосторожных толкований и выводов шко-ль»³⁸. В «Портретах и свидетельствах» Боббио посвящает Кроче главу, где с теплотой, но не без критики пишет о нем, называя Кроче Философом с большой буквы, мыслителем, достойным почтения и даже восхищения³⁹.

Итак, если историцизм Кроче с его антипозитивистской направленностью был неизбежным интеллектуальным фоном становления Н.Боббио, либерализм в классической континентальной интерпретации, соединенный с социализмом в его немарксистской трактовке — политической платформой, а антифашизм — гражданской позицией молодого ученого; то начавшееся становление Боббио как философа требовало осмысления теоретического наследия и новых направлений философской мысли.

Норберто Боббио не будет принадлежать к какой-либо одной, определенной традиции в области философских и правовых исследований — его научная «беспартийность» станет такой же четко выработанной и позиционируемой позицией, как и беспартийность политическая после участия в Партии действия. Это нежелание быть «человеком части» (*uomo di parte*), но стремление к независимости⁴⁰ формируется начиная со 2-й пол. 30-х годов в процессе освоения критического подхода в философии по мере знакомства и изучения неопозитивизма, экзистенциализма, феноменологии и, наконец, персонализма⁴¹. Такая последовательность освоения ученым различных систем мысли (в соответствии с историческим развитием философии XX века) позволит ему вернуться к рассмотрению идеалистической системы Кроче уже с критических позиций.

Изучение немецкой феноменологии дает ученому возможность занять критическую позицию как в отношении юридического позитивизма, выступавшего против «метаюридических» принципов и идей, вносимых в науку о праве различными теориями и доктринами (в особенности доктриной естественного права), так и в отношении идеализма в области философии права, поставив под сомнение редукционистские идеи Кроче и Джентиле (первый сводил право к экономике, а второй — к этике). Ясно, что построение философии права как науки невозможно при этих подходах, а опровержение отрицания автономии права — это важный шаг к постановке вопроса о философии права именно как о науке. Ценность феноменологии для

философии права и политики заключалась в том, что она занималась проблемами отношения индивида и общества, права и государства, поднимала проблему ценностей. М.Шелер с его персоналистской антропологией заинтересовал Боббио прежде всего своим учением о примате ценностей над долженствовани-ем. Изучение феноменологического подхода способствовало критическому осмыслению кро-чанского гипостазирования ценностей, критике юридическо-го позитивизма и натурализма; дало ученому возможность поставить воп-рос о научности философии права как такой отрасли правового знания, кото-рая сопоставляет социальные факты и научные ценности, действуя в собст-венном эмпирическом поле, пользуясь соб-ственной методологией и своим концептуальным аппаратом; утверждая, наконец, неразрывную связь науч-ной методологии и юридической техники. Выработке тако-го подхода способ-ствовала, в частности, методичность и упорядоченность теорети-ческих по-строений Гуссерля. Немало для Боббио дало и знакомство с философией пра-ва Г.Радбруха — особенно в плане критического осмысления ценностной ин-терпретации права.

После феноменологии научный интерес Н.Боббио обращается к философии пер-сонализма. Освоение этих двух философских направлений позволит молодому уче-ному критически подойти к анализу экзистенциализма как к философии «иррацио-нальной и морализаторской». В политической же и правовой сферах молодой мыслитель получит возможность совместить гражданскую позицию интеллектуала, озабоченного политическими проблемами, и ученого, — и таким образом подойти к пониманию роли интеллектуала в отношениях философии и политики, и — шире — культуры и политики.

Таков, в общих чертах, «теоретический путь» начинающего ученого на момент до занятий политической деятельностью — путь, освещенный идеями либерализ-ма: от крочанской идеи свободы и идеи либеральной революции Гобетти к персо-нализму, объявившему личность высшей духовной цен-ностью (можно сказать, от свободы истории к свободе личности). С таким интеллектуальным багажом и уже выработанными на этой основе политичес-кими интенциями Боббио со 2-й пол. 30-х гг. станет непосредственным уча-стником политической борьбы против фашизма. Концепты либерализма и со-циализма, помимо их «обогащения и обработки» в сфе-рах философии права и теории политики, пройдут также «закалку» в политическом действии.

II

Начало 30-х годов — тяжелое время для Италии. Фашизм усиливается как органи-зационно, так и идеологически: «К этому времени окончательно оформилась фа-шистская идеология, выявилась экспансионистская сущность фашизма. В сравне-нии с предыдущим периодом возросла концентрация государственной власти, ее контроль над экономикой и социальными отношениями, увеличилась и роль фа-шистской партии в жизни общества»⁴². Но ширится и сопротивление фашизму.

Во 2-й пол. 30-х гг. в Турине на базе либерал-социалистических круж-ков возни-кают ячейки созданного в эмиграции антифашистского движения «Справедливость и свобода»: «Туринская группа «Справедливости и свобо-ды» была самой много-численной, активной и изобретательной среди ячеек движения в Италии»⁴³. Н.Боббио симпатизирует этому движению, среди участников которого — его дру-зья-антифашисты, объединенные идеями Го-бетти. «Туринское отделение больше-других участвовало в культурных ба-талиях, происходивших внутри Италии»⁴⁴ —

и со своими товарищами Боббио участвует в создании журнала «Культура» издательством «Эйнауди». Фа-шистское правительство препятствовало любым идеологическим инициативам, чья критика была направлена против него. Историк Нелло Айелло пишет: «С 1934 по 1935 в Турине арестовывались многие интеллектуалы, руко-водящие издательским домом «Эйнауди», который поэтому был временно закрыт. Серия арестов открылась с Леоне Гинзбурга, за ним последовали и другие: Джулио Эйнауди и Франко Антоничелли, Норберто Боббио и Массимо Мила, Чезаре Павезе и Витторио Фоа, Карло Леви и Людовико Джеймонат, Микеле Джуа и Аугусто Монти»⁴⁵, который был, несомненно, душой этой компании с давних пор.

В 1935 в результате полицейской операции, инспирированной Муссолини, туринское отделение «Справедливости и свободы» практически обезглавлено. Краткосрочному аресту подвергся и сам Боббио, но его семья, близкая к проправительственным кругам, добивается его освобождения. Боббио оставляет Турин и переезжает преподавать философию права в университет Камерино.

Движение «Справедливость и свобода» (*Giustizia e libertà*, по первым буквам названия его участников называли джеллистами) было создано братьями Карло и Нелло Росселли в 1929 в эмиграции в Париже. «Справедливость и свобода» была задумана основателями именно как движение (а не партия), причем движение переходного типа, создаваемое вне рамок существующих партий, которое, возможно, в будущем может сформировать и партию (так и произошло: Партия действия была создана на базе этого движения в 1942) или же в рамках которого действующие партии могли бы выступать против фашизма более сплоченно (этого не произошло).

Главная идея движения, таким образом, — антифашизм; а поскольку фа-шизм был антилиберальным и антисоциалистическим (о демократии, конечно, и речи идти не могло), то антифашизм, по мнению Росселли, должен стать одновременно и либеральным и социалистическим. Итак, либеральный социализм был идейной платформой джеллистов. Еще в 1923 К.Росселли публикует статью «Социалистический либерализм», впечатлившую Гобетти, где высказывает свои «еретические» взгляды на социализм, а его знаменитая книга «Либеральный социализм» выходит в свет во Франции в 1930⁴⁶. В одном из своих интервью 1989 года (год 80-летия) Боббио скажет: «Один из руководителей антифашистского движения, находившийся в эмиграции в Париже Карло Росселли стал основателем движения «Справедливость и свобода» и написал в 1930г. книгу под названием «Либеральный социализм», содержащую существенную критику марксистской традиции в левом движении в Италии. <...> Одна из новых партий в итальянском Сопротивлении — Партия действия обратилась к этим идеям Росселли. Для нас — «Либеральный социализм» был в определенной мере «красной книжкой»»⁴⁷.

Фашистский режим ненавидел движение и самих братьев Росселли: расправившись с ними физически в 1937, фашизм всеми силами препятствовал деятельности созданной ими организации. Фашистское правительство боялось смелых акций джеллистов (и затем акционистов — членов Партии действия — *Partito d'azione*), но не в меньшей степени оно боялось их идей, их беспощадной критики режима.

С.Пульезе утверждает, что «Росселли был для итальянского антифашизма тем же, чем Бенедетто Кроче для итальянской философии. <...> Благодаря Росселли итальянский либерализм и социализм стали ближе к соответствующим европейским традициям...»⁴⁸. Либерализм, по мнению Росселли, не является некоей раз и навсегда постулированной теорией: напротив, как теория он должен постоянно развиваться, следуя ходу истории, в которой меняется и развивается само содержание политических концептов, таких как «пролетариат», «класс», «свобода», и даже «капитализм»,

«социализм» и т.д. Да и сам в себе либерализм имеет дистинкции, разграничения: Росселли различает политический и экономический либерализм, либерализм и либеризм, либерализм как метод и либерализм как систему, либерализм как идеологию и либерализм как цель. Понятно, что дофашистский либерализм стал рассматриваться буржуазией как идеал, к которому нужно вернуться, как средство защиты своего положения, — и либерализм, исповедуемый буржуазией, закоснел, превратился в теоретическую конструкцию, названную «классическим либерализмом» (который, полагаемый как цель, абсурден: ибо тогда отрицается идея развития, а по Росселли, нет никаких неизблемых теорий и политических концепций). Но не в меньшей степени закоснел, говорит Росселли, и социализм, — и с начала 20-х гг. он резко критикует итальянских социалистов, обвиняя их в «интеллектуальном параличе».

Ошибка коммунистов и отчасти социалистов — в догматическом построении собственных теорий на основе давно устаревшего марксизма, в слепом следовании догмам Маркса, — полагает Росселли, — так, что партии превращаются в подобие церквей с каноническими текстами, пророками, схоластами и своими мучениками. К.Росселли предлагал разъединить социализм и марксизм, «очистить социализм от марксизма», так как считал, что марксизм является пройденным этапом в социалистическом движении, и социализм, освободившись от столь «тяжеловесной» теоретической конструкции, станет свободным и действенным. Ясно, что Росселли был объявлен еретиком, а его главная книга вызвала шквал критики как со стороны социалистов и коммунистов (особенно главы КПИ П.Тольятти), так и со стороны либералов. Кроче объявил либеральный социализм «абсурдной комбинацией», полагая, что подобный синтез невозможен⁴⁹.

Книга Росселли, таким образом, вызвала бурную реакцию в интеллектуальных антифашистских кругах, затмив на какое-то время даже выступления и идеи Кроче. Не сразу, но в дальнейшем некоторые идеи К.Росселли оказали сильное влияние на Боббио, — это сама идея либерального социализма и, не в малой степени, критика Росселли (вслед за Гобетти) «диктатуры Сталина».

Критика марксизма — это первая составляющая часть работы Росселли. Главная же идея Росселли — распространение либеральных свобод (всех свобод, в том числе и экономической) на массы; а в распространении политических свобод и социальной справедливости на рабочий класс и крестьянство при помощи либерального метода и есть смысл социализма. «Социализм, взятый в самом существенном его значении, определяемый в со-ответствие с результатами — имеется в виду движение за конкретное укрепление пролетариата — это либерализм в действии, это свобода, уста-навливаемая для бедных людей»⁵⁰, — писал Росселли. Если социализм, — рас-суждает он, — есть логико-историческое следствие либерализма, тогда в качестве второго следствия неизбежна и демократия — как инструмент реали-зации и сохранения либеральных свобод. Но таким образом в предполагае-мом (постфашистском) обществе, построенном на этой теоретической базе, теряет всякий смысл понятие классовой борьбы, снимается угроза как марксистского «классового апокалипсиса», так и диктатуры (то есть социализма без демократии⁵¹), ибо социализм предположен изначально либеральным, а его либеральность гарантирована демократическими методами; метод же пе-рехода к такому социализму — демократическая революция. Е.П.Наумова по этому поводу пишет: «С точки зрения Росселли, предстоящая революция должна стать революцией демократической, в которой рабочий класс должен играть первостепенную роль. Следует подчеркнуть, что в концепции Россел-ли рабочее движение занимает одно из цен-

тральных мест. Выступая против диктатуры пролетариата, он признавал за пролетариатом ведущую роль в ан-тифашистской борьбе, в борьбе за «новую европейскую демократию», «со-циалистическую по своему характеру» и «либеральную по духу»⁵². Многие положения теории Росселли вошли в программу «Справедливость и свобода», да и само название движения выбрано не случайно: справедливость — цель социализма, а свобода — то, чем гордится либерализм. Задуманная как вне-партийное движение, «Справедливость и свобода» принимала в свои ряды людей разных политических ориентаций и идейных воззрений (ведь либерализм Росселли не приемлет догматизма и фундаментализма), и таким образом эта организация «завоевала симпатии итальянской демократической интеллигенции, мелкой буржуазии, превращаясь в организованное антифашистское движение»⁵³. Программа движения была принята в 1932. Ее главная цель — ликвидация фашистских корпораций и затем монархии: «Ита-лия должна стать социалистической республикой, основанной на демократии»⁵⁴.

Движение джеллистов не вылилось в движение массовое, «Справедли-вость и свободу» изначально называли «партией интеллектуалов» (это обозначение перейдет и на Партию действия): «В реальности «Справедливость и свобода» была прибежищем для независимых левых интеллектуалов. Ее идеологическая разнородность, стимулировавшая ряд важнейших дискуссий внутри антифашистского лагеря, в итоге обернулась политической слабо-стью»⁵⁵. Слабость эта заключалась в несогласованности идей и действий: практические задачи не связывались с программными установками; акции джеллистов, в том числе и осуществленные партизанскими отрядами, дей-ствующими под эгидой организации, не имели идеологического сопровож-дения. Многие недостатки были объективны: руководство из-за границы, разрозненность групп джеллистов и т.д. Другие недостатки — отсутствие четкого руководства, иерархии и дисциплины, координации групп внутри движения, были как бы заложены в самой его сути и структуре, и предпола-гались быть пре-одоленными с возникновением партии на базе движения. В 1942 движение «Спра-ведливость и свобода» вылилось в Партию действия, которая была основана на его базе⁵⁶.

Норберто Боббио после отъезда из Турина не теряет связи с антифашистскими группами города, да и сам не оставляет антифашистской деятельности. В Сиене он примыкает к либерал-социалистическому движению, созданному выходцами из Пизы Гвидо Калоджеро и Альдо Капитини. Вообще, либералсоциализм был распро-странен среди интеллектуалов Италии: «Либералсоциалистическое движение зарождалось в основном на базе групп, сложившихся в высших учебных заведениях, университетах, вокруг антифашистски настроенных профессоров, в издательствах и редакциях, где ... несмотря на жесткую кастовость и идеологическое давление, мо-лодежь была одержима желанием «умственной свободы»⁵⁷.

Либералсоциалистическое движение Калоджеро и Капитини часто называли «этико-политическим движением интеллектуалов». Оно зародилось вне связи со «Справедливостью и свободой» и ее идеями, хотя участники этих организаций часто переходили из одной в другую, а то и сотрудничали с той и с другой, как это делал Норберто Боббио в ходе своих перемещений по стране. Калоджеро и Капитини осуществили свой синтез либерализма и со-циализма самостоятельно, не будучи знакомы с работой Росселли, — и потом их идеи войдут в идейную базу Партии действия наряду с росселлианской концепцией. Либералсоциализм Калоджеро и Капитини — это комплекс идей, а не детально проработанное учение, как у Рос-селли. Однако эти идеи получили распространение в интеллектуальной среде Ита-

лии, и во многих городах возникали либералсоциалистические кружки и группы на этой идейной основе. Возникают такие группы и в Падуе, где с 1940 по 1948 преподает Н.Боббио. В это время «его антифашистская деятельность, приобретающая все более политический оттенок, упрочилась в сотрудничестве с коммунистами, либералами и католиками различных оттенков»⁵⁸. Он примыкает к этико-политическому движению Калоджери-Капитини.

Отправной пункт философско-политических размышлений двух основателей либералсоциалистического движения (*il movimento liberalsocialista*) — либерализм, связанный с крочанским идеализмом. Если К.Росселли называли еретиком от социализма, то Альдо Капитини (1899–1968) — еретиком от либерализма. Впоследствии Н.Боббио будет много писать о нем и о его идеях, с теплотой вспоминать его в «Учителях и товарищах»⁵⁹. Противник насилия (он даже практиковал вегетарианство), антифашист, выступавший против войны, — Капитини был уволен лично Джентиле за отказ вступить в партию фашистов. Во Флоренции он знакомится с Кроче, который ему помогает с публикацией «Элементов религиозного опыта»⁶⁰ в 1937 году, который и принято считать годом рождения культурного движения, названного впоследствии либералсоциалистическим. В «Элементах» Капитини представлен политический проект, синтезирующий идеи индивидуальной свободы и социального равенства, план «реформы» или «нового религиозного пути», предлагающий «новое равновесие между властью и свободой». Капитини называли «светским католиком»: он связывал религию и мораль, а Католическую церковь, солидаризируясь с Кроче, критиковал за Конкордат 1929 года.

А.Капитини не был склонен к политической деятельности, тем более в составе какой-либо партии, — поэтому он отказывался вступать в Партию действия. Сопротивление у Капитини — это сопротивление пассивное, исходящее из его «философии убеждения» и любви ко всем живым существам. Он верил, что Запад и Восток встретятся по ту сторону капитализма и социализма, и предлагал этику, основанную на принципах ненасилия, отрицания лжи и убежденности в бессмысленности политического сотрудничества.

Гвидо Калоджери (1904–1986) — левый джентилианец, более склонный к действию, нежели Капитини: он сотрудничал с джеллистами, вступил затем в Партию действия. Издание его «Школы человека» — «книги, пронизанной духом борьбы, острота которой — результат четкой направленности и благо-родной потребности в действии»⁶¹ — датировано 1939 годом. В ней представлен анализ моральной жизни и философия конкретного опыта⁶².

Исследователь античной философии, Калоджери выступал против догматизма и теологии, считая лаицизм высшим выражением духа Запада. Критикуя крочанство, он «приходит к выводу, что нужно четко разводить факты и ценности. Причем ценности ни в коем случае не должны трактоваться как некие «реальности» или «сущности», ибо если бы они были «вечными сущностями», то человеку не было бы нужды испытывать за них тревогу, заботиться об их защите и реализации»⁶³. Подвергая критике крочанское понимание свободы, обвиняя Кроче в излишнем теоретизировании и в абстрактном понимании свободы, Г.Калоджери полагал, что достижение свободы является моральным долгом человека и невозможно без его участия в политической борьбе.

Разрыв Г.Калоджери с актуализмом и второй этап его творчества был связан с введением принципа диалога⁶⁴ как принципа терпимости и уважения мнения других и их свободы. Постоянный диалог между различными течениями мысли, считает он, является защитой против всяческих постулированных «окончательных истин», кото-

ры в его скепτικο-релятивистской философии неприемлемы. Это и многое другое у Калоджеро очень близко Боббио; сближало их также сотрудничество и дружба; невозможно отрицать и определенное влияние калоджерианских работ на Н.Боббио. Несмотря на все это, имя Калоджеро у Боббио практически не упоминается, так как действительно ценные идеи у того разбавлены идеализмом и морализаторством, чуждыми политической мысли Боббио.

Многочисленные джеллистские группы и либералсоциалистические ячейки выливаются в 1942 в создание партии нового типа — Партии действия⁶⁵. Как уже говорилось, оба либералсоциалистических движения были разнородны в идейном плане; это были движения интеллектуалов, не имеющие прочной организационной структуры, слабые в плане дисциплины. Партия действия унаследовала эти недостатки: «Партия действия не была идейно-политической общностью. Она объединяла людей разных взглядов — от левых либералов до бывших коммунистов — и представляла собой скорее лабораторию социалистической, демократической и либеральной мысли. <...> Членов партии объединяли антифашизм, идея создания нового демократического общества. В Партии действия ационисты видели организацию, которая в силу своей нетрадиционности должна возглавить процесс реорганизации страны»⁶⁶. Уставом новой партии были «политическая этика, нормы гражданского долга, нравственные принципы»⁶⁷, что же касается дисциплины, то «Партия действия представляла собой организацию, для которой строгая партийная дисциплина имела второстепенное значение»⁶⁸. Дискуссии, борьба лидеров за утверждение собственных платформ — все это сопутствовало новой партии все пять лет ее существования (1942–1947), и все это стало причиной ее распада.

Норберто Боббио вступает в ряды Партии действия в октябре 1942. В составе партии он участвует в движении Сопrotивления (*Resistenza*). Этот практический опыт бесценен: ему довелось многое увидеть и многое понять за 20 месяцев Сопrotивления (с 8.09.1943 по 25.04.1945). Годы своей жизни, предшествующие Сопrotивлению, Боббио называет «предысторией»: тридцатичетырехлетний интеллектуал окунулся в политическую борьбу, что не просто повлияло на его мировоззрение, но и, как писал он в своей «Автобиографии»⁶⁹, перевернуло его жизнь, разделив ее на «до» и «после» Сопrotивления. События немецкой оккупации и войны за освобождение оставили неизгладимый след в душе Норберто Боббио, и из участия в Партии действия он вынес серьезные уроки. Сама политическая жизнь и борьба поставили вопросы о роли интеллектуала в политике, об отношении интеллектуалов и партий, и вообще о способах действия интеллектуала в культуре и политике.

Партия действия, по выражению как современников, так и историков, — это «партия интеллектуалов», не имеющая партийной традиции и обязанная своим рождением антифашистской борьбе, — «партия нового типа», основанная на «движении нового типа». Хотя и ей не удалось создать массовой базы, несмотря на многочисленность партизанских отрядов, действующих под ее эгидой⁷⁰, политический опыт «нового типа» оказался весьма ценным для истории и в особенности для интеллектуалов в плане осмысления возможности их вовлечения в политическое действие.

Если теоретические разногласия в Партии действия были не в сильной степени актуальны до окончания войны, то после войны в ней разгорелись весьма интенсивные дискуссии. Они-то и привели партию к распаду. Уже на съезде в Козенце (август 1944) в партии оформились две линии по вопросу о послевоенном демократическом пути развития страны — либерально-социалистическая и либерально-демократическая: то есть уже в 1944 вопрос о демократии стоял довольно остро, а

уж в послевоенное время он приобрел первостепенную важность. «Либеральные демократы стали инициаторами полемики, вспыхнувшей во второй половине 1945г. в связи с дебатами по вопросу о содержании понятия «новая демократия» или «прогрессивная демократия»⁷¹. Разгорелась борьба между Уго Ла Мальфой, республиканцем, сторонником либеральной демократии, и его оппонентом Эмилио Люссу, — сторонником социализма. Рассматривая ход и суть послевоенных дискуссий в Партии действия, Е.П.Наумова резюмирует: «...В вопросах о содержании понятия демократии, характере предполагаемых реформ, целях и задачах Партии действия ационисты не смогли придти к единому мнению. Позиции не совпадали даже в рамках одного течения.»⁷². Распад партии был неизбежен.

Послевоенные политические дебаты были жаркими во всей стране и во всех партиях. Усиление ИКП и приход на идеологическую арену марксизма придавали им особую остроту. Все это подталкивает Норберто Боббио к выработке собственной интеллектуальной позиции по отношению к политике, к размышлениям о действительном призвании интеллектуала: если суть этого призвания — в поиске истины, в стремлении к ней, то как же следует вести себя в политической жизни и как действовать в политической мысли? Вопросы об отношении политики и культуры, политики и идеологии, партийной принадлежности (и вытекающей из нее дисциплины) и интеллектуальной независимости — эти вопросы ставила сама жизнь. Н.Боббио приходит к убеждению, что деятельность политиков и деятельность интеллектуалов (которых философ называет также «людьми культуры» — *uomini di cultura*) являются разными видами человеческой деятельности, и их нельзя смешивать. Человеку культуры, интеллектуалу лучше не участвовать непосредственно в политике, ведь у него свой инструментарий и своя, особая сфера деятельности. Так постепенно начинается боббианская концепция отношения политики и культуры, поведения протагониста культуры — интеллектуала — которая найдет выражение в книге «Политика и культура» (1955).

Непосредственное участие в Партии действия останется у Н.Боббио единственным опытом такого рода: после ее распада он принимает решение не участвовать прямым образом в партийной жизни и политике, не принимать прямых политических обязанностей, чтобы сохранить интеллектуальную независимость, не отождествляемую им никогда, впрочем, с политическим безразличием, индифферентностью.

Политическая активность Боббио в годы Соппротивления — а ей он посвятил много сил и времени (написание статей против фашизма и в защиту своей партии, участие в дискуссиях и выполнение партийных заданий, и т.д.) он совмещал с научной деятельностью в области права и с преподаванием философии права, теоретическими изысканиями в политической сфере. Изучение права придает его политическим исследованиям четкость и строгость, требовательность к использованию политических понятий, систематичность и последовательность. Эта понятийная строгость приведет его к началу 50-х годов к восприятию англосаксонской аналитической линии в правовых исследованиях.

Во время войны научный интерес Боббио в области права вращается вокруг позитивизма, хотя, конечно, нельзя не принимать во внимание его критический настрой по отношению к этому направлению теоретической мысли, привитый Кроче. Позитивистское понимание науки привлекает Боббио своим стремлением к строгой систематичности, представлением об ученом как о систематизаторе понятий, а не пророке, провозглашающем истину. Стремление к истине должно соотнобразовываться с практическими целями, с изучением фактов. На данный момент Боб-

био интересует не философия права в строгом смысле слова (ведь она неизбежно должна подходить к праву оценочно, давая ему моральную и социальную оценку), а наука права, теория права, с ее ценностным индифферентизмом (хотя, заметим, с самого начала правовых изысканий ученый интересуется также и теорией естественного права). В 1938 Туринский университет издает его «Аналогию в логике права»⁷³. В этой работе ученый разделяет деятельность юриста на две сферы: теория и техника, и эта деятельность должна продвигаться от реальности юридических фактов к понятию факта и далее к системе фактов. В сфере науки и практики перед юристами встает проблема интерпретации фактов, а механизм интерпретативной деятельности должен базироваться на четком различении логических процедур этого процесса (аналогия — одна из таких процедур, важнейшая составная часть интерпретативного механизма), — таким образом, необходима логическая теория интерпретации (осознание такой необходимости как раз и подведет Боббио к восприятию в начале 50-х годов неопозитивизма и аналитической философии).

В Падуанском университете Н.Боббио с 1940 читает курсы по философии права: несколько таких курсов, законспектированных студентами, даже издается⁷⁴. В 1942 в Падуе выходит его «Обычай как нормативный факт»⁷⁵. Не отходя от своей критической рецепции позитивизма, Боббио продолжает так-же изучение и естественного права, юснатуралистских теорий: в 1946 и в 1947 выходят его два исследования по истории естественноправовой доктрины — «Истоки современного юснатурализма и его развитие в XVIIв.» и «Естественное право в XVIIIв.»⁷⁶.

В 1945 в Турине Боббио издает книгу любимого им Карло Каттанео (1801–1869) «Соединенные Штаты Италии», которую предваряет своим стостраничным предисловием⁷⁷. Фигура Каттанео для самого Боббио «эмблематична, — пишет Э.Ланфранки, — в его философии Боббио увидел противоядие от риторической философии, в том числе и от декадентства»⁷⁸. Вообще К.Каттанео — федералист и либерал — был противником всяческого идеализма и догматизма, неспособных решать политические проблемы, врагом философского сектантства и различных «исканий абсолюта». Тот факт, что Боббио после войны обратился к творчеству именно Каттанео⁷⁹, свидетельствует об оптимизме ученого и о поиске им новых путей развития. Об этом же говорит и выход в том же 1945 его «Философии декадентов»⁸⁰, посвященной критике экзистенциализма. Отношение Боббио к этому направлению философии было двойственным: Э.Гарин, называя Н.Боббио «одним из авторов, наиболее внимательных к событиям в мире философии» и «одним из наиболее острых и откровенных умов», говорит, что Боббио «справедливо отмечал, что именно в своей противоречивости и неудовлетворительности экзистенциализм был «наиболее точным истолкованием и самым глубоким выражением кризиса». И [Боббио] добавлял, что невозможно не обращаться к нему «одновременно с симпатией и отвращением» и не принять его приглашение «к размышлению, богатому предчувствиями и обещаниями будущих размышлений»⁸¹. В 1948 Н.Боббио оставляет заведование кафедрой философии права в Падуе и возвращается в родной Турин. Политика все больше захватывает его — но теперь уже как ученого: непрекращающиеся размышления о судьбе интеллектуалов в политике, об ошибках тех из них, которые полностью отделились политической деятельности, о собственном отношении к партийной деятельности, — все эти размышления найдут свое выражение в «Политике и культуре», которая будет посвящена «созданию этики политического поведения интеллектуалов, этической концепции политики»⁸². Собственную интеллектуально-политическую деятельность философ будет осуществлять согласно своим же принципам. Его этико-политические установки и максимы, названные

«действенной философией» (*filosofia militante*)⁸³, и дальнейшее крити-ческое изучение различных концепций, теорий и систем, помогут ученому ориентироваться в будущем в сложнейших политических дискуссиях, отстаивая ценности либерализма и придерживаясь принципов диалога и толерантности.

III

Послевоенный период в Италии характеризуется подъемом политической активности масс, бурными дискуссиями о демократии в политической среде. Итальянцы были исполнены надежд на построение демократического общества, их чаяния были устремлены в будущее. Дофашистская модель государства, пропагандируемая классическими либералами во главе с Б.Кроче⁸⁴, уже не была актуальна, так как «политика как сфера руководства обществом и государством перестала быть исключительно прерогативой привилегированных групп, элит и олигархий, и становилась объектом оспаривания и демократической борьбы между различными силами»⁸⁵. Нет ничего удивительного в том, что и последующая политическая жизнь Италии будет бурной: с 1945 по 1979 произойдут 36 правительственных кризисов! Именно интеллектуалы будут оспаривать у политиков право быть протагонистами демократической борьбы, увлекая за собой общественное мнение, — и отчасти будут такими как раз до конца 80-х годов.

Итак, дебаты о демократическом переустройстве страны — главная особенность политики тех лет: «...Переход к демократии начался в Италии в 1945–1947 г. Необходимо было ... усовершенствовать политическую систему, уничтожить социальные корни фашизма, его идеологию, многие привычки, сложившиеся за 22 года правления фашистского режима»⁸⁶.

Плюралистическая партийная система складывается уже в ходе войны за освобождение, и на фоне послевоенного подъема активности и в Первой республике она оформляется как противостояние двух политических блоков — левого и правого: «В стране происходил бурный рост и расширение избирательной базы двух противостоящих друг другу политических блоков: с одной стороны, левых партий — ИКП и ИСП, — представлявших интересы рабочего класса, с другой — ХДП — католической интерклассистской партии центра»⁸⁷.

Выборы 18 апреля 1948 привели к поражению Народно-демократического фронта — левые силы не ожидали таких результатов; они были надолго отброшены в оппозицию. Начались конфликты между ИКП и ИСП, так как результаты выборов сделали социалистов враждебными по отношению к коммунистам, что приведет в дальнейшем к отходу ИСП от ИКП в 50-х годах, когда «начался процесс постепенной социал-демократизации ИСП, отхода от революционных лозунгов и одновременно внутреннего ослабления партии, падения ее избирательной силы»⁸⁸.

Таким образом, «политическая система, образовавшаяся в постфашистской Италии, не являлась демократией в классическом смысле этого термина. Ее называли «полудемократией», «блокированной демократией», наконец, «режимом ХДП»⁸⁹. ХДП, хотя и имела конкурентов в лице социалистов и коммунистов, тем не менее взяла бразды правления страной в свои руки. Ю.П.Лисовский резюмирует: «Левые партии приобрели в Италии такую силу, какой они никогда не обладали в дофашистский период, но этой силе было суждено постоянно находиться в оппозиции»⁹⁰.

В свете этих событий Норберто Боббио к концу 40-х годов (перед «Политикой и культурой»), как уже было отмечено, переоценивает свои взгляды на политику вообще и на фигуру политика в частности. Если раньше он склонялся к мысли, что в

политике действуют такие же законы, что и в праве — то есть достаточно разработать «технику политики», свод правил политического поведения, чтобы успешно и на благо общества действовать в политике, — то «тяжелые и трудные уроки фактов» (в частности, распад Партии действия, неудача левых сил на выборах и т.д.) подводят его к мысли, что в политике «правила», «законы», — собственно «техника» — все это имеет второ-степенное значение в сравнении с фактами эмпирико-политической реальности. Также важно заметить, что некоторого рода «иллюзии» в отношении политики были свойственны многим интеллектуалам, участвующим в Сопротивлении и почувствовавшим себя разочарованными по окончании войны: «В Италии ... именно благодаря антифашизму и Сопротивлению родилась иллюзия о партии интеллектуалов, которая могла бы спасти и сплавить воедино свободы либерализма и элементы социальной справедливости социализма ... [благодаря] преемственности людей и идей — от Карло Росселли ... к либералсоциализму и Партии действия»⁹¹.

Политика — арена противоборства многих сил (как классов и партий, так и доктрин и направлений политической мысли, выражающих интересы различных групп, в том числе и этих классов и партий), но также политика — и арена человеческих страстей, поле реализации стремления к власти, — и поэтому никакой «технический» кодекс, как в праве, в ней немаловажен, а моральный (этика политики) воплощается не всегда и в любом случае с трудом. Поскольку дела в политике обстоят так, то всю ее сложность и многообразие в силах отразить только философия политики, разработка которой — задача философов, интеллектуалов, а не самих политиков. Но интеллектуалы, в отличие от последних, уже не могут обойтись без собственного этического кодекса в политике, так как действуя вне этики, вне этических императивов, интеллектуал рискует теоретически обосновать любой политический режим, в том числе и антилиберальное, антигуманное фашистское государство (что однажды и произошло: пример тому — концепция Джентиле). Таким образом, Норберто Боббио приступает, с одной стороны, к деятельности в сфере философии политики, а с другой — начинает разрабатывать свод этических правил, этику политического поведения интеллектуалов, — кодекс, которому он будет следовать и сам в своей научно-политической деятельности.

Прежде всего, перед тем, как высказываться о политике, вступать в полемику, давать советы собственно политикам, интеллектуал должен определить свою позицию в отношении политики, очертить поле своей деятельности, оценить свои возможности и ограничения, — осознать себя в качестве интеллектуала и заявить о себе как о человеке культуры. «Политика и культура» Норберто Боббио⁹², которая после выхода в свет в 1955 стала настольной книгой многих интеллектуалов Европы, и есть такое заявление самого философа: понятия «интеллектуал» и «человек культуры» в работе употребляются синонимично — прежде чем высказываться о политике, интеллектуал должен быть человеком культуры! В соответствии с собственной формулой «беспристрастность, но не безразличие» Боббио отказывается от непосредственного участия в политической деятельности, от принадлежности к какой-либо партии, — и в дальнейшей деятельности «не примыкая ни к одной из политических партий, Боббио становится чистым теоретиком, чьи работы используются левыми партиями»⁹³. В.П.Любин рассказывает, что «Боббио никогда не хотел принадлежать к какой-то одной партии, оказаться, по его выражению, *uomo di parte* (т.е. «человеком части») ... Касаясь своих отношений с ИСП и ИКП, он совершенно четко заявил: «Хочу быть абсолютно независимым. Я ученый, а не политик». Подытоживая эту часть беседы ... он подчеркнул: «Я — независимый левый»⁹⁴.

Как философ политики Н.Боббио дискутирует с коммунистами в начале 50-х годов — с Пальмиро Тольятти, Рануччо Бьянки Бандинелли, Гальвано Делла Вольпе и другими. Эти дискуссии с лидерами и теоретиками ИКП посвящены темам свободы и демократии, свободы культуры и коммунистической концепции партийности культуры, демократии и диктатуре; оценке соответствия представлениям разных теорий демократии политического строя, существующего в СССР; социалистической демократии и ее оценке с точки зрения либералистической концепции. Немаловажная часть дискуссий посвящена представлениям о роли интеллектуалов в связи с теорией «органического интеллектуала» Грамши, об ответственности интеллектуалов перед обществом. Книга «Политика и культура» стала как бы завершением, итогом этих интеллектуальных споров, и одновременно ответом коммунистам со стороны представителя либерализма. Эта книга — первый опыт такого диалога и своеобразный «культурный манифест» Н.Боббио.

Если итальянская политическая система базировалась на разделении правых и левых, то с конца 40-х гг. и весь мир также разделен на два блока («два полюса», как тогда говорили) — мир социалистический, во главе которого — СССР, и мир капитализма во главе с США. Начало 50-х гг. — это начало «холодной войны» между этими двумя силами. Наиболее остро эта война будет протекать в сфере идеологии, а также и в области культуры. После II Мировой войны европейские компартии приобретают сильнейшее влияние в политике, марксизм начинает свое триумфальное шествие по Европе: можно сказать, что с точки зрения политико-социальных теорий, 2-я половина XX века прошла «под знаменем марксизма». «Исключительный масштаб и скорость распространения марксизма в Италии после освобождения, включая рост не только ИКП, но также и ИСП, а также распространение марксизма в широких кругах интеллигенции, не имели аналогов ни в одной стране Европы, — констатирует П.Андерсон, авторитетнейший историк за-падного марксизма, — после 1945г. главная ось марксистской культуры смес-тилась из германской в романскую зону Европы»⁹⁵. Несмотря на солидный возраст марксистской школы в Италии, до 1945 марксизм не выделялся заметно в интеллектуальной среде, подавленный идейной монополией Кроче, который, считая марксистское учение и школу закрытой догматической системой, использовал свой немалый авторитет для дискредитации марксистских идей. Склонные к авторитарности, но не к диалогу, «и Кроче и Джентиле в первых десятилетиях XX века являются сторонниками либерализма, который, с их точки зрения, должен стать надежным заслоном на пути марксизма и социализма и других экстремистских теорий и движений»⁹⁶.

Приступая к прочтению Маркса и вступая в дискуссии с коммунистами, Н.Боббио придерживается либеральной платформы в политике и критического метода в рассмотрении и изучении философско-политических концепций и доктрин. В некотором смысле этот критический метод был привит ему Кроче, подвергавшим строгой критике те взгляды, которые шли вразрез с его собственной системой. Марксизм помогает Боббио освободиться от влияния идеалистической системы историцизма Кроче, особенно в области политики, где доктринерство последнего было проявлено в полной мере. Освобождение от историцистских интенций проследживается уже в «Политике и культуре». Не следует забывать и о внимательном прочтении Боббио росселлианского «Либерального социализма» с его сильно выраженной интенцией, как можно было бы выразиться, «развивающегося либерализма». Прочтение Маркса обогатило, но не опровергло философско-политические либеральные убеждения Н.Боббио, позволило по-новому взглянуть на проблематику отношений социализма, либерализма и демократии.

О годах, предшествующих триумфальному приходу марксизма, Боббио будет вспоминать в «Портретах и свидетельствах»: «Насколько я знаю, труды марксистов не читали, — разве что страницу-другую из Лабриолы, — но не для того, чтобы перейти затем к Марксу, а чтобы лучше понимать Кроче. Не припомню, чтобы обсуждали Маркса или марксизм ни в философских аудиториях [университета], ни в юридических, — и вовсе не потому, что это было запрещено или опасно, — просто эта тема считалась исчерпанной, мертвой и похороненной»⁹⁷. Прекрасный оратор и полемист, Пальмиро Тольятти в одном из выступлений конца 50-х годов рассказывал: «Кроче объявил, что в нашей стране марксизм умер. Он перекликался в этом отношении с Джованни Джолитти, по словам которого сочинения Карла Маркса будто бы «давно уже свалены на чердаке»⁹⁸. Эудженио Гарин в несколько более мрачных тонах пишет: «Имея перед собой Гегеля и Маркса, Кроче хотел ... проделать жестокую хирургическую операцию ... ампутировать «геологию» и «катастрофический» дух и спасти чувство конкретного становления, человеческое и мирское деяние», — и меланхолично добавляет: «Впрочем, с Гегелем и Марксом Кроче обошелся так, как и с множеством других мыслителей и поэтов»⁹⁹.

Н.Боббио открыл для себя Маркса на излете войны — и потом он будет вспоминать, с каким нетерпением и как жадно читало Маркса его поколение, привыкшее к господству либеральной традиции, твердо удерживаемому Кроче. Маркс впечатлил Боббио «той невероятной силой, с какой он опровергал старые идеи, своей способностью показать историю с точки зрения тех, кто никогда не имел «своей» истории, своей жесткой критикой различных идеологий, срыванием масок, за которыми скрывалась жажда власти и богатства»¹⁰⁰. В конце 40-х гг. были впервые опубликованы труды Антонио Грамши, написанные им в тюрьме (шеститомник «Тюремных тетрадей» выходит с 1948 по 1951 под эгидой ИКП во главе с Тольятти). Размышления Грамши о роли интеллектуалов в политике в связи с его концепцией «органического интеллектуала» и партии как «коллективного интеллектуала» подталкивают Н.Боббио к выработке собственной позиции действия в политике, к размышлениям о путях преодоления разрыва между «людьми культуры» и «людьми политики».

Учение Грамши об органических интеллектуалах в их соотношении с партией и о культурной гегемонии как о задаче коммунистов оказывает сильное влияние на ИКП, подводя партию к разработке собственной политики в области культуры с использованием таких вариантов этой политики, которые не находились бы в жесткой зависимости от партийных идеологических императивов. Программа Грамши — это комплекс задач перспективной политики коммунистов, то есть постепенная, кропотливая работа партии в области культурной политики с долгосрочной перспективой в борьбе за гегемонию марксистской культуры. В конце 40-х — начале 50-х гг. П.Тольятти именно в грамшианском ключе решает проблему отношения коммунистов к культуре, их «культурной политики»¹⁰¹, отвергая концепцию А.А.Жданова, выражающую сталинскую позицию в отношении политики культуры, предписывающую прямое руководство партийной культурой, установление полного контроля партии над культурой. Ленинский принцип партийности культуры Сталин понимал как руководство к действию: наука и культура в СССР стали подобны отраслям экономики с ее системой планирования и жесткого контроля. «Сложно было представить что-либо более далекое от задач Тольятти, которые состояли во внедрении коммунистического мировоззрения в стране, боготворившей ... гуманистическую культуру», — пишет Н.Айелло¹⁰². Заметим, что политика «прогрессивной демократии» Тольятти отвергает идею планирования вообще, а значит, и ждановскую концепцию тотального идеологического доминирования, из которой планиро-

вание культуры вытекало как следствие.

Что же предлагает Тольятти? Выражая культурные задачи и установки «новой политики новой партии», он разрабатывает программу действий ИКП в области культуры. Задача коммунистов — развивая собственную культурную компетенцию, постепенно усиливать присутствие марксизма в культуре. На первом плане стоит работа с молодежью, в том числе и католической (во-обще, католики могли быть членами ИКП), используя принцип диалога в пропагандировании марксистских идей, с целью завоевания молодежи, ее воспитания в духе коммунизма. Таков «культурный прозелитизм» ИКП, идущий в русле «коммунистического экуменизма» ее «итальянского пути». Коммунисты участвуют в многочисленных дискуссиях, дебатах начала 50-х годов, и партия, при всех ее новых демократических интенциях, сохраняет марксистскую идентичность. Полемика Н.Боббио с одним из главных идеологов ИКП Гальвано Делла Вольпе¹⁰³ о понимании свободы привлекает внимание Пальмиро Тольятти, и уже сам лидер итальянских коммунистов вступает в диалог с молодым ученым. Эта дискуссия имела место в 1954–1955 годах, представляла собой обмен мнениями на страницах интеллектуальной прессы, и проходила в конструктивном ключе, в духе взаимного уважения, несмотря на то, что Боббио на тот момент был молод, и слава ученого еще не обретаена им в полной мере, тогда как П.Тольятти — глава крупнейшей на всем Западе коммунистической партии, политик с мировым именем¹⁰⁴. Речь шла о понимании свободы и демократии¹⁰⁵, и Боббио заметил, что демократия нуждается в «интеллектуалах-посредниках» для своей защиты перед властью и от власти. Если как Тольятти, так и Делла Вольпе были «защитниками СССР до последнего»¹⁰⁶, то Боббио, считая советский строй тоталитарным выражением руссоистских устремлений, не считал «социалистическую демократию в СССР» должной реализацией демократического идеала. Свободу искусства от всяческих попыток императивного «руководства» со стороны партии Боббио защищал в полемике с Бьянки Бандинелли¹⁰⁷, который придерживался доктрины партийности культуры.

Из размышлений о демократии, свободе, о роли и месте интеллектуалов в политике, воплотившихся в 14 очерков на эти темы, опубликованных с 1951 по 1955, и родилась «Политика и культура» — произведение, признанное программным для творчества Н.Боббио и получившее широкую известность в Европе. Это — первая такого рода философско-политическая работа ученого¹⁰⁸, в ней был в полной мере явлен его очерково-лекционный стиль, продемонстрирована логичность и ясность рассуждений, порой заставляющая вспомнить о «Сумме теологии» Фомы Аквинского (особенно в этом плане характерен очерк «Свобода искусства и культурная политика»), толерантность и уважение к мнениям оппонентов. Что касается почти юридической строгости боббианских построений, то, как представляется, помимо юридических штудий автора, это также и результат рецепции марксистского наследия, стиля работ Маркса и в особенности Энгельса. Тема взаимоотношений политики и культуры, роли интеллектуалов в политике и их влияния на политику — главная линия размышлений Боббио в его программной книге. Но понимание философом этих отношений базируется на его понимании свободы. Отстаивание либеральных позиций в понимании свободы — вторая линия книги: без политических свобод нет и свободы искусства, свободы творчества. Либеральное понимание свободы как прежде всего свободы индивидуальной отстаивается Н.Боббио в диалогах с коммунистами Делла Вольпе и Бьянки Бандинелли. Буржуазные свободы, «неполные и формальные», Боббио защищает не как сугубо буржуазные завоевания, но как вклад «буржуазного общества» в прогресс человечества, как ценности обще-

человеческие, завоеванные пусть и буржуазией, но для всех. Эти ценности в виде индивидуальных свобод должны быть защищены системой демократических институтов как от посягательств слева, так и справа, полагает Боббио. Э.Ланфранки, говоря о необходимости различения исторической судьбы буржуазии и ее наследства в виде свобод, резюмирует, цитируя Боббио: «Марксистское противопоставление свободы формальной и свободы субстанциальной приводит к единственному результату: к потере первой еще до начала достижения второй»¹⁰⁹. Особенно четко и последовательно защита Боббио либеральных свобод проведена им в очерке «О свободе современных людей в сравнении со свободой потомков», апеллирующая к программной лекции Б.Констана 1819 года «О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей». Либеральное государство рассматривается Боббио как государство правовое; говорится о двух пониманиях свободы, критикуется руссоистское понимание свободы у Делла Вольпе; раскрывается сущность «светской эсхатологии» марксизма. Критика коммунистов «формальных свобод» недооценивает эти достижения цивилизации: марксисты полагают, что достигнутым уровнем свобод можно и пренебречь ради достижения наивысшей, субстанциальной свободе в будущем обществе (уже не государстве, которое «отомрет») коммунизма. А это, по мнению Боббио, — прямой путь к тоталитаризму (путь к отмиранию государства через его усиление), что и показывает история на примере СССР, в котором были уничтожены либеральные свободы — и построено тоталитарное общество. В анализе и критике тоталитаризма Н.Боббио следует гобеттианским интуициям критики тоталитаризма и критике режима Сталина со стороны Росселли, для которого как фашизм, так и сталинизм одинаково неприемлемы с моральной точки зрения. Итак, размышления о природе тоталитаризма — это третья линия мысли в «Политике и культуре».

Таким образом, три главных пункта размышлений и полемики Н.Боббио на страницах «Политики и культуры» таковы (в логическом порядке): 1) критика сталинского тоталитаризма, называемого коммунистами «социалистической демократией» или «всенародной демократией, реализованной в СССР»; 2) защита либерализма и понимания свободы как свободы индивидуальной от нападков как со стороны коммунистов, так и Кроче; 3) формулирование этических императивов деятельности интеллектуала по отношению к политике, партиям и власти с точки зрения его принадлежности к сообществу «людей культуры», на теоретической основе, каковой у Боббио является его *filosofia militante* — действенная философия. Это — философия политики как философия, действующая и должна быть действенной в политике. С одной стороны это — критический подход, критический дух (*spirito critico*), подвержение сомнению догматических схем и концепций, неприятие любой ортодоксии, постоянное уточнение терминов и понятий, а с другой, — вытекающее из этого стремление к диалогу, который базируется на толерантности, инспирированной убеждением в историчности знания и истины. Эта критическая философия будет использоваться прежде всего самим Н.Боббио в его дальнейшей теоретической деятельности в области философии политики и права, в его позиционировании себя, если выражаться по-грамшиански, как «органического интеллектуала от либеральной культуры».

Немаловажная часть рассуждений Н.Боббио о свободе в рамках «Политики и культуры» посвящена демократии. На тот момент, как было отмечено, дискуссии о демократии были достаточно острыми, особенно с коммунистами, — и прежде всего по вопросу собственно о понимании демократии. Эти споры подводят ученого к постановке проблемы демократии и проблемы согласования демократических ин-

ституты с либеральными основами общества, отношения демократии и правового государства как базисного либерального института. В дальнейшем философско-политическом и философско-правовом творчестве Боббио концепт демократии будет разрабатываться более детально и широко, но позиция защиты демократии и свободы культуры на основе либеральной традиции универсальных прав свободы останется неизменной. «Демократия в Италии может быть создана и укреплена только на основе этих универсальных прав на свободы в либеральной традиции»¹¹⁰, — скажет он в 1989 году, — году его 80-летия и 200-летия Французской революции. Основной постулат «Политики и культуры» в этом плане таков: демократия может быть только либеральной, или же ее не будет как таковой: «Демократические институты (всеобщее голосование и политическое представительство прежде всего) являются дополнением, развитием и улучшением институтов либеральных, но они — не замена их и не преодоление»¹¹¹. Демократические институты — это совокупная либеральная инстанция для ограничения власти, тяготеющей по своей природе к абсолютности, к расширению собственных пределов. Демократия — это защита либерального строя от правительства, от диктатуры власти: «Что же касается правительств, — писал французский историк философии Эмиль Фаге в своей книге «Либерализм» (1902), — то они... постоянны в своих привязанностях. Они все время охвачены одной идеей: обладать всей властью целиком. Правительство, каким бы оно ни было, не может не убеждать себя в существовании огромной социальной опасности по отношению к тому, что выходит из-под его контроля. <...> Не существует либерального правительства.»¹¹².

Итак, важность и плодотворность диалога Н.Боббио с коммунистами невозможно подвергнуть сомнению. Обе стороны выносили из этого диалога определенные уроки. Более того, и сам Боббио в определенной мере подвергался воздействию идей коммунистов, так что в 80-х годах крупный итальянский политолог, исследующий, в частности, марксистскую мысль и ее критику Боббио, Данило Дзоло, в своей книге, посвященной демократии, несколько недоуменно (в сноске и со ссылкой на другого, не менее авторитетного исследователя западного марксизма) напишет: «По мнению Перри Андерсона, в политической философии Боббио присутствует «неразрешенная антиномия» между соблазнами консервативного реализма, вытекающего из изучения итальянских теорий элит, и пристрастием к радикально-социалистической идеологии, вызванным политическим опытом участия в антифашистском Соппротивлении и постоянным диалогом Боббио с итальянскими коммунистами»¹¹³.

Диалог с марксизмом и с коммунистами продолжался и в дальнейшем. После XX съезда КПСС компартия Италии в еще большей степени отдаляется от сталинского догматизма, критически пересматривает собственную историю. На VIII съезде ИКП в декабре 1956 Тольятти выдвигает историческую концепцию итальянского пути компартии, пути демократии и прогресса, — так «салернский поворот» 1944 года обретает новый мощный импульс. На съезде начинается разработка также и концепции полицентризма в мировом коммунистическом движении, отвергающую диктат советского коммунизма. Заглядывая вперед, скажем, что теоретический импульс Тольятти приведет в дальнейшем к концепции еврокоммунизма и исторического компромисса Берлингуэра. Так что доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина¹¹⁴ был для ИКП скорее стимулом к теоретическому развитию и подтверждением правильности избранного ранее демократического курса. Венгерские события были, конечно, тяжело восприняты итальянскими коммунистами: многие покинули ряды партии, ИКП потеряла до 10% своих членов. Ряд интеллектуалов-коммунистов об-

ратился к руководству ИКП с открытым письмом, осуждающим партию, отказавшуюся резко дистанцироваться от действий СССР¹¹⁵.

«Двойной удар» 1956 года куда как тяжелее отразился на ИСП. Социалисты начинают свой отход от коммунистов и медленный дрейф вправо, в сторону ХДП и правительства. В области теории в 1976 социалисты придут к полному разрыву с марксизмом в теории евросоциализма Кракси, который, к удивлению многих политологов, заменит Маркса ... Прудомом. В чем же причина идеологической слабости ИСП, теоретиком которой некоторое время (до разрыва с партией из-за несогласия с методами Кракси в 1979 году) будет считаться Норберто Боббио? Эта слабость — следствие идеологической неоднородности социалистов, в отличие от коммунистов и от христианских демократов, а также то, что у социалистов не было четко определенного поля своей политической деятельности, которое отличалось бы от сфер действия ИКП и ХДП. К тому же и «неспособность к быстрой перестройке и адаптации была связана с отсутствием гибкости, слишком «большой памятью», традиционализмом ИСП»¹¹⁶. Социалисты — политики по преимуществу¹¹⁷, в отличие от коммунистов, среди которых было множество серьезных теоретиков, и имена некоторых из них уже были названы. Более того, проблема теории социалистического государства как переходного на путях построения коммунизма («коммунистическая транзитология») породит во второй половине XX века целую литературу, посвященную этой теме, и труды Н.Боббио займут далеко не последнее место в ней.

IV

В политической жизни Италии послевоенный период — это время дискуссий, споров, партийно-политической борьбы, идеологического противостояния правых и левых. Также и в сфере юридическо-правовой мысли наступило сложное время. Принятие прогрессивной Конституции 1947 года, борьба коммунистов за демократическое развитие общества, рабочее и профсоюзное движение, — все это ставило перед юристами и правоведами множество проблем. Свобода труда, трудовое право, нормы права и нормы конституции, и многие другие проблемы требовали от правоведов участия в своем разрешении в свете растущей демократизации общества (в «Политике и культуре» Боббио говорит о «демократизации либерализма» — довоенные правовые идеи нуждались в пересмотре, как, впрочем, и многие политические теории).

Правовой позитивизм после войны подвергается критике — начинается так называемая вторая волна критики позитивистских концепций в праве. Потребность в критическом пересмотре правовых теорий ведет к началу поиска философско-теоретических оснований для создания философии права — науки, идеологически и политически оценивающей системы правовых норм, придающей демократический импульс как законотворчеству, так и теориям в области права. Исходя из этого намечается тенденция дополнения авалютативных теорий, при всей их ценности как методологического инструмента изучения права, концепциями философско-идеологического, оценочного плана. Поскольку Н.Боббио стоит на либеральной платформе, то он обратится к возрожденному естественному праву, лежащему в основе правового государства как базисной конструкции либерально-демократического общества.

В конце 30-х — начале 40-х гг. Норберто Боббио занят преимущественно «техникой права», техническими вопросами права, им только намечается переход от анализа фактов к построению их системы, а далее юридическая мысль ученого будет двигаться к понятию нормы, понятию права, и наконец, к созданию теории права как авалютативной конструкции. В философии права Италии довоенных лет гос-

подstütвали идеалистические антипозитивистские концепции, а в Германии большинство правоведов придерживалось господствующих неокантианских позиций. Как было выяснено, ни априоризм, ни тео- или телеологические подходы не удовлетворяли Боббио. Прекрасно осознавая недостатки и все же отдавая должное кроччанской критике позитивизма, ученый тем не менее не оставляет как изучение этого направления, так и его критическую проработку с других позиций. Критическое изучение позитивизма осуществляется молодым правоведом под углом зрения философских систем, не построенных на идеалистических началах или дистанцирующихся от идеализма. В большей мере, чем критика Кроче, его привлекает критика позитивизма, осуществляемая Вильфредо Парето. Для Парето человек — идеологическое существо, и антиидеологизм позитивизма, конечно же, делает это направление для Парето «любимой мишенью». В самом деле, по Парето, юридические теории базируются на идеологии и продуцируются идеологическими императивами, которые, в свою очередь, — не более чем теоретические конструкции, рожденные человеческой психикой и призванные маскировать желания, страсти и амбиции человека.

Феноменология и экзистенциализм, как было выяснено, оказали свое влияние и на правовое мировоззрение Боббио. Но даже феноменология не оказалась свободной от «спекулятивной болезни», а экзистенциализм, превознося индивида с его нестабильностью и беспокойностью, может увести ученого в мистику глубин бытия индивида, где нет места рациональности, — и Боббио называет экзистенциализм «философией бегства» и «философией обмана»: не предлагая ничего позитивного для науки, это направление было ценно, по Боббио, как свидетельство и симптом кризиса в философии.

Изучение некоторых социологических концепций (главным образом, Вебера, Моски и Парето) послужит для Н.Боббио стимулом для постановки некоторых метаюридических вопросов (например, о соотношении индивида и группы, личности и общества в сфере права, о соответствии правовых институтов потребностям общества как структуры и т.д.) и для переориентации от структурной теории в сторону теории функциональной, рассматривающей право под социологическим углом зрения. Но чтобы перейти к функции, необходимо сначала все же такую структурную теорию разработать, и в теоретическо-правовом плане после войны Боббио делает, по выражению Э.Ланфранки, необходимый, или неизбежный выбор, заключающийся в приближении к логическому позитивизму (неопозитивизму) в области философии и одновременно к позитивизму юридическому в кельзенианской нормативистской версии: это позволит действовать в сфере общей теории права, преодолевая метафизику и не отступая от эмпирики. Что касается логического позитивизма, то «все представители неопозитивизма отстаивали две фундаментальные позиции. Первая заключалась в том, что четкие аналитические методы, смоделированные на основе современной логики, позволят либо разрешить традиционные проблемы философии, либо представить их в качестве «псевдопроблем». Вторая позиция — последовательно эмпирическая теория познания»¹¹⁸. Кельзенианская теория интересна своими антиидеологическими интенциями, воспринимаемыми Н.Боббио в контексте веберовской авалютативной социологии и отчасти системы Парето.

Говоря об изучении Боббио различных течений философской и правовой мысли, часто исследователи невольно причисляют его к какому-либо определенному направлению, но, как было сказано, ученый не становился полностью приверженцем какой-либо позиции, даже если ее принципы были сформулированы им самим;

воспринимая критику и не переставая изучать исторические изменения в соответствующей области или разделе науки. Не следует поэтому забывать, что и авалютаивности правовой науки не является для него догматизированным принципом. Его «беспартийность» — как осознанная позиция в политике и в философии политики — имеет силу и в философии права. Поэтому Н.Боббио часто акцентировал внимание на том, что не является неопозитивистом или последователем теории Кельзена, который с позиций «чистой теории права» критиковал как социологические направления в юриспруденции, так и теорию естественного права¹¹⁹, да и вообще исключал возможность социальной оценки права. Подобный ригоризм, конечно, неприемлем для Боббио, однако именно труды Кельзена он читает особенно внимательно и в своих статьях и работах по праву обращается к нему довольно часто¹²⁰. Боббио работает с теоретическими системами в праве, пользуясь своим методом действительной философии и привлекая на основе этого метода для выстраивания собственной теории права то, по его мнению, необходимое и ценное, что имеется в различных подходах.

Изучение правовых доктрин, базирующихся на различных философско-идеологических подходах, приводит ученого к пониманию значения юридических норм и необходимости изучения их системы, а от изучения системы норм — к необходимости построения общей теории права, то есть от изучения фактов к их интерпретации и систематизации в рамках общей теории. Еще в 1938 в предисловии к своей работе «Аналогия в юридической логике» Боббио подчеркивает важность понятия интерпретации как необходимой логической операции, совершаемой в праве. Поэтому нет сомнений у него и в важности изучения языка юриспруденции (языка нормативного — норм и документов — и языка осуществления права), придания ему строгости и однозначности. Отметим, что стремление Н.Боббио к языковой строгости, точности и терминологичности — это также и его позиция в политической сфере, одно из главных требований к политиканам и политическим документам, и, главное, к интеллектуалам, действующим в этой области.

Необходимость в лингвистической строгости при интерпретации норм и правовых документов очевидна: «Поскольку интерпретативная деятельность юриста исходит и опирается на нормативные утверждения как на данность, — на правила, предписанные законодателем; и над ними он совершает свои аналитические операции, чтобы придать высказываниям законодателя полноту, строгость и систематичность; Боббио находит в логическом позитивизме такое понимание науки, которое может придать деятельности интерпретатора научный же характер; полагая научность высказывания не в истине, то есть в соответствии объективной реальности, а в строгости языка, то есть в подчинении данного высказывания всем другим в той системе, частью которой оно является»¹²¹.

В 1950 Боббио пишет ряд статей по лингвистическому анализу права и монографию «Теория юридической науки»¹²², а в 1955 — год выхода «Политики и культуры» — выходят также две его большие работы по общей теории права — «Изучение общей теории права» и «Теория юридического право-рядка»¹²³.

Наука рассматривается неопозитивизмом как «анализ и верификация находящихся в ее распоряжении понятий»¹²⁴ — отсюда и требования к строгости языка науки. В области методологии неопозитивизм и нормативизм дают правоведам важные принципы: «Позитивизм подходил к праву эмпирически и ставил своей задачей уяснение его содержания. Обработка конкретного правового материала, получение общих принципов методом индукции — это важный принцип позитивистской методологии. Нормативизм, также выделив право в качестве своего изолированного

объекта, направляет затем основное внимание не на содержание действующего права, а на логические формы, в которых выражены правовые нормы»¹²⁵.

И позитивизм¹²⁶, и нормативизм в любых разновидностях высказываются против оценки норм, против применения к правовым нормам социальных критериев. Но если подходить к праву безоценочно — тогда и фашистская, и нацистская правовые системы теоретически вполне оправданы, — и это одна из основных претензий к позитивизму, предъявляемых интеллектуальным сообществом после войны, а некоторыми правоведами и во время войны¹²⁷.

Право как социальный институт находится в сфере влияния идеологий, которые никак не могут быть внеценностными. Работа над созданием общей теории права (помимо вышеназванных, назовем и последующие большие работы Боббио — «Теория юридической нормы» (1958) и «Теория юридического правопорядка» (1960)¹²⁸) и размышления о ценностных критериях в праве подводят Н.Боббио к необходимости разработки философии права (в отличие от общих теорий права) как науки, включающей метаюридические, политические моменты. На каких основаниях можно разработать такую философию, какая внеюридическая посылка должна лежать в основании философии права, предоставляя теории права, с одной стороны, обоснование идеологического плана, а с другой, — задавая направление, в котором эта теория могла бы развиваться (что-то вроде «морального импульса»? Собственно, ответ для Боббио был ясен как бы заранее: это основание — теория естественного права, внимание которой он уделял с самого начала своих юридических штудий. К тому же послевоенное время — это время «возрождения естественного права», нового юснатурализма. Послевоенное возрождение естественно-правовой доктрины было обосновано и с политической точки зрения. Возрождаемое и развивающееся демократическое либеральное государство не могло обойтись без своего обоснования и в области права в виде учения о справедливости права как базовой правовой ценности. В фокусе юснатуралистской доктрины политика и право у Боббио сближаются под углом либеральных взглядов на сущность государства и права, и на базе юснатурализма же теории права придается ценностная ориентация. Этот подход у Боббио имеет и философское обоснование, был фундирован экскурсом в историю философии в поисках преемственности и борьбы политических мыслителей в понимании развития свободы. В 1965 выходит программная работа «Теория естественного права и юридический позитивизм»¹²⁹, — и в этом же году Боббио издает сборник статей разных лет по истории философии «От Гоббса до Маркса»¹³⁰, где рассматривается историческое развитие доктрин государства в связи с разработкой в этой доктринальной сфере теории естественного права, и прослеживает две линии, два направления мысли в ее истории, по-разному понимающих отношения государства и свободы, — линии Локка-Канта и Руссо-Гегеля¹³¹.

Э.Ланфранки утверждает, что естественно-правовая теория, рассматриваемая Н.Боббио как «идеология права», принимается им не как «противоядие к юридическому позитивизму», но как его «дополнительный элемент» философско-идеологического плана; «моральная теория», предлагающая «объективную этическую концепцию»¹³². Но морально-этическая концепция, принятая в качестве дополнения к теории, неизбежно будет оказывать «обратное влияние» на саму теорию, предписывая ей свои, метатеоретические императивы, тем более что влияние идеологий на теоретические построения в XX веке особенно велико.

Проблемы интерпретации норм права связываются Норберто Боббио с его новым пониманием творчества в нормативной сфере, то есть с изменением норм в связи с действительным ценностным императивом. Кельзенианская антиидеологичность «чистого

права» вступает в противоречие с либеральными интенциями самого Боббио, с одной стороны, и с потребностями демократического развития общества и государства, — с другой. «Преобладание чистой теории права в изучении юридических проблем имело своим следствием длительную ориентацию общей теории права на анализ структуры элементов правопорядка, но не на рассмотрение их функций. Отмечая плодотворность структурного анализа (он породил новую дисциплину — деонтологическую логику), Боббио отдает предпочтение исследованию права как подсистемы наряду с экономикой, культурой, политикой и т.д., составляющими сложный комплекс социальной системы...»¹³³.

Влияние идеологии и социальных потребностей на правовые доктрины и системы рассматриваются Н.Боббио уже не только как правоведом, ни и как исследователем политики: в 60-е годы он — политолог и полемист, своими статьями и участием в политических дискуссиях оказывающий влияние на политику.

В конце своих юридических исследований ученый приходит к мысли о том, что современная наука права не может удовлетвориться какой-либо одной формально-структурной теорией, ибо само право, во-первых, требует «идеологического дополнения», импульса, а идеологий много; и во-вторых, право в своем историческом развитии превращается из контролирующей силы в силу направляющую, а этот вектор направления, задаваемого праву, может быть только метаюридическим. В работе «От структуры к функции»¹³⁴ 1977 года показывается, что функция права влияет на его структуру, и идеология также участвует в выработке норм. Книга состоит из десяти очерков 1969–1976 годов и имеет подзаголовок «Новые работы по теории права». В этой своей последней работе Н.Боббио четко показывает, как от своих традиционных протекционистской и репрессивной функций право обращается к функции «поощрительной», «побудительной», то есть дополняет свои классические задачи новой задачей по стимулированию общественно-полезных действий, — и таким образом обретает новое качество.

Покидая правовую сферу своего творчества, Н.Боббио предоставил следующим за ним правоведам и пищу для размышления, и богатый материал для работы, поставив множество интересных и принципиальных вопросов. Он не создал какого-либо законченного учения в области философии права, и причина этому, по видимому, в его неприятии метафизики и всяческих «кристаллизаций» мысли, — ведь подобное учение неизбежно было бы метафизическим, авторитарным, а это противоречит его же действительной философии. Тем не менее работы Боббио по теории права представляют значительный вклад ученого в эту науку, к его исследованиям часто обращаются правоведа Европы, и в особенности испанские правоведа.

Философия права у Норберто Боббио исторически предшествует его политическим исследованиям, что объясняет методичность и терминологическую строгость его текстов, посвященных политике — особенно в свете требования лингвистической строгости, предъявляемого юристам. Но и политическая философия Боббио повлияла на его философию права, и в особенности главная черта боббианской политической мысли — открытость к диалогу, признание невозможности «окончательных ответов», призыв «сеять сомнения»; императивы толерантности. Всем значимым политическим концептам у Боббио посвящены очерки с названиями в вопросительной форме вроде «Какой социализм?»¹³⁵, «Какой либерализм?» и т.п. Эта открытость к диалогу и неприятие догматизма в политике находит свое выражение и в философско-правовом творчестве ученого: в качестве примера приведем названия двух статей 1971 года — «Какое правосудие? Какой закон? Какой судья?» и «Какое правосудие, или какая политика?». Требование терминологической строго-

сти и открытость к диалогу, диалог как научный принцип, — это часть этики интеллектуалов.

Философию политики Норберто Боббио преподает уже с 1962, а с 1972 заведует кафедрой философии политики Туринского университета. С 1960 он является членом Академии наук в Турине, а с 1966 — Академии Линчеи (самая престижная из академий в Италии). С 1975 по 1976 — президент факультета политических наук (который был создан с его непосредственным участием), с 1975 по 1978 также — президент Академии наук в Турине. Заслуженный профессор Туринского университета, почетный доктор многих университетов мира, директор туринского Института политических наук «Джоэле Солари», долгое время Н.Боббио вместе с Н.Аббаньяно руководил знаменитым «Философским журналом». 31 октября 1984 Н.Боббио оставляет Туринский университет после полувековой преподавательской деятельности¹³⁶. С 1984 Н.Боббио — пожизненный сенатор Республики¹³⁷ (номинация президента Сандро Пертини [ИСП], пользующегося всенародной любовью).

XX съезд КПСС не изменил отношения Боббио к коммунизму и к СССР. Антилиберализм советского строя ставит под сомнение развитие и вообще наличие в нем демократии. Но не отождествляя он с либеральным государством, в котором демократия получила бы должное развитие, и капиталистический строй. Рассматривая связи либерализма и демократии, Боббио оставляет открытым вопрос о социализме, тем более что не в обычае ученого расставаться с какими-либо теориями и концепциями, отстраняя их полностью, особенно если учесть тот факт, что если капитализм испытывает перманентные кризисы, то демократия постоянно находится в кризисе. Связь же демократии с капитализмом, по Боббио, существует до тех пор, пока она выгодна последнему¹³⁸, что же до социализма, — то процесс постоянной трансформации капиталистического общества характеризуется «акклиматизацией» многих социалистических принципов и постулатов как в результате борьбы социалистических и коммунистических партий, так и благодаря риторике и политике «третьего пути» и «государства всеобщего достатка»¹³⁹. Отметим, что уже в «Политике и культуре» Н.Боббио заявляет, что не является «искателем третьих путей».

В 50-е годы интерес ученого «вращался вокруг трех фундаментальных категорий — либерализм, демократия и социализм, которые, особенно две последние, не были строго определены, несмотря на аналитическую методологическую установку автора», — пишет М.Мартелли¹⁴⁰. Как ясно в принципе, такая строгая дефиниция просто невозможна: эти категории не только по-разному могут пониматься как учеными, так и политиками, ни и само их содержание исторически меняется, развивается, — это четко показал еще Росселли. Тем не менее дальнейшие политические исследования философа все же будут преследовать цель более точного определения этих категорий, как раз-таки именно в силу методологических установок Боббио. В начале 60-х годов, в свете изучения полемики, инспирированной обличениями Хрущева «культу личности»¹⁴¹, Боббио приходит к выводу, что в тоталитарном СССР, с его антилиберальным строем, свобода исчезает. В своей большой статье 1956 года «Еще раз о сталинизме: некоторые теоретические вопросы» он не отходит от позиции, выраженной в «Политике и культуре», осуждающей советский тоталитаризм и не считает позицию Хрущева опровержением такой оценки. Боббио не пользуется разоблачениями Хрущева как доказательствами правоты своей мысли, а исходит из общетеоретических предпосылок. В очерке «Два понятия свободы в политической мысли Канта» (1960) философ отрицает возможность социалистической свободы, и таким образом остаются два концепта свободы из «Политики и культуры» — «либеральная, как *не-препятствие* ... «свобода от государства», и демократическая, как

автономия ... касающаяся коллективной сферы, «свобода в государстве»¹⁴². Из этого становится ясным отношение ученого к концепциям третьего пути, к теориям трансформации капитализма в социализм, мирного достижения социализма, — то, о чем много спорили в конце 60-х и 70-х годах XX века. Социализм — безусловный идеал для общества, но, как видно из практики, идеал неосуществимый в плане воплощения «субстанциальной» свободы, ибо там, где есть социализм, — нет демократии, и наоборот, хотя социалистические системы позиционируют себя именно как социалистические демократии. Причина здесь в том, что социализм, отменяя частную собственность и передавая все управление в руки государства, исходит из утопических постулатов об изменении социальной природы людей в лучшую сторону с устранением частной собственности и основанной на ней эксплуатации (некоторые теоретики говорят даже о «преображении человека»). Но на деле «преобразование» той свободы, которую коммунисты называют «буржуазной» и «формальной», в «субстанциальную», «реальную», по их выражению, — то есть с полным равенством и участием всего народа («широких масс») в политике¹⁴³, — приводит к неизбежному усилению государства с его бюрократическим аппаратом, и это государство становится тоталитарным, то есть охватывающим и контролирующим все сферы социальной жизни. В коммунистических партиях Европы после войны теоретики разраба-тывались концепция социалистической демократии, — конечно, содержание этой концепции не во всем совпадало с аналогичным понятием, используемым советскими теоретиками. Еще со времени «салернского поворота» Толь-ятти ИКП отказалась от постулатов диктатуры пролетариата, экспроприации частной собственности и т.п. Стремление к обновлению общества, смягчению негативных последствий частной собственности благодаря завоеванию рабочими экономических свобод, — все это свойственно ИКП не в меньшей степени, чем ИСП. Исходя из этого («в середине 60-х годов Боббио приходит к выводу о необходимости создания в Италии единой левой партии, «крупной социалистической и демократической партии», путем слияния партий раско-лотых левых сил»¹⁴⁴. На фоне эмоционального восприятия итальянским обществом (и не только коммунистами) смещения Хрущева Н.Боббио поделился своими размышлениями по этому поводу с крупнейшим деятелем ИКП Джорджо Амендолой¹⁴⁵, придерживающимся линии итальянского пути компартии. Обмен письмами, преданными гласности, привел к большой дискуссии, но ничто не могло поколебать извечное противостояние коммунистической и социал-демократической платформ, так что «режим ХДП» в Италии оказался прочным.

К середине 60-х годов Норберто Боббио обретает как авторитет в научном мире, так и большой моральный авторитет в политической среде. Он считается симпатизирующим в большей степени социалистам, но его размышления о свободе и демократии, статьи и книги дают исследователям ясное понимание того, что политический фундамент ученого — либералистическое мировоззрение. Со времен «Политики и культуры» и дискуссионного диалога с П.Тольятти и Г.Делла Вольте философ вовлечен в большой спор о понимании свободы в коммунистической парадигме и связанной с этим пониманием проблеме «отмирания государства» (*estinzione dello stato*). Коммунистические теоретики, принадлежащие к деллавольпианской школе (прежде всего Лючио Коллетти и в некоторой степени Умберто Черрони) пытались увязать обновленное марксистское понимание отношений социализма и демократии с ленинской теорией отмирания государства. Обращаясь к сопоставлению руссоистского понимания народного суверенитета и современных тенденций развития демократии, ученые-коммунисты деллавольпианской школы

противопоставляли прямую, «антипредставительную» демократию Руссо-Маркса либеральной представительной демократии, являющейся, по Боббио, единственно возможной формой существования демократии¹⁴⁶.

В 1973 свои взгляды на социализм и демократию и их взаимоотношения Н.Боббио выражает в статье «Социалистическая демократия?», опубликованной на страницах «Мондоперайо», органа ИСП. Боббио посвящает эту статью Пьетро Ненни (1891–1980) — многократному генеральному секретарю ИСП, до 1956 возглавлявшему в партии левое крыло, но после пошедшему на раскол с ИКП. Именно в этой статье ученый поднимает тему отсутствия в марксистской литературе теории социалистического государства или социалистической демократии, тогда как демократия «буржуазная» теоретически представлена довольно широко, и обе системы сосуществуют в реальной политике. Почему в действительной политической жизни не происходит слияния демократии и социализма и что говорит по этому поводу теория? В 1975 тема отсутствия у Маркса теории социалистического (переходного к коммунизму) государства продолжается в статьях о марксистской транзитологии: «Спор о проблеме отмирания государства в марксистской теории: Маркс, Энгельс и теория государства» и «Существует ли марксистская доктрина государства?». Третья статья 1975 года — «Каковы альтернативы представительной демократии?» — переводит теоретические проблемы в область практической политики, обосновывая значимость представительной демократии и защищая ее от обвинений в «недостаточности», «буржуазности», «несубстанциональности» и т.п. Все эти разработки Боббио выливаются в книгу «Какой социализм?» 1976 года. Защита представительной демократии, — основная мысль, пронизывающая эту работу, — разрабатывается по линии либералистического понимания демократии, противостоящей руссоистско-марксистскому пониманию свободы, которого придерживалась деллавольпианская школа. Успех работы Н.Боббио был обеспечен не только благодаря ее несомненным научно-теоретическим достоинствам, но и вследствие концептуальных и политических сдвигов в коммунистическом и социалистическом движении в Италии на фоне общемирового развития и изменения социал-демократического движения.

В начале 70-х годов «коммунисты под руководством Э.Берлингуэра сменили курс и выдвинули новые идеи, которые нашли отклик у широких слоев итальянцев. Благодаря этому в 1976г. они достигли самого высокого в своей истории результата, набрав 34,4% голосов. Игнорировать эту электро-ральную победу ИКП ни социалисты, ни правящие христианские демократы, собравшие 38,7% голосов, уже не могли»¹⁴⁷. Концепция «исторического компромисса» Берлингуэра предполагала примирение трех ведущих партий и отмечала важность для коммунистов союза с католиками, следуя в русле демократического понимания политики партии, разрабатываемого П.Толь-ятти. Теоретическая новизна многих принципов и предложений, вводимых новизбранному генеральным секретарем ИКП Энрико Берлингуэром (1922–1984), который руководит партией с 1972 года, постулирована в теории еврокоммунизма. Это учение — общее для коммунистов Европы, итальянский же вариант Берлингуэра имел свои особенности: например, окончательный отказ от ленинизма в пользу учения Грамши, «исторический компромисс» с христианской демократией; особый такт в отношениях с католиками и со Святым Престолом, принятие концепции плюрализма. Что касается марксистской платформы, то коммунисты не оставили ее, несмотря на социал-демократизацию партии. Около того же времени начинается пересмотр отношений итальянской компартии с КПСС в пользу самостоятельности политического и теоретического курса ИКП. В начале 80-х годов дело дойдет до практически полного разрыва отношений в связи с резким

осуждением ИКП ввода советских войск в Афганистан.

В свете происходящих изменений как курса ИКП, так и его нового теоретического обоснования Норберто Боббио рассматривает проблемы социализма и демократии в своей работе «Какой социализм? Дискуссия об одной альтернативе» (такое полное название этой книги¹⁴⁸). Кроме вышеназванных, в книгу вошли еще две статьи: «Почему демократия?» и собственно «Какой социализм?». На проблематике теории социалистического государства ученый заостряет внимание вовсе не с целью в очередной раз раскритиковать марксистские постулаты о коммунизме (эта критика, как и соответствующая защита коммунистической транзитологии и обоснования переходных структур к коммунизму — целая «отрасль» итальянской марксистской и околomarксистской мысли 2-й половины XX века), но для очередного рассмотрения отношений социализма (как выражения стремления к равенству и справедливости) и демократии (как комплекса средств для достижения этого). Демократия не продуцирует социализм «автоматически», равно как и установление социализма не означает «автоматического» развития демократии. В СССР и других социалистических странах отношения демократии и социализма нельзя назвать простыми, — более того, демократия в этих странах испытывает серьезные проблемы не просто в плане своего развития, но и в плане своего существования. Однако и в странах Запада развитие демократии встретилось с серьезными препятствиями, и возможно даже, что успехи левого движения начала 70-х годов связаны с разочарованием в демократии. Многие «обещания демократии» не были выполнены, а «основные демократические принципы — участие, прямое или косвенное, всего населения в принятии решений, контроль снизу и свобода инакомыслия — не нашли в современных государствах полного осуществления», капитализм не перерос в социализм, а «социал-демократия создала не социализм, а «государство всеобщего благосостояния»¹⁴⁹. Ученый задумывается над принципами демократии и над методами ее развития, ведь демократия — это, по Боббио, единственный путь к достижению общества политико-экономического равенства, в котором состоит суть его понимания социализма.

Существенным вкладом Н.Боббио в развитие теории демократии являются принятые им усилия по формально-институциональному определению демократии как совокупности «правил игры», что было оценено Ю.Хабермасом. В статье «Каковы альтернативы представительной демократии?» перечисляется шесть таких правил. Эти «правила игры» в боббианской трактовке используются в литературе как одно из возможных формальных определений демократии. Ученый формулирует также и «парадоксы демократии» как ее противоречия и как препятствия ее же развития. В частности, он называет противоречие между демократическими тенденциями развития общества и бюрократизацией государства, противоречия между демократией и продуцируемой ее развитием технократией, и т.д. Продвигаясь по пути формального определения демократии и формулирования ее проблем и парадоксов, Боббио делает ясным тот факт, что социализм недостижим как идеал, как идеальная модель общества, если эта модель строится исходя из идеалистических представлений о «новом человеке», о предполагаемом изменении сознания людей, вызванными революциями или же преобразованиями общества государством. Основное кредо Н.Боббио, выраженное им во многих работах и даже интервью, таково: демократия западного мира, в каком бы кризисе она ни находилась (а этот кризис западной демократии может быть только большей или меньшей интенсивности, его наличие — скорее некая константа демократии) и сколь бы плоха она ни была, — она все же существует, и не стоит ее «разрушать, чтобы улучшить», отменить

или уничтожать ради стремления к какой-либо утопии.

Публикации и выступления, споры и диалоги, в которых участвует Норберто Боббио, — вся его теоретическая деятельность влияет и на политическую практику: многие его друзья (но также и противники) говорили, что Боббио обладает в итальянской политической мысли таким же авторитетом, каким обладает Папа римский в католическом мире, называя его соответственно «светским папой». Отметим, что с середины 70-х годов итальянские социалисты стали испытывать острую необходимость в теоретическом обновлении, так как их главный соперник на левом политическом поле — ИКП — стал по значимости в политике практически равным христианским демократам. Особенность итальянского левого движения состоит как раз в особенном положении ИСП: «Повсюду в Европе социалисты образовывали костяк левой оппозиции, соперничающей — и нередко успешно — с правыми партиями. В Италии же ИСП, намного уступавшая по своей численности и влиянию Итальянской коммунистической партии, оказалась как бы зажатой между двумя «гигантами» — ХДП и ИКП.»¹⁵⁰ Особое положение социалистов, а также тот факт, что обе итальянские левые партии по разным причинам «дорожили» своей идентичностью, а также «режим ХДП» — все эти факторы делали задачу создания единого левого фронта недостижимой¹⁵¹.

На 40-ом съезде ИСП (Рим, 1976) Беттино Кракси (1934–2000) выдвигает новый партийный курс на «левую альтернативу»: предполагался диалог с коммунистами, намечались контуры совместной работы. Однако все изменилось в том же году, после того, как он был с некоторыми нарушениями партийной дисциплины избран генеральным секретарем ИСП. Уже с 1978 «демократической альтернативе» ИКП была противопоставлена «социалистическая альтернатива» ИСП, а еврокоммунизму Берлингуэра — евросоциализм Кракси. Проект социалистической альтернативы был принят на 41-ом съезде ИСП в Турине в 1978. Проект носил откровенно ревизионистский характер, призывая к полному отказу от марксистской ортодоксии, вплоть до того, что коммунисты призывались к отказу даже от Грамши, так как эта концепция, по мнению социалистов, не соответствует принципам плюрализма, с которыми ИКП согласилась. Кракси был политиком по преимуществу, теория имела для него второстепенную роль, и даже столь ясно и четко формулирующего свои мысли Н.Боббио он называл «заумным философом». Главное для Кракси — это стремление к лидерству, борьба за власть. Но необходимо отметить, что он был талантливым политиком, первым председателем Совета министров — социалистом, да еще и при президенте-социалисте С.Пертини. Правление Б.Кракси продлилось рекордные три с половиной года, его правительство было самым стабильным после войны. Называемый «любимым учеником» Пьетро Ненни, он стал «любимым учителем» Сильвио Берлускони.

Приглядываясь к Б.Кракси и участвуя в политической жизни, Боббио видит, как тесно сплетены теория и политика и этика, идея и действие. Его размышления и работа над созданием этики интеллектуалов, начатая в «Политике и культуре», не прекращается, а теоретические наработки дополняются «эмпирическим материалом», то есть опытом действия ученого в теоретико-политической сфере и непосредственным опытом общения с политиками как реализацией действительности его *filosofia militante*. В «Очерках политической науки в Италии» (1969)¹⁵² ученый ставит вопрос о роли интеллектуалов в политике в связи со значением в ней идеологий: интеллектуал должен уметь не столько оправдывать политические события и решения, сколько идеологически их инспирировать, что отчасти удавалось и самому Н.Боббио. Исследования и участие в реальной политике, сообразно с теоретически-

ми студиями (в частности, работ Парето) приводят Боббио к осознанию важности и действенности как метатеоретических (например, ценности), так и экстратеоретических (например, чувства, эмоции — стремление к лидерству, власти в особенности) моментов в политике.

В 1977 по итогам участия в конференции, проводимой ИСП и посвященной вопросам отношения партий и культуры, философ в программной статье «Интеллектуалы и власть» (в «Мондоперайо») предлагает разделение интеллектуалов на идеологов и экспертов в плане их влияния на политику. При этом Боббио не отказывается от собственного тезиса, рекомендующего интеллектуалу непосредственно не участвовать в политике для сохранения своей интеллектуальной независимости, лично практикуя эту рекомендацию. Важной вехой, во многом результирующей боббианские интеллектуально-этические разработки, стала статья «Интеллектуалы» для III-го тома итальянской Энциклопедии XX века, вышедшего в 1979 году¹⁵³.

Одной из форм выражения политической, гражданской позиции интеллектуалов служат открытые письма, как правило, выражающие протест против какого-либо вопиющего факта, нетерпимой ситуации и т.д., подписываемые обычно группой интеллектуалов (бывают и заявления-протесты от одного лица — обычно интеллектуала с известным именем), — здесь в очередной раз можно вспомнить письмо-протест 101-го интеллектуала-коммуниста 1956 года. Также и в 1979 группа интеллектуалов пишет совместное письмо, выражающее протест против методов осуществления своего руководства ИСП Беттино Кракси. В эту протестующую «касту интеллектуалов» (так выразился сам Кракси) входит и Норберто Боббио. Тенденции к авторитарному управлению, раскольническая деятельность («сектаризм»), стремление в единоличной власти главы руководства ИСП — таковы обвинения интеллектуалов. И после 1983 года, когда Кракси становится премьер-министром Республики, ученый («заумный философ», как сказал бы Б.Кракси) не прекратил своих выступлений против краксианской «демократии аплодисментов»¹⁵⁴ и «культы Кракси», базирующегося на коррупционной составляющей.

В 1981 выходит одна из очень важных работ Н.Боббио, которая теоретически результирует ряд серьезных перемен как в политической жизни итальянского общества, так и в идеологической сфере. Это — книга «Идеологии и власть в кризисе: Плюрализм, демократия, социализм, коммунизм. Третий путь и третья сила»¹⁵⁵, в которой обобщаются дискуссии о социализме и демократии 70-х годов, предвывая следующую такую же дискуссионную работу о демократии 1984 года — «Будущее демократии». На страницах «Идеологий» продолжается также спор о плюрализме, который Боббио ведет с коммунистами с 70-х годов. Конечно, ученый не считает концепцию плюрализма совместимой с марксистско-ленинской догматикой, лежащей в основе идеологии ИКП, но приветствует стремление коммунистов к демократизации своей партии и платформы. С позиций плюрализма же он вновь рассматривает свой любимый объект критики — социалистический строй в СССР и находит, что тот не является демократическим с точки зрения плюрализма, так как в нем существует одна партия и одна генерируемая ей идеология, — на этом основании Боббио называет СССР государством доктринальным и даже «конфессиональным». Что же до итальянских коммунистов, то их тогдашние оппоненты, включая и Боббио, вменяли ИКП в вину ее нежелание отказаться от учения Грамши, которое, по мнению критиков партии, несовместимо с либерализмом и демократией. В работах Норберто Боббио 80-х годов в свете кризиса демократических институтов (ассистенциального общества, представительства и т.д.) философ обращается к ис-

следованию элитарных моделей демократии и моделей либерального корпоративизма. Не ослабевает также и его интерес к социологическим исследованиям. Плодотворной методологией, значимой для политических исследований, Боббио считает позицию методологического индивидуализма, идущую от М.Вебера и В.Парето. По его мнению, эта методология помогает противостоять неокорпоративистским тенденциям в политике: не стоит, утверждает он, преуменьшать ценность индивидуума как базовую либеральную инстанцию демократии и основу для построения «интегральной демократии» будущего.

В 1984 году выходит сразу ставшая знаменитой книга Н.Боббио «Будущее демократии»¹⁵⁶ с подзаголовком «Демократия и интернациональная система», в которую включены 7 очерков, написанных в 1978–1984 гг. Новое исследование философа посвящено анализу кризисного развития демократии — правда, автор предпочитает вместо «кризис демократии» (ведь демократия всегда в кризисе) говорить «трансформации демократии». Об этих трансформациях демократии говорится в связи с возрождающимся интересом к либеральной мысли, интересом к ее историческому развитию в связи с существовавшими теориями либерального социализма. Этот интерес имеет, по Боббио, два направления: «С одной стороны, это отставание преимуществ рыночной экономики против вмешательства государства, с другой — отставание прав человека против любой новой формы деспотизма»¹⁵⁷. Деспотизм, по мнению ученого, статичен, демократия же динамична, адаптивна и плюралистична, и под плюрализмом в данном случае Боббио понимает не только наличие различных партий и идеологий, но также и деятельность конкурирующих элит, при этом выступая против олигархического неокорпоративизма. В «Будущем демократии» Н.Боббио вновь поднимает тему невыполненных обещаний демократии (в их числе — неудача в устранении «невидимой власти» — проблема для Италии весьма острая)¹⁵⁸, формулируя три препятствия для развития демократии: технократия, бюрократия и древняя проблема «неуправляемости» демократии. Д.Дзоло по этому поводу пишет: «Едва ли можно отрицать ясность и интеллектуальную силу этого скорбного списка, образующего наиболее исчерпывающий перечень заложенных в демократическую доктрину заблуждений из всех, когда-либо составленных либерально-демократическими мыслителями. Он также представляет собой прозорливый анализ опасностей, грозящих будущему демократии в развитых индустриальных странах»¹⁵⁹. Но любые препятствия преодолимы, и Боббио уверен, что оснований видеть «будущее демократии» в эсхатологических тонах нет, если демократия будет развиваться в соответствии с либеральными принципами толерантности, плюрализма и минимального вмешательства государства в свободную экономическую инициативу (но не доходя и до либеризма), а также без нарушения «правил игры» демократии, сформулированных в работе 1976 года.

Во многих работах 80-х годов Н.Боббио задумывается над проблемами ассистенциального государства, которое, не переставая быть государством, может двигаться в сторону усиления контроля над индивидом, разрушая индивидуальные свободы, — гротескные формы эта тенденция принимает в «функциональных» (выражение Боббио) англосаксонских странах, где как раз в силу именно этой «функциональности» государства в малой степени имеется иммунитет против усиления государственного контроля над различными сферами социальной жизни. Эта проблема связана с развитием так называемого массового общества с его конформизмом, которое выражается в унификации индивидов, в превращении их в безличных потребителей продуктов культурной индустрии. Политическая индустрия как порождение индустрии культурной — важнейший пункт размышлений Боббио о

парадоксах демократии. Деятельное неприятие и борьба против «индустриализации культуры»¹⁶⁰ — долг интеллектуала. Несомненно, что процесс индустриализации культуры — одна из негативных сторон кризисного развития демократии, и опасность массового конформизма связана с недостатком свободы в области идеологии; таким образом, развивающаяся («трансформирующаяся») демократия должна «уметь» преодолевать это препятствие. Итак, развитие демократии болезненно. Многие даже говорили в те годы о возвращении к старым моделям, о том, что, мол, «капитализм был меньшим злом» и лучше было бы «пойти назад по собственным следам». Реставраторские модели не устаивают Боббио, даже историческая концепция развития привлекает его больше, чем циклическая, несмотря на его скептический настрой в отношении прогресса общества. К тому же, как говорилось, ученый вы-стывает против тех, кому хотелось бы разрушить имеющуюся демократию для ее же улучшения (*distruggere per renderla perfetta*). Д.Дзоло пишет, что «в работах Боббио реализм и прозорливость сопровождаются практическим увещеванием, призывом не требовать от «реальной демократии» слишком многого. Эту демократию следует принимать такой, какая она есть, как меньшее зло. Ее будущее, то есть стабильность, зависит именно от способности граждан принимать ее такой, какая она есть, и не гоняться за невероятными альтернативами, которые ... несут в себе новые опасности»¹⁶¹. Любые попытки насильственного манипулирования обществом и государством, в любых целях, ведут к тоталитарному исходу, и в этом плане «правление законов» обладает несомненным преимуществом в сравнении с «правлением людей»¹⁶², тем более что это столь любимое им «правление законов» достигло в развитых европейских демократиях определенных успехов. В рамках этой своей твердой позиции на страницах «Будущего демократии» Н.Боббио обращается к Максиму Веберу, различавшему харизматическую власть и власть легальную. В том же 1984 году, когда вышла эта работа, ученый много выступал (в частности, на страницах «Стампы») против «харизматического культа» Б.Кракси.

В 1984 Боббио издает книгу воспоминаний «Друзья и учителя»¹⁶³; в 1996 и в 1999 выходят его автобиографические книги — «*De senectute*» и «Автобио-графия»¹⁶⁴, а в 2002 издается работа «Тридцать лет истории туринской культуры»¹⁶⁵. Размышления ученого о войнах и о необходимости их прекращения в свете соблюдения прав человека и защиты демократии начинаются с выхода книги «Проблемы войны и пути мира»¹⁶⁶ и продолжаютяся в работах «Третий отсутствующий» (1988) и «Эпоха прав» (1989)¹⁶⁷. В вопросах войны и мира философ следует гуманистическим интенциям М.Шелера, выраженным им еще в берлинской лекции 1927 года «Идея вечного мира и пацифизма», где отстаивались идеи европейского объединения как источника мира и гарантии против войны.

Авторитет Норберто Боббио в интеллектуально-политической среде Италии¹⁶⁸ и Европы был очень высок: называя Боббио «Сократом итальянской культуры»¹⁶⁹, Э.Ланфранки утверждает, что «примерно с 1976 г. в Италии существует «интеллектуальная гегемония Боббио», сравнимая разве что с пре-жней гегемонией идей Кроче»¹⁷⁰. В 1989 в связи со своим 80-летием ученый дал интервью журналу «Нойе гезельшафт», опубликованное ИНИОном под названием «Левые в 2000г.» в 1990. В этом, как и во многих других интервью, Боббио говорит о демократии и о защите демократических принципов, об идее прогресса и «конце мифа прогресса» в связи с постмодернистскими теориями. Подтверждая свое самоопределение как «пессимистического просветителя», Н.Боббио заявляет, что, несмотря на свой пессимизм, все же будет продолжать борьбу за идеи Просвещения, ибо процесс человеческого освобождения далек от завершения. Осмысливая кризис левых сил и политичес-

кий поворот ИКП, ее теперь практически полную социал-демократизацию¹⁷¹, ученый предупреждает, что и у демократии есть свои пределы: не следует приверженность демократии обращать в фанатизм.

Начало 90-х годов — время значительных перемен в политической жизни и политической структуре Италии¹⁷², — в это время разразился, по выражению Д.Бозетти, «кризис на небе и на земле». Резкая смена политического климата, почти мгновенная (по историческим меркам) трансформация партий обуславливают так называемый переход ко Второй Республике. Причину таких перемен Н.Боббио, как и большинство политологов, видит в окончании «холодной войны» и исчезновении СССР с политической карты¹⁷³. «Результатом этого стало более жесткое разделение на два противостоящих лагеря правых и левых. Реформа избирательной системы сделала возможной ошеломительную победу на выборах 1994 г. правого блока во главе с «постмодернистской», неопопулистской партией «Вперед, Италия!» во главе с Сильвио Берлускони»¹⁷⁴. Принято считать, что с приходом Берлускони культурная гегемония левых в Италии заканчивается: новая волна «секуляризованной и американизированной массовой культуры» (П.Андерсон) приводит к культурному доминированию правых.

Если в середине 60-х годов Н.Боббио размышлял о необходимости создания в Италии единой левой партии, о партийно-политическом единстве левых сил, то в первой половине 90-х годов он подходит к мысли о необходимости единства левого движения уже в рамках Европы. Его позиция была положительно оценена крупнейшим английским историком-марксистом Э.Хобсбаумом¹⁷⁵, который в интервью 1989 года с Джанкарло Бозетти, известным журналистом и интеллектуалом, основателем (совместно с Боббио и Витторио Фоа) интеллектуального журнала *«Reset»*, выразил свою солидарность с Норберто Боббио в том, что касается континентального объединения левых сил на базе парламентской демократии и гражданских свобод.

В 1994 Н.Боббио пишет работу «Правые и левые. Смысл и значение одного политического различия»¹⁷⁶. Новая книга Боббио вызвала огромный интерес. Разделение на правых и левых рассматривается в теоретическом ключе как базовая бинарная оппозиция, конституирующая политическую мысль и систему. В книге рассмотрено развитие как самого различия на правых и левых, так и развитие теоретического осмысления этой «великой дихотомии» (одно из любимых выражений Боббио в рамках его методологического рационализма); отношение к традиции и иерархии в свете разграничения между правыми и левыми; различие в понимании прогресса и категорий справедливости и равенства в свете понимания прогресса; разные установки в понимании демократии, социализма и либерализма. В книге поднимаются в очередной раз проблемы эгалитаризма в свете принадлежности ученого к леволиберальной мысли. Основной пафос работы связан с отрицанием всяческого рода концепций «конца» или «падения идеологий».

В 1995 году Н.Боббио совместно с Джанкарло Бозетти и Джанни Ваттимо, философом с мировым именем, выпускает книгу «Левые в эпоху караоке»¹⁷⁷. Эпохой караоке называется, понятно, время правления Берлускони начиная с его «выхода в поле» 1994 года, — но в книжке (в ней всего 60 страниц) говорится о левых в условиях «постдемократии» вообще, о соотношении традиций левых сил и новых политических реалий, в которых они почувствовали себя расколотыми. На вопрос, не могут ли мешать левых их собственные традиции в проведении инновационных принципов, Боббио и Ваттимо отвечают, констатируя тот отрадный факт, что левые постепенно отходят от «революционных мифов» и начинают признавать ценность «правил игры» демократии. Так подтверждаются мысли, так находят в жизни во-

площение политические императивы и установки Норберто Боббио.

О равенстве и о развитии представлений о нем, об опасностях реализации различных теорий эгалитаризма (в том числе и марксизма), размышляет Боббио на страницах сборника «Равенство и свобода» (1995)¹⁷⁸. Конечно, очень много в этой работе говорится о Марксе и марксизме. Как бы итог своего полувекового диалога с марксизмом ученый подводит в большом сборнике очерков «Ни с Марксом, ни против Маркса» (1997)¹⁷⁹, посвященном осмыслению исторического развития отношений марксизма и либеральной культуры Италии, роли учения Грамши в развитии марксизма итальянскими интеллектуалами-марксистами. Уже судя по названию сборника, вполне ясен ответ ученого на предполагаемый вопрос об актуальности марксистских идей: Боббио не собирается «хоронить марксизм» и «выбрасывать Маркса на чердак». Принцип диалога остается для него неизменной ценностью: заметим, что этой книге предшествовала статья 1993 года «Приглашение перечитать Маркса».

В работах, выступлениях и интервью конца 90-х годов Норберто Боббио продолжает отстаивать идеалы Спротивления, идеалы антифашизма, которые с приходом к власти правящей коалиции С.Берлускони стали подвергаться эрозии. Дело в том, что многими историками и политиками антифашизм стал рассматриваться, во-первых, как идеология коммунистов, и, во-вторых, как идеология устаревшая, давно уже не актуальная, ибо, по их мнению, ни фашизма, ни коммунизма теперь не существует, они потеряли историческую силу. Соответственно, некоторые историки (Э.Галли Делла Лоджиа, Дж.Панса, и в особенности Р.Де Феличе) приступили к некоторого рода «реабилитации фашизма»: они писали, что фашистский режим, хотя и был авторитарен, но редко прибегал к насилию, в отличие от режима нацистов; и скорее был патерналистским, нежели тоталитарным. Н.Боббио резко возражал против таких оправданий¹⁸⁰, тем более что одним из аргументов, выдвигаемых сторонниками смягчения исторической оценки фашизма, был тезис о левых корнях итальянского фашизма, увязываемый ими с тоталитарностью коммунизма¹⁸¹. Но с антикоммунизмом же была связана и избирательная кампания С.Берлускони¹⁸², и в этом (как и во многом другом) ему помогал Кракси¹⁸³.

Итальянские интеллектуалы подвергали «берлусконизм» (слово это стало термином, и кавычки не обязательны) жесткой критике. Так, Умберто Эко, автор интересных статей о творчестве Н.Боббио, был бескомпромиссным критиком власти «медиаимперии» медиамагната¹⁸⁴ Берлускони, называя его правление медийным деспотизмом, основанным на популистской демагогии. В высшей степени резкой критике подверг «берлусконизм» интеллектуал-марксист Альберто Азор Роза. Власть денег и безвластие идеологии, «риторическая политика», — вот черты новой политической реальности как Италии, так и всего мира, симптомы «мирового либеризма».

В 2001 умирает супруга Норберто Боббио — Валерия, и ученый постепенно уходит от интеллектуально-политической активности, продолжая свое научное творчество. В 2002 в Италии вышел специальный номер интеллектуального журнала «Ресет»¹⁸⁵, полностью посвященный Н.Боббио. На страницах этого номера журнала «о вкладе итальянского ученого в науку и политику высказываются «друзья и противники». Все они убеждены, что итальянскому философу удалось «поставить диагноз» итальянской нации, дать ответ на многие спорные обсуждаемые в мире проблемы, стать крупным мыслителем современности»¹⁸⁶. Итальянские интеллектуалы (да и многие политики) называли его «светским папой» и «патриархом итальянской политической философии», констатируя наличие в итальянских интеллектуально-политических кругах «культа Боббио».

В 2004 Норберто Боббио умирает, прожив яркую и долгую жизнь, наполненную научным поиском, — жизнь интеллектуала, признанного лидера левой политической культуры Италии. «Высоким и благородным примером критической совести нашей демократии» назвал ушедшего философа Нелло Айелло. Как вспоминал В.П.Любин, главной идеей, к которой пришел Норберто Боббио, была идея защиты демократии. Его теоретическое наследие, резюмирует В.П.Любин, стало «лучшим его вкладом в политику»¹⁸⁷.

¹ Джованни Джолитти (1842–1928) — видный итальянский политик, пять раз занимал пост премьер-министра. Был либералом-практиком, «эволюционным « либералом: отвергая принцип классовой борьбы, шел на компромисс с рабочим движением, выступал против вступления Италии в войну.

² Либерализм Запада. XVII–XX века. / Отв.ред. Согрин В.В. — М., 1995. С.180.

³ «Турин, имевший высокоразвитую промышленность, на общем фоне тогдашней Италии отличался особо четкой классовой структурой, в которой удельный вес рабочего класса был достаточно значительным» (*Наумова Е.П.* Партия действия в Италии (1942–1947гг.): Формирование и эволюция идейно-политической платформы. — Дисс., МГУ, 1998. С.182.).

⁴ 1919–1920 годы названы «красным двухлетием»: движение фабрично-заводских советов (А.Граммши — один из его вдохновителей) вылилось во всеобщую забастовку в апреле 1920 года.

⁵ *Spriano P. Gramsci e Gobetti. Introduzione alla vita e alle opere.* — Torino, 1973. P.3.

⁶ Пульезе С. Карло Росселли: Либеральный социализм и антифашистское действие. — М., 2007. С.37.

⁷ Пальмиро Тольятти (1893–1964) — один из основателей компартии Италии. Учился на юридическом факультете Туринского университета (окончил в 1915). Генеральный секретарь КПП с 1926 (год ареста Граммши). Знамениты споры П.Тольятти с Н.Боббио 50-х годов о демократии и диктатуре, об отношении к политическому строю в СССР.

⁸ *Gobetti P. La rivoluzione liberale. Saggi sulla lotta politica in Italia.* — Bologna, 1924.

⁹ И наоборот: Станислао Пульезе пишет, что «любые активные, революционные силы истории, по определению, либеральны. Ранние христиане, протестанты, энциклопедисты — все они когда-то были либералами. И буржуазия ... выполняла роль класса, несущего освобождение от монархического абсолютизма и церковного догматизма» (Пульезе С. Карло Росселли. С.132.).

¹⁰ Либерализм Запада. С.190.

¹¹ Там же. С.192.

¹² Гобетти, как и Тольятти, и Боббио, окончил юридический факультет Туринского университета. В 1922 защитил диплом «Политическая философия Витторио Альфьери». Среди преподавателей этого университета были, помимо Г.Моски, также Л.Эйнауди и Дж.Солари.

¹³ Д.Амендола (1882–1926) — антифашист, видный политик, либерально- демократических взглядов. Выступал за реформы, которые должно проводить государство. Руководить реформами надлежало интеллигенции, ибо рабочий класс, по Амендоле, не способен играть политическую роль. За антифашистские высказывания подвергся избиению; как и Гобетти, переехал во Францию, где в 1926 и умер.

¹⁴ *Любин В.П.* Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники. 1892–2006. — М., 2007. С.262.

¹⁵ Л.Гинзбург (1909–1944) — антифашист, участник «Справедливости и свободы» и Партии действия. Филолог-русист, переводчик русской классики. Арестовывался в 1935 вместе с другими членами туринской ячейки «Справедливости». Погиб от пыток фашистов в тюрьме в 1944. Н.Боббио с теплотой вспоминает о нем в своем предисловии к одноименному собранию его сочинений: *Bobbio N. Introduzione // Ginzburg L. Scritti.* — Torino, 2000.

¹⁶ Д.Эйнауди — сын Луиджи Эйнауди (1874–1961), ученого, преподавателя университета, видного политика-либерала. Л.Эйнауди — сторонник классической теории либерализма. Занял антифашистскую позицию после убийства Маттеотти. Президент Италии с 1948 по 1955.

¹⁷ Назовем имена некоторых из преподавателей: Дзино Дзини, Франко Антоничелли, Умберто Космо, Аугусто Монти.

¹⁸ *Гарин Э.* Хроника итальянской философии XX века (1900–1943). — М., 1965. С.335.

¹⁹ Lanfranchi E. Un filosofo militante. Politica e cultura nel pensiero di Norberto Bobbio. — Torino, 1989. P.200.

²⁰ Также необходимо прибавить, что после смерти Н.Боббио его архив будет передан в Центр изучения Гобетти (Centro Studi Piero Gobetti).

²¹ И чуть ниже добавляет: «Влияние Кроче распространилось даже на коммуниста Грамши. По мнению некоторых исследователей, «Тюремные тетради» последнего представляют собой продолжение диалога с либеральным мыслителем» (*Пульезе С. Карло Росселли. С.55*). Отметим, что Грамши высоко ценил Кроче, считая его лидером либерально-демократической культуры.

²² Bobbio N. Introduzione. P.LI.

²³ Idem. Italia civile. Ritratti e testimonianze. — Manduria-Bari-Perugia, 1964. P.72.

²⁴ Заметим, что и Сорель, и в особенности Бернштейн испытали несомненное влияние Кроче.

²⁵ В 1902 году работа Кроче была переведена на русский язык и издана в Санкт-Петербурге.

²⁶ Отметим, что не избежал увлечения марксизмом и Джентиле: в 1899 вышла его книга «Философия Маркса». Эта работа удостоилась благожелательной оценки В.И.Ленина, особенно в части понимания Джентиле диалектики Маркса.

²⁷ Аббаньяно Н. Мудрость философии и проблемы нашей жизни. — СПб., 1998. С.117–118.

²⁸ В 1933 году Н.Боббио лично знакомится с Бенедетто Кроче, повстречавшись с ним в тurinской библиотеке (Боббио тогда работал над своим дипломом о Гуссерле).

²⁹ Любин В.П. Общественно-политические взгляды Норберто Боббио. — М., 1991. С.16.

³⁰ Г.Радбрух (1878–1949) — известный исследователь философии права, следовавший неокантианской традиции при рассмотрении сущности права. Его знаменитая «Философия права» вышла в 1914.

³¹ Со своим наставником Джозе Солари Н.Боббио сохранит дружеские отношения, до самой смерти учителя он будет вести переписку с ним: см.: *Solari G. La vita degli studi. Carteggio Gioele Solari — Norberto Bobbio (1931–1952). A cura e con un saggio introduttivo di Angelo D’Orsi. — Milano, 2000.*

³² Bobbio N. L’indirizzo fenomenologico nella filosofia sociale e giuridica. — Torino, 1934.

³³ Bobbio N. Scienza e tecnica del diritto. — Torino, 1934. Это небольшой 50-страничный очерк.

³⁴ Любин В.П. Философия Норберто Боббио // Итальянская и испанская философия на рубеже XX-XXI веков. — М., 2005. С.113.

³⁵ Che cosa fanno oggi i filosofi? A cura della Biblioteca comunale di Cattolica. — Milano, 1982. P.161.

³⁶ Ibid. P.162.

³⁷ Любин В.П. Философия Норберто Боббио. С.123.

³⁸ Зорин А.Л. Этика итальянских идеалистов: проблема обоснования морали и метода. — Краснодар, 1999. С.16.

³⁹ Bobbio N. Italia civile. P.71–90.

⁴⁰ Об этом см.: Любин В.П. Общественно-политические... С.22–23.

⁴¹ Об этом «интеллектуальном маршруте» мысли Боббио говорит Томмазо Греко в исследовании «Интеллектуальный маршрут между философией и политикой»: *Greco T. Norberto Bobbio. Un itinerario tra filosofia e politica. — Roma, 2000.*

⁴² Наумова Е.П. Партия действия. С.35.

⁴³ Там же. С.213.

⁴⁴ Пульезе С. Карло Росселли. С.191.

⁴⁵ Ajello N. Intellettuali e PCI. 1944–1958. — Roma-Bari, 1979. P.456. Нелло Айелло будет тесно общаться с Н.Боббио (личные встречи, споры, переписка) с конца 70-х годов.

⁴⁶ В Италии эта книга будет издана только после войны, а в 1979 «Либеральный социализм» выйдет в Турине с предисловием Н.Боббио: *Rosselli C. Socialismo liberale. A cura di J.Rosselli. Introd. di N.Bobbio. — Torino, 1979.* В 1989 эта книга издана «Мондоперайо» (Рим) на русском языке.

⁴⁷ Боббио Н. Левые в 2000г. — М., 1990. С.4.

⁴⁸ Пульезе С. Карло Росселли. С.12.

⁴⁹ Б.Кроче обвинял оба либералсоциалистических учения — как Росселли, так и Калоджеро-Капитини — в «идеологической неопределенности», «наивности» и в «политической импровизации». Его критика во многом правильна, но неконструктивна: он исходит из своей догмы, «отрицающей законность любого либерализма с прилагательным» (*Ajello N. Intellettuali... P.17*).

⁵⁰ *Rosselli K. Либеральный социализм. — Roma, 1989. С.119.*

⁵¹ О парадоксах соотношения демократии и социализма в истории (там, где есть социализм, нет демократии, и наоборот) очень много будет размышлять Н.Боббио после войны.

⁵² *Наумова Е.П. Партия действия. С.42.*

⁵³ Там же. С.44.

⁵⁴ *Пульезе С. Карло Росселли. С.144.*

⁵⁵ *Пульезе С. Карло Росселли. С.15.*

⁵⁶ Ни «Справедливость и свобода», ни Партия действия не сохранились как организации после войны (Партия действия распалась в 1947). Но сохранились идеалы левых интеллектуалов — и в 1993 бывшие члены этих двух организаций воссоздали «Движение действия «Справедливость и свобода»».

⁵⁷ *Наумова Е.П. Партия действия. С.55.*

⁵⁸ *Любин В.П. Общественно-политические взгляды. С.15.*

⁵⁹ *Bobbio N. Maestri e compagni. — Firenze, 1984.*

⁶⁰ *Capitini A. Elementi di un'esperienza religiosa. — Bari, 1937.*

⁶¹ *Гарин Э. Хроника... С.426.*

⁶² Среди других его работ — «Экономический метод и марксизм» (1944), «В защиту либерализма» (1945), «Очерки по этике и философии права» (1947); есть у него и труды по юриспруденции, в которых позитивизм и идеализм тесно переплетены: например, в работе 1937 года «Логика судьи и его контроль кассации» автор не стремится разрабатывать эту тему философско-логически, структурно.

⁶³ *Зорин А.Л. Философские искания левых джентилланцев. — Краснодар, 1999. С.16.*

⁶⁴ Работа Калоджеро «Логос и диалог» выходит в 1950, когда Н.Боббио уже начинает разрабатывать свою «действенную философию», в которой диалог отводится важное место, хотя само понятие диалога у Боббио отличается от калоджероанского своей конкретностью и связанностью с политикой, тогда как у Калоджеро диалог понимается идеалистически — и здесь сказывается его увлечение античной философией.

⁶⁵ Непосредственная заслуга в создании партии принадлежит миланским группам либералсоциалистов и либерал-демократов, среди которых — У.Ла Мальфа и Ф.Парри.

⁶⁶ *Наумова Е.П. Партия действия. С.305.*

⁶⁷ Там же. С.311.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ *Bobbio N. Autobiografia. — Roma-Bari, 1999.*

⁷⁰ На февраль 1946 в ее рядах — всего 247 000 членов, тогда как по численности партийных формирований она уступала только компартии.

⁷¹ *Наумова Е.П. Партия действия. С.233.*

⁷² Там же. С.234.

⁷³ *Bobbio N. L'analogia nella logica del diritto. — Torino, 1938.*

⁷⁴ В 1941 и 1942 в Болонье; в 1945 и 1948 в Турине издается несколько курсов лекций Боббио по философии права.

⁷⁵ *Bobbio N. La consuetudine come fatto normativo. — Padova, 1942.*

⁷⁶ *Bobbio N. Le origini del giusnaturalismo moderno e il suo sviluppo nel secolo XVII. — Padova, 1946; Il diritto naturale nel secolo XVII. — Torino, 1947.*

⁷⁷ *Cattaneo C. Stati Uniti d'Italia. — Torino, 1945.* Предисловие Н.Боббио в 1971 выростет в книгу о Каттанео «Действенная философия. Работы о Карло Каттанео» (*Una filosofia militante. Studi su Carlo Cattaneo. — Torino, 1971*).

⁷⁸ *Lanfranchi E. Un filosofo... P.56.* Философией декадентов, декадентизмом Боббио именует экзистенциализм.

⁷⁹ О том, насколько философ ценил творчество Карло Каттанео, говорит следующий факт. Когда в 1943 году Боббио женился, то на вопрос коллеги-профессора, что подарить ему на сва-

дбю, ответил, что лучшим подарком была бы книга Каттанео, — это флорентийское издание 1894 года ему и подарили.

⁸⁰ *Bobbio N. La filosofia del decadentismo.* — Torino, 1945.

⁸¹ *Гарин Э. Хроника... С.466.* В дальнейшем Эудженю Гарин высоко отзовется о «Политике и культуре» Н.Боббио. В 2011 году в Турине будет издана их 57-летняя переписка: *Bobbio N. — Garin E. Della stessa leva. Lettere (1942–1999).* A cura di T.Provvidera e O.Trabucco. — Torino, 2011.

⁸² *Любин В.П. Общественно-политические взгляды... С.19.*

⁸³ Перевод «filosofia militante» как «действенная философия», предложенный В.П.Любиным, представляется наиболее адекватным и, пожалуй, единственно возможным. Он вполне соответствует словарю: у глагола *militare* — три словарных значения: 1) служить [в армии], воевать; 2) отстаивать что-л.; 3) активно работать [в организации]. Производные от латинского корня **milit-* совершенно не приемлемы, так как полностью отсылают к первому из приведенных значений, что в контексте рассмотрения политической мысли Боббио нелепо.

⁸⁴ Бенедетто Кроче в политической среде называли «бардом либерализма». В 1945 в ходе работы консультативной ассамблеи в полемике с Ф.Парри, который считал, что демократия в Италии только рождается, Кроче выступил с тезисом, что Италия до войны была одной из самых демократичных стран мира. Это и в самом деле так, но философ-историк не принимал изменений мировой политической реальности.

⁸⁵ *Лисовский Ю.П., Любин В.П. Политическая культура Италии.* — М.,1996. С.11.

⁸⁶ *Любин В.П. Социалисты в истории Италии.* С.335.

⁸⁷ *Лисовский Ю.П., Любин В.П. Политическая культура... С.23.*

⁸⁸ *Лисовский Ю.П. Италия: от фашизма к демократии (Трудные пути послевоенной перестройки).* — М.,1990. С.149.

⁸⁹ *Лисовский Ю.П., Любин В.П. Политическая культура... С.25–26.*

⁹⁰ *Лисовский Ю.П. Италия... С.126.*

⁹¹ *Cereja F. Intellettuali e politica. Dall'epoca giolittiana all'affermazione del fascismo.* — Torino, 1973. P.12.

⁹² *Bobbio N. Politica e cultura.* — Torino, 1955.

⁹³ Либерализм Запада. С.202.

⁹⁴ *Любин В.П. Общественно-политические взгляды... С.22–23.*

⁹⁵ *Андерсон П. Размышления о западном марксизме; На путях исторического материализма.* М.,1991. С.53.

⁹⁶ *Зорин А.Л. Этика итальянских неореалистов.* С.48.

⁹⁷ *Bobbio N. Italia civile.* P.73.

⁹⁸ *Тольятти П. Итальянская коммунистическая партия.* — М.,1959. С.113.

⁹⁹ *Гарин Э. Хроника... С.213–214.*

¹⁰⁰ *Bobbio N. Il futuro della democrazia.* — Torino, 1984. P.103.

¹⁰¹ Н.Боббио называет политику, суть которой — в навязывании культуре своих императивов — «культурной политикой» (*politica culturale*), либеральную же политику императивного невмешательства, но заботы со стороны власти или партии — «политикой культуры» (*politica della cultura*): в первом случае логическое ударе падает на политику, а во втором — на культуру.

¹⁰² *Ajello N. Intellettuali... P.51.*

¹⁰³ Г.Делла Вольпе (1895–1968) — известнейший итальянский марксист, вступивший в партию в 1944. Спустя некоторое время после войны стал считаться главой итальянской марксистской школы. Его основная идея в области философии состоит в том, что борьба материализма и идеализма в истории итальянской философии выражается в борьбе марксизма с гегельянством. Автор трудов по марксистской эстетике.

¹⁰⁴ Нельзя не обратить внимание на то, что послевоенное общение Тольятти и Кроче проходило совсем в другом стиле: взаимные нападки, недоброежелательность и язвительные замечания в отношении друг друга привели двух партийных лидеров чуть ли не к взаимному «политическому анафематствованию». Об этом повествует цитируемый ранее Айелло в своей работе «Интеллектуалы и ИКП».

¹⁰⁵ В ответ на статью Тольятти, опубликованную им в «Ринашите» под именем Родериго ди Кастилья, Боббио пишет статью «Свобода и власть», вошедшую в «Политику и культуру».

¹⁰⁶ *Martelli M. I filosofi e l'URSS. Per una critica del socialismo reale.* — Napoli, 1999. P.180.

¹⁰⁷ Рануччо Бьянки Бандинелли (1900–1975) вступил в ИКП, как и Делла Вольпе, в 1944. Историк искусства и археолог (специалист по этрускам), был после войны министром просвещения, возглавлял Институт Грамши. Историю искусств изучал и рассматривал с марксистских позиций. Иностраный член АН СССР.

¹⁰⁸ В философском плане «Политике и культуре» предшествуют, в частности, две работы Боббио: книга «Философия декадентства» (1944) и статья «Философия и культура» (1946). Если в первой работе критикуется экзистенциализм как философия обмана и бегства, уводящая интеллектуалов от политических проблем, то в небольшой статье 1946 года Боббио «расчищает поле» для своей будущей «действенной философии», подвергая критике различные «болезни» итальянской философии, основная из которых — «наш спекулятивный гений» (*il nostro genio speculativo*), которого не избежала даже итальянская феноменология.

¹⁰⁹ *Lanfranchi E. Un filosofo... P.76.*

¹¹⁰ *Боббио Н. Левые в 2000г. С.6.*

¹¹¹ *Bobbio N. Politica e cultura. — P.177–178.*

¹¹² *Фаге Э. Либерализм // О свободе. Антология либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С.51.*

¹¹³ *Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. — М., 2010. С.194.*

¹¹⁴ Отметим, что официальной политикой десталинизация в СССР была провозглашена лишь в 1961 на XXII съезде КПСС.

¹¹⁵ Среди 101 интеллектуала, подписавших письмо, — Лючио Коллетти (1924–2001), итальянский философ с мировым именем, ученик Делла Вольпе; а также еще один протагонист итальянской культуры XX века, философ-марксист Альберто Азор Роза (р.1933).

¹¹⁶ *Лисовский Ю.П. Италия... С.152.*

¹¹⁷ Беттино Кракси, пожалуй, являет собой яркий пример этого утверждения. Талантливым политиком его признавали даже оппоненты, а в теории он «принес» партии только разрыв с марксизмом, причем статья «Социалистическое евангелие», в которой с полной ясностью говорится об этом разрыве, написана не им, только вышла под его именем. Ко всему прочему, «тотальная ревизия» марксизма вплоть до того, что это учение было полностью отвергнуто, а коммунисты в очередной раз были обвинены в догматизме, — все это инспирировано перечитыванием Росселли, вступительную статью к изданию которого на русском языке написал Б.Кракси.

¹¹⁸ *Кимелев Ю.А. Современная итальянская и испанская философия // Итальянская и испанская философия на рубеже XX-XXI веков. — М., 2005. С.20–21.*

¹¹⁹ Следует отметить, что Ганс Кельзен был к тому же и ярко выраженным антикоммунистом. Если до войны он выступал против марксистского учения о государстве (работа «Социализм и государство» (1923), многие положения которой не лишены оснований и представляют интерес для теоретиков и критиков коммунистической транзитологии), то после войны критиковал правовые взгляды Маркса и марксистов в «Коммунистической теории права» (1955).

¹²⁰ Насчитывается не менее десяти работ Боббио, посвященных Кельзену.

¹²¹ *Borsellino P. Norberto Bobbio: Profilo dello studioso // Violi C. Norberto Bobbio: A bibliography. — Milano, 1984. P.63–64.*

¹²² *Bobbio N. Teoria della scienza giuridica. — Torino, 1950.*

¹²³ *Bobbio N. Studi sulla teoria generale del diritto. — Torino, 1955; Teoria dell'ordinamento giuridico. — Torino, 1955.*

¹²⁴ *Туманов В.А. Избранное. — М., 2010. С.154.*

¹²⁵ Там же. С.177.

¹²⁶ Результатирующим историко-теоретическим исследованием позитивизма Боббио является его фундаментальный «Юридический позитивизм» (*Il positivismo giuridico*), изданный под эгидой Туринского университета в 1961.

¹²⁷ Например, Г.Радбрух, упоминаемый ранее, был позитивистом (с некоторыми оговорками), но законодательная и судебная практика Третьего рейха кардинально меняют его позицию — уже в начале 40-х гг. он приходит к необходимости моральных критериев в праве и вводит понятие аморальных законов, которые можно (и нужно) игнорировать.

¹²⁸ *Bobbio N. Teoria della norma giuridica. — Torino, 1958; Teoria dell'ordinamento giuridico. Torino, 1960. Последняя работа не совпадает с работой 1955 года с таким же названием.*

¹²⁹ *Idem. Giusnaturalismo e positivismo giuridico. — Milano, 1965.*

¹³⁰ Idem. Da Hobbes a Marx. Saggi di storia della filosofia. — Napoli, 1965.

¹³¹ Направление Гоббса, стоящего у истоков правового позитивизма, выражает тенденцию к абсолютизации государства, к полному подчинению индивида власти, поэтому о развитии свободы речи здесь нет за ее отсутствием. Теории государства Маркса и Ленина Боббио то сводит к Гоббсу («альтернатива Ленина» в «Полите и культуре»), то дедуцирует из руссоистских интуиций, ведущих в своем историко-теоретическом развитии к левиафаническому государству в разных видах его тотальности. Вообще, общую интуицию итальянской политологии, особенно связанной с марксистскими исследованиями, в том числе и критическими, выражает бывший коммунист Л. Коллетти, утверждавший, что «выдвинутая Руссо концепция народного суверенитета и прямой демократии уже содержала в себе всю политическую философию Маркса» (*Дзоло Д. Демократия... С.135.*). Маркс, по Коллетти, добавил к Руссо только экономический анализ общества.

¹³² *Lanfranchi E. Un filosofo... P. 116.*

¹³³ Право XX века: идеи и ценности / Под ред. Ю.С. Пивоварова. — М., 2001. С.128.

¹³⁴ *Bobbio N. Dalla struttura alla funzione. Nuovi studi di teoria del diritto.* — Milano, 1977.

¹³⁵ В предисловии как раз к этой книге 1976 года Н. Боббио говорит: «...Все очерки, собранные в этой книжечке, имеют заголовки в форме вопросов. Я не делал это нарочно — названия в виде вопросов отражают суть исследуемых тем и способ их исследования, осуществляемый мною. Эти темы сами по себе проблематичны, и у меня нет готовых ответов, — я только задаю вопросы, и задаю их прежде всего себе самому» (*Bobbio N. Quale socialismo? Discussione di un'alternativa.* — Torino, 1976. P. XVIII.). Одну из своих работ, в основном посвященную анализу представительной демократии у Боббио, его коллега по транзитологическим спорам и по дискуссиям, посвященным вечной теме итальянской политологии, — проблеме демократии, — Дж. Вацца назвал «Какая демократия? Проблемы переходной демократии.» (*Vacca G. Quale democrazia. Problemi della democrazia di transizione.* — Bari, 1977.).

¹³⁶ Чествованию ученого посвящено университетское издание: A Norberto Bobbio — la Facoltà di scienze politiche. — Torino, 1986.

¹³⁷ Пожизненные сенаторы (*senatori a vita*) в Италии — что-то вроде «политических кардиналов». Каждый президент может сделать не более пяти таких номинаций. Номинация производится за заслуги в политике, науке, литературе или искусстве, прославившие Родину. Так, Джорджо Наполитано номинировал Марио Монти, назначенного премьер-министром 13.11.2011, как выдающегося экономиста страны.

¹³⁸ *Bobbio N. Левые в 2000 г. С.11.*

¹³⁹ Последняя концепция берет свои истоки в бисмарковском представлении о либерализме без свободы и реформах без демократии, в бисмарковском «социализме сверху», вводимом как комплекс уступок со стороны государства.

¹⁴⁰ *Martelli M. I filosofi... P. 180.*

¹⁴¹ Надо сказать, Хрущева не любили в Италии, и не только коммунисты. У многих людей его «разоблачения» вызвали большие сомнения относительно их корректности и правильности формулировок и выводов. И.Ц. Кин пишет о XXII съезде КПСС: «...Никто не ожидал, что на XXII съезде может что-либо произойти. Но Никита Сергеевич умел преподнести миру сюрпризы. Тольятти вернулся из Москвы раздраженный и недо-вольный. Уже XX съезд ... вызвал у Тольятти некоторые сомнения. Но на этот раз он был убежден, что Хрущев зашел слишком далеко.» (*Кин И.И. Итальянский ребус.* — М., 1991. С.342.). Даже смещение Хрущева вызвало большие волнения и дискуссии, взволновавшие всю Италию: «Как раз в октябре 1964 года Италия была охвачена страшно эмоциональной дискуссией, связанной именно со смещением Н.С.Хрущева, но вышедшей за рамки ИКП.» (Там же. С.356.).

¹⁴² *Martelli M. I filosofi... P.186.*

¹⁴³ Характерно высказывание о «двух демократиях» видного деятеля ИКП Л. Лонго. Он говорит, что либералы под демократией подразумевают «прежде всего формальные аспекты этого понятия — юридическое равенство всех граждан перед законом, демократические институты, существующие в капиталистических странах. Мы же [коммунисты], говоря о демократии, указываем прежде всего на ее главную сущность — общественно-политическое равенство всех граждан на деле, а не на словах» (*Лонго Л. Избранные статьи и речи. 1946–1975.* — М., 1975. С.251.).

¹⁴⁴ *Любин В.П.* Общественно-политические взгляды... С.22.

¹⁴⁵ Джорджо Амендола (1907–1980) — сын Джованни Амендолы, о котором говорилось в § 1.

¹⁴⁶ О марксистской теории отрицания государства и о спорах вокруг нее в итальянской политической мысли, о «коммунистической транзитологии» в своей фундаментальной монографии «Теория коммунистов об отрицании государства» 1974 года пишет упоминаемый в данной работе Данило Дзоло (*Zolo D. La teoria comunista dell'estinzione dello stato.* — Bari, 1974.).

¹⁴⁷ *Любин В.П.* Социалисты... С.382.

¹⁴⁸ *Bobbio N. Quale socialismo? Discussione di un'alternativa.* — Torino, 1976.

¹⁴⁹ *Любин В.П.* Общественно-политические взгляды... С.40. «Государство всеобщего благосостояния», «государство достатка» (Welfare State) в Италии называют «ассистенциальным» — то есть государством помощи или пособий, что лучше отражает суть понятия. Кризис политики «ассистенциального капитализма», проводимой ХДП с 1964, привел к снижению развития темпов экономики, и только с середины 80-х гг. экономическое положение Италии стало улучшаться.

¹⁵⁰ *Грецкий М.Н.* Итальянские социалисты... С.53.

¹⁵¹ Отметим, что во Франции социалисты и коммунисты (ФСП и ФКП) заключили «союз левых сил», выработав компромиссную совместную платформу, в 1972.

¹⁵² *Bobbio N. Saggi sulla scienza politica in Italia.* — Bari, 1969.

¹⁵³ Для этой многотомной Энциклопедии (Enciclopedia del Novecento) Н.Боббио написал, кроме указанной, и другие статьи: «Свобода», «Равенство», «Мир». Писал он также и статьи для Энциклопедии Эйнауди (Турин), для Европейской Энциклопедии (Милан); совместно с Н.Маттеуччи руководил изданием и писал для издаваемого в Турине Политического словаря, а до всего этого в 1957 в Философском словаре были опубликованы 16 очерков Боббио (*Dizionario di Filosofia. A cura di Andrea Biraghi.* — Milano, 1957).

¹⁵⁴ Статья Н.Боббио «Демократия аплодисментов» (*La democrazia dell'applauso*) опубликована 16 мая 1984 на страницах «Стампы».

¹⁵⁵ *Bobbio N. Le ideologie e il potere in crisi: Pluralismo, democrazia, socialismo, comunismo. Terza via e terza forza.* — Firenze, 1981. Переиздана в 1984. Как видно, среди перечисленных «идеологий» нет либерализма.

¹⁵⁶ *Bobbio N. Il futuro della democrazia.* — Torino, 1984. Переиздана в следующем году также в Турине с подзаголовком «Защита правил игры» (*Difesa delle regole del gioco*). Анализируя главным образом этот труд Боббио и констатируя несомненное влияние на него концепции Шумпетера, Д.Дзоло причисляет Боббио к сторонникам теории демократического элитизма. Дзоло утверждает, что «при всей остроте анализа и нравственно-энергичности критики политическая философия Боббио остается в пределах того, что я называю «неоклассической парадигмой плюралистической демократии» и делает вывод: «Боббио ... не удастся решить проблему пересмотра или реконструкции демократической теории. И, кажется, он даже не видит необходимости в такой реконструкции» (*Дзоло Д. Демократия и сложность.* С.194.).

¹⁵⁷ *Bobbio N. Futuro della democrazia.* — Torino, 1984. P.111. Статья о либерализме, из которой взята цитата, называется «Старый и новый либерализм».

¹⁵⁸ Об обещаниях демократии в этой работе Боббио см.: *Баранов Н.А.* Современная демократия: эволюционный подход. — СПб., 2007. С.174–176; Трансформации современной демократии. — СПб., 2006. С.116–117.

¹⁵⁹ *Дзоло Д.* Демократия и сложность. С. 190–191.

¹⁶⁰ В статье «Свобода» в Энциклопедии XX века Боббио, ссылаясь на Г.Адорно и Г.Маркузе, говорит о меркантилизации искусства, о превращении культуры в развлекательную индустрию, что ведет к усреднению вкусов и в конечном счете к деперсонализации. В мире, где культура превращена в товар, говорить о свободе бессмысленно, тем более о свободе творчества. Индивид как протагонист истории теряет свою сущность, превращаясь в удовлетворенного раба. (*Bobbio N. Libert a // Enciclopedia del Novecento. Vol.III.* — Roma, 1979. P.1004.).

¹⁶¹ *Дзоло Д.* Демократия и сложность. С.191.

¹⁶² На этом своем постулате ученый заостряет внимание в очерке «Правление людей или правление законов?» в «Будущем демократии».

¹⁶³ *Bobbio N. Maestri e compagni.* — Firenze, 1984.

¹⁶⁴ *Idem. De senectute.* — Torino, 1996; Autobiografia. — Roma-Bari, 1999.

¹⁶⁵ *Idem. Trent'anni di storia della cultura italiana a Torino (1920–1950).* — Torino, 2002.

¹⁶⁶ Idem. Il problema della guerra e le vie della pace. — Bologna, 1979.

¹⁶⁷ Idem. Il terzo assente. Saggi e discorsi sulla pace e la guerra. — Torino, 1988; L'età dei diritti. — Torino, 1989.

¹⁶⁸ Одно время ему предлагали даже побороться за президентское кресло, но Н.Боббио отказался, как и в свое время Б.Кроче, когда ему говорили, что есть шансы стать первым послевоенным президентом Италии (Кроче сослался на занятость научной работой). Причем следует заметить, что многие политики оценили его призывы к автономии интеллектуалов от партий: исходя из этого они полагали, что Боббио — лучший кандидат в президенты, так не зависит от партokratии и партokratов. В то же время эти политики проигнорировали главный пафос учения Боббио: интеллектуал не должен быть политиком!

¹⁶⁹ Ланфранки здесь не одинок: Сократом назвала Н.Боббио и исследовательница его взаимоотношений с коммунистами Надя Урбинати в статье «Сократ и коммунисты: причины и ход развития одного диалога» (Reset 74 (2002) — номер, посвященный Боббио).

¹⁷⁰ Любин В.П. Общественно-политические взгляды... С.69.

¹⁷¹ В 1991 (т.е. через 2 года) ИКП преобразуется в Демократическую партию левых сил (ДПЛС) с полной ревизией теории и пересмотром программы. Заняв подобающую ей левую позицию в раскладе политических сил, она начнет свой дрейф вправо, вслед за ИСП, которая доживет даже до 2006 года.

¹⁷² В 1996 году в статье «Все изменилось, и лучше молчать» («Корriere делла сера», 20.10.1996) Боббио говорит об изменении политической парадигмы с концом Первой Республики, а в статье от 25.10.1996 добавляет: «Изменилась не только парадигма, изменился также и я».

¹⁷³ И.Б.Левин описывает это так: «С исчезновением одного из двух эпицентров «холодной войны» в Италии рухнула вся система факторов, структурировавших общественно-политическую жизнь. В считанные месяцы полностью сменился «ассортимент» политических партий; на правительственно-парламентскую авансцену вышли совершенно новые люди. Противостояние левых и правых сил вроде бы изменилось, но приобрело совсем другое измерение...» (Левин И.Б. Италия в поисках национальной идентичности // Космополис. Журнал мировой политики. — М., 2005. №4. С.94.).

¹⁷⁴ Любин В.П. Философия Норберто Боббио. С.126.

¹⁷⁵ Эрик Хобсбаум (1917–2012) — крупнейший интеллектуал-марксист, член компартий Англии и Италии, его называли «марксистом, борющимся за интеллектуальную свободу». Умер 1 октября 2012 года.

¹⁷⁶ *Bobbio N. Destra e sinistra. Ragioni e significati di una distinzione politica.* — Milano, 1994. В дальнейшем это произведение не один раз переиздавалось, общий тираж приблизился к полумиллиону экземпляров. Книга переведена на 20 языков.

¹⁷⁷ *Bosetti G. Vattimo G. Bobbio N. La sinistra nell'era del karaoke.* — Milano, 1995.

¹⁷⁸ *Bobbio N. Egualianza e libertà.* — Torino, 1995.

¹⁷⁹ Idem. *Né con Marx né contro Marx. Antologia a cura di C.Violi.* — Roma, 1997.

¹⁸⁰ Об этом пишет В.П.Любин в статье «Политическая и историческая культура: перемены последнего двадцатилетия» в сб. «На перекрестке средиземноморья». — М., 2011.

¹⁸¹ Интересно, что в этом смысле не потеряли актуальности выступления Н.Боббио 50-х годов, посвященные идеалам и роли Сопrotивления. Так, актуально звучит его выступление 1955 года, впервые опубликованное в «Республике» 11 января 2004 года, через два дня после смерти ученого, об итальянском Сопrotивлении как неотъемлемой части общеевропейского Сопrotивления нацизму и фашизму.

¹⁸² «Избирательная кампания Берлускони шла под знаком борьбы с коммунизмом. Он опубликовал на свои средства ряд книг, в которых «бичевались грехи коммунизма» (Любин В.П. Берлускони и «Вперед, Италия» // Современная Италия. — М., 2004. С.100.).

¹⁸³ Все работы, касающиеся как истории фашизма и антифашизма, так и восприятия фашизма современными Боббио итальянскими историками, собраны в один том политологом, влюбленным в творчество Боббио, — Микельанджело Боверо: *Bobbio N. Dal fascismo alla democrazia.* A cura di M.Bovero. — Milano, 1997. Благодаря ему же многочисленные политические работы Н.Боббио бережно собраны в большой книге «Общая теория политики» (*Bobbio N. Teoria generale della politica.* A cura di M.Bovero. — Torino, 1999.). Что касается критики Берлускони с точки зрения некоторой схожести его методов и политической позиции с фа-

шистскими, то следует заметить, что первый, кто сравнил берлусконизм с фашизмом, был А.Азор Роза. Партию же Берлускони он называл «пластмассовой» (партию Муссолини так назвать нельзя, и в этом очень важное отличие этих режимов).

¹⁸⁴ С.Берлускони в шутку титуловали Sua Emittenza, Ваше Вещательство, наподобие Sua Eminenza — Ваше Преосвященство.

¹⁸⁵ Reset. — Milano, 2002. №74, Novembre. В спецномере — вводная статья Д.Бозетти и четыре тематических блока статей: статьи о диалоге, о философии политики, о демократии и о проблемах мира. Необходимо отметить, что большинство авторов скорее склонны к критике (причем подчас жесткой) мыслителя, нежели к апологетике. Особо следует выделить статьи Дино Кофранческо, Федерико Козна (экс-руководитель «Мондоперайо»), Перри Андерсона, Данило Дзоло, Себастиано Маффетоне, Джанфранко Паскуино, Никола Маттеуччи, Алессандро Пиццорно, Франко Сбарбери, Луиджи Бонанате.

¹⁸⁶ Любин В.П. Философия Норберто Боббио... С.130.

¹⁸⁷ Любин В.П. Общественно-политические... С.69.

Даудов Р.Х.

Трансцендентное и имманентное в структуре мира исламской онтологии

«Ислам — одно из наиболее замечательных проявлений Закона. Мухаммад — несравненно более заслуживает уважения со стороны людей, чем вся эта толпа бесполезных мудрецов, которые не сумели ни одно из своих размышлений облечь в плоть и кровь, и ни в одно человеческое сердце вселить твердое убеждение; которые лишь внесли разделение в человеческое существо, вместо того, чтобы постараться объединить разрозненные элементы его природы».

П.Я. ЧААДАЕВ

Исламская онтология, как и другие религиозные онтологии, предполагает различие трансцендентного и имманентного. Это различие порождает большое количество вопросов, например: «Что такое трансцендентное в исламской онтологии?», «Что такое имманентное в исламской онтологии?», «Как возможна взаимосвязь трансцендентного с имманентным в исламской онтологии?» и т. д. Этими вопросами до сих пор занимаются представители исламского модернизма и традиционализма.

Трансцендентное — это то, что выходит за рамки человеческого опыта. В исламской онтологии к категории «трансцендентное» можно отнести потусторонний мир (Ахира), душу и Абсолютно Трансцендентное — Бога. Имманентное же — это все, что подлежит познанию, все земное — то, что окружает нас.

Синтез трансцендентного и имманентного, по мнению многих исламских онтологов, — это акт веры. Существуют такие аспекты рассмотрения трансцендентного как «непостижимость», которая содержит в себе гносеологический аспект, и «чуждость», содержащая онтологический аспект трансцендентного.

В гносеологическом смысле трансцендентное — это выход мысли к своему абсолютному пределу, к границе, а в онтологическом смысле трансцендентное — это нечто, превосходящее имманентное, хотя и включающее в себя имманентное, но не сводимое к имманентному.

Неверно, на наш взгляд, говорить о существовании трансцендентного вообще, потому что трансцендентное возможно лишь по отношению к чему-то имманентному. Отсюда напрашивается вывод, что трансцендентность — это подлежащее познанию, непознанное и непознаваемое (трансинтеллигибельное). Человек тоже трансцендентен, ибо он выходит за рамки любого возможного опыта, который им может быть приобретен. Трансценденцией, следовательно, можно назвать и переход от ограниченного существования к полному существованию, к максимуму присутствия, и человек обладает способностью к трансценденции.

Если утверждать что трансцендентное абсолютно непознаваемо, то само это понятие становится бессмысленным. Если же оно имеет смысл, и если ему есть соответствие, трансцендентное познаваемо. Но если бы оно было полностью познаваемым, то было бы имманентным, т.е. не имело бы смысла трансцендентного, — значит трансцендентное относительно непознаваемо.

Имманентное познаваемо, но быть познаваемым — значит отличаться от того, что познается, т.е. от трансцендентного. Следовательно, имманентное непознаваемо, поскольку трансцендентно. Но если бы оно было абсолютно трансцендентным, то потеряла бы смысл имманентность, значит имманентное относительно познаваемо.

Существуют несколько решений проблемы трансцендентной имманентности: 1) либо безоговорочно похоронить трансцендентное и имманентное в едином и единственном начале — монизм; 2) либо сохранить оба начала в качестве фундаментального противоречия — дуализм; 3) либо признать принципиальную множественность трансцендентно-имманентных отношений — плюрализм, где всякое множественное имманентно и трансцендентно. В исламской же онтологии большинство арабских мыслителей придерживаются первого варианта из предложенных выше.

Аллаху присущи Атрибуты, определяющие Его отношения с нашим миром, — например, Власть, Знания, Воля, Слух, Зрение и Речь. Кроме того, у Аллаха 99 имен, которые характеризуют Его Величие. Но такие Атрибуты следует отличать от непостижимой сущности Бога, человеческому разумению недоступной. Божественные Атрибуты — Знание, Власть и т.д. — были совершенно реальны, они действительно присущи Богу испокон веков. Однако эти свойства не имеют ничего общего с естеством Бога, чья сущность едина, недоступна, проста и единственна в своем роде.

Бог избрал объявить Себя миру и всему человечеству через своих служителей и пророков. Коран — как Божья речь — не был создан, но стал сотворенной вещью, когда его вложили в уста Пророка Мухаммада. Из доктрины несотворенности Корана следует, что при чтении Священной Книги вслух мусульманин слышит голос Самого Бога. Коран и есть живое свидетельство постоянного присутствия Аллаха среди людей. Его речь исходит из человеческих уст при повторении святых слов, с Его сущностью соприкасаются верующие, когда берут Коран в руки. Здесь мы видим точки соприкосновения имманентного и Абсолютно Трансцендентного — Бога.

Согласно Исламу, Аллах является Трансцендентным только в вопросе Его сущности. Получается, что нам не дано знать, что Он из себя представляет, из чего состоит и т.д. Но Коран однозначно говорит об имманентности (присутствии в мире) Аллаха (иначе как бы мы могли обращаться к нему с мольбой). Таким образом, имманентность Бога осуществляется посредством Его атрибутов.

Можно также утверждать, что Бог в исламе, как и христианстве, трансцендентен миру своей Сущностью, но имманентен своими эманациями или проявлениями — Слухом, Зрением, Силой и т.д.

Существует множество вариантов решений, как трансцендентное и имманентное в религиозно-философской онтологии ислама взаимосвязано.

Прежде всего стоит различать такие виды взаимосвязи, как связь по сущности и по видимости (явления). Можно выделить четыре вида взаимосвязи — две по сущности и две по видимости. По сущности: (1) скрытый пантеизм и (2) полный пантеизм. По видимости: (1) полный отрыв, по сути, одного от другого и (2) когда есть третья — их объемлющая и связывающая, — фон и грань которой нейтральны.

Постараемся разобрать каждую модель по отдельности.

Пантеизм — философское учение, отождествляющее Бога и мир. Из современных течений ислама представители модернизма придерживаются этой модели в обоснование своих идей об устройстве мира. Они в основном опираются на пантеистические взгляды Ибн Араби (1165-1240) и аль-Фараби (870-950)¹.

Ибн Араби известен своей концепцией «вахдат аль вуджуд», что означает «единство бытия»². Суть этой концепции состоит в том, что в силу Своей Абсолютной Совершенности Аллах Един, потому что множественность подразумевает несовершенство. В своей работе «Великий шейх суфизма» А.В. Смирнов пишет: «Первооснова континуума бытия должна быть понята как столь же трансцендентная, сколь и имманентная ему... Бытие понимается как единое и множественное одновременно; вопрос заключается не в том, чтобы понять связь единого бытия с множественным, а в том, как мыслить само единство бытия множественным, или саму множественность единой»³.

Аль-Фараби — основоположник арабоязычного перипатетизма — тоже строит свою пантеистическую модель мира. В своем «Трактате о взглядах жителей добродетельного города» он отмечает, что все созданное Первым Сущим находится в Нем⁴. Тождество Первого Сущего с деятельным разумом свидетельствует о пантеизме в гносеологической системе аль-Фараби.

Согласно скрытому пантеизму то и другое (трансцендентное и имманентное) пересекаются и смешиваются в некой точке. В концепции «единства бытия» суфизм вводит между Абсолютно Трансцендентным (Аллахом) и имманентным некую «третью вещь», которая нейтральна, т.е. она не обладает никакими свойствами и качествами — ни бытием, ни небытием. Напрашивается вывод, что эта «третья вещь» и есть та точка, в которой происходит переход трансцендентности в имманентность. Точкой пересечения можно назвать и душу человека, т.к. душа, согласно Корану (38 сура «Сад»), является той чистой сущностью, которую даровал каждому человеку Аллах. Значит человек (его душа) является тем, с кем Трансцендентное пересекается и смешивается.

Говоря о полном пантеизме, можно отметить возможность существования и такого варианта, как присутствие имманентного в Трансцендентном полностью, так как Бог — это еще и Всеобъемлющее. Переходя к полному отрыву одного от другого, можно заметить, что Трансцендентное (Аллах) имел контакт с пророком Мухаммадом через архангела Джабраила (Гавриил). Здесь мы видим момент «чуда». Полный пантеизм предполагает, что все находится в одном или одно во всем, т.е. множество в единстве или единство в множестве.

В модели по видимости, когда мы говорим о полном отрыве одного от другого (в каком-то месте чудо — событие резонанса), можно обратиться и к исихазму. Исихазм («спокойствие, тишина, уединение») — особого рода мистическая практика православных монахов (исихастов), в которой применяется безмолвная молитва ра-

ди созерцания Божественного света (Фаворского света, который исходил от Христа при преображении на горе Фавор). В основе философии исихазма лежит представление о том, что можно созерцать непознаваемое (Бога) посредством молитвы, совместенная с трезвением за всеми исходящими изнутри помыслам, способствующая очищению ума и сердца и подготавливающая подвижника к богосозерцанию. Разумеется, речь не идёт о буквальном, физическом созерцании, а о духовном, «внутреннем» узрении. Сюда можно отнести мистицизм Аль-Газали (1059–1111)⁵.

Третья — их объемлющая и связывающая, фон и грань которой нейтральны, указывает на софиологию (учение о мудрости). Третьим может служить и молитва, и Коран.

Теперь можно проследить, как отнесется это взаимосвязи к категориям «трансцендентное» и «имманентное» в религиозно-философской онтологии ислама. Стоит также отметить, что в исламе не исключается и радикальная недоступность Бога для человека. Это было характерно для мутазилитов (обособившиеся), которые считали, что даже Атрибуты (99 Имен Аллаха) Бога — это есть суть атропоморфизма (например, «Милосердный» означает, что у Бога есть сердце, сострадание и т.д.).

Получается, что мы не можем говорить ни о каких пересечениях трансцендентного с имманентным? Совсем нет.

Один из мутазилитов — аль-Ашари, — в честь кого было названо одно из течений Ислама (ашаризм), выдвинул свои доводы относительно понимания Атрибутов Бога. Аль-Ашари считал, что не стоит ставить разум выше веры, как это делали мутазилиты. Он говорил, что надо признать наличие всех 99 Атрибутов у Аллаха, но, присутствуя как определенные понятия в нашем разуме, эти Атрибуты в отрыве от своей сущности не обладают существованием в реальности. По его мнению, мусульманин должен признавать все Атрибуты, «не спрашивая как» (би ля кайфа). Отсюда следует вывод, что особенностью ислама, в отличие от других религий, является то, что взаимосвязь трансцендентного и имманентного со временем менялась.

Подводя итог, следует отметить, что характер взаимосвязи трансцендентного и имманентного в современной онтологии ислама претерпевает изменения в определенные периоды своего развития. Традиционалисты считают, что категории «трансцендентный» «имманентный» необходимо строго различать, а модернисты — что все есть одно, т.е. трансцендентное переходит в некоем «промежуточном» пространстве в имманентное. Но однозначно можно утверждать, что у модернистов и традиционалистов есть структурная близость моделей мира взаимосвязи трансцендентного с имманентным.

¹ См.: *Смирнов А.В.* Великий шейх суфизма (опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби). М., 1993; *Он же.* Бог, человек, общество в традиционных культурах Востока. М., 1993; *Он же.* Энциклопедические статьи по классической арабской философии. М., 2004.

² См.: *Кныш А.Д.* Мироззрение Ибн Араби // *Религии мира.* М., 1984.

³ *Смирнов А.В.* Великий шейх суфизма (опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби). М., 1993. С. 127–129.

⁴ См.: *Аль-Фараби.* Трактат о взглядах жителей добродетельного города // *Философские трактаты.* Алма-Ата, 1970.

⁵ См.: *Аль-Газали Абу Хамид.* «Весы деяний» и другие сочинения. Ансар, 2004; *Он же.* «Наставление правителям» и другие сочинения. Ансар, 2005; *Он же.* Исследование сокровенных тайн сердца. Ансар, 2006; *Игнатенко А.А.* Познать непознаваемое (аль-Газали о рациональном познании трансцендентного) // *Средневековая арабская философия. Проблемы и решения.* М., 1998; *Керимов Г.М.* Газали и суфизм. Баку, 1969.

Социально-философские проблемы войны в творчестве российских мыслителей в конце XIX — первой половине XX века

В работах отечественных мыслителей конца XIX — первой половины XX века ставились многочисленные проблемы, имеющие отношение к философскому осмыслению войны и ее роли в жизни общества. К ним можно отнести социально-экономические проблемы, проблему роли войны в формировании национального государства, проблему влияния войны на социальные отношения между различными классами, проблему войны как процесса взаимодействия стран, народов и цивилизаций и многие другие проблемы.

На рубеже XIX–XX вв. человечество жило предчувствием страшных потрясений, коренных перемен, прежде всего связанных с ожиданием целой мировой войны, вызванной кризисом мировой культуры. Последняя четверть XIX и начало XX века, оказались временем существенных сдвигов в военном деле. Войны из борьбы армий стали перерастать в межгосударственное противоборство народов, их экономик, общественно-политических организаций и культур. Они угрожали «разрушить сложные механизмы организации общественной жизни, обречь массы людей на уничтожение, нищету, физическую и морально-психическую деградацию»¹.

Многие мыслители того времени обратили свой взор к социальной обусловленности войны. Вопрос о войне, ее происхождении, историческом предназначении и социальной обусловленности, стал одним из центральных предметов исследований рубежа XIX–XX вв. Философская мысль стремится постичь смысл и природу войны. В числе первых, кто почувствовал «бесплодность одних моральных осуждений» войны, были гениальный знаток человеческой природы Ф.М. Достоевский, крупнейший философ России В.С. Соловьев.

Целью войны, по мнению Ф.М. Достоевского, являются не убийства, а вечный мир. Но, кроме того, необходимо еще и выяснить нравственное значение войны: несет ли война горе и разрушения, или она несет обществу нечто ценное, доброе, что редко встречается в мирное время. В этом, по мнению Ф.М. Достоевского, заключается нравственный парадокс войны.

С исторической точки зрения, по мнению В.С. Соловьева, война позволительна, а иногда может быть и полезной. Мыслитель анализирует факт о последствиях войны, с одной стороны «... война есть зло и что чем меньше ее, тем лучше, а с другой стороны, все серьезные люди и теперь понимают, что есть такого рода зло, которого полное устранение в настоящее время еще невозможно. Значит, дело идет не об уничтожении войны, а об ее постепенном и, может быть, медленном введении в теснейшие границы»². В.С.Соловьев убежден в огромном значении войны в истории человечества, выражавшемся, по его мнению, в политическом объединении человечества и в сужении области войны. Более того он говорит о неизбежности войны³.

Свой прогноз о войне цивилизаций В.С. Соловьев сделал в конце своей жизни, когда заметно уменьшилась его вера в высокое предназначение России, ее цивилизации. Охваченный пессимистическими настроениями, вызванными мыслями о конце мира, конце всемирной истории, он связывал с наступлением «панмонголизма» — диктат Китая и Японии, объединивших азиатский мир, — пройдя через который европейская цивилизация, и в целом человечество, по его убеждению, вступит

в эпоху вечного мира (кстати, подобные аналогии возникают при чтении работы С.Хантингтона «Столкновение цивилизаций»). Также он отмечает, что такое политическое единство не будет прочным, если завоевано посредством диктата одного государства над другими, одной цивилизации над остальными. Данная идея В.С. Соловьёва очень близка идее западного мыслителя А. Тойнби, который считал, что человечество не сможет достичь политического и духовного единства, следуя западным путем, так как об этом свидетельствует вся внутренняя история западного общества⁴.

Анализ воззрений Е.Н. Трубецкого на проблемы войны, интересен тем, что философ не имеет цели оправдать или осудить войну, он пытается раскрыть внутренний сущностный смысл войны с точки зрения культурно-исторической миссии России, российской ментальности.

Так, по мнению философа, войны, в которых пришлось участвовать России в течение XIX начале XX века, вызвали мощный духовный перелом, проявившийся в стремлении к единой целостной России. Е.Н.Трубецкой указывает, что подлинная сущность русского народа заключается в его национальном единстве. Россия принимала участие в европейских войнах, все они с нашей стороны носили освободительный характер. Наша страна никогда не преследовала захватнических интересов и при этом, это было служение общечеловеческим целям. Россия, участвуя в войнах, по мнению русского философа, обретала духовное единство и целость, в этом проявлялась особенность русского национального патриотизма. Мыслитель указывает, что не нужно путать национализм и патриотизм. По его мнению, национализм чужд русскому патриотизму, исходя из этого, сознание русского национального интереса тесно связано со справедливым и человеческим отношением к другим народностям. Россия призвана служить, по мнению философа, высшей сверхнародной культуре. Что касается смысла войны, то Е.Н. Трубецкому она представляется в том, что Россия совершила огромный шаг в самосознании и в самопознании.

Реализацию идеи о конце истории Н.А. Бердяев видит в первой мировой войне. Тот толчок, который приведет к слиянию и «совершенно небывалому историческому соприкосновению и сплетению восточного и западного человечества». Эта война была воспринята им как завершение гуманистического периода истории с доминированием западно-европейских культур и начало преобладания новых исторических сил, прежде всего России⁵. В этой войне Н.А. Бердяев видит, безусловно, положительный момент. По мнению русского мыслителя, определяющую роль в жизни человечества может сыграть только славянская раса, которую будет возглавлять Россия. Н.А.Бердяев считал войну, которая шла в этот период, не только справедливой, но и «духовной», святой. Русский философ отмечает, что она может пробуждать глубокое чувство народного, национального единства, преодолевать внутренний раздор, выявлять лик России.

С.Н. Булгаков указывает на особенности современных ему войн, которые носят окраску национально-экономического соперничества, являясь порождением борьбы за мощь и богатство, за мировую гегемонию, имея целью порабощение экономическое и политическое. Мировые современные войны нацелены на приобретение новых территорий, рынков и сфер влияния. В ход мировых войн, по мнению мыслителя, втягиваются новые страны. В то же время взгляды С.Н. Булгакова на войну достаточно противоречивы, с одной стороны, как он указывает, на то, что войны опустошительны, приводят к гибели огромные массы людей, а с другой стороны, существует некоторая общая духовная прививка «новой истории», сверхнародная или общенародное единство новейшей европейской цивилизации. Идёт развитие нового

самосознания человека: отвлечённое просветительство, рационализм, эгоцентризм, материализм теоретический и практический. Мыслитель отмечает, что войны, в которых участвует Россия, являются священными.

Почитатель гения К.Клаузевица, выдвинувшего теорию «интегральной» войны на уничтожение, В.И. Ленин выделяет особый тип войны — империалистический. В связи с чем, разрабатывает особое учение о войне. Данное учение основывается на классовом подходе к пониманию исторического процесса. В.И. Ленин отмечает, что в ходе таких войн, начинается гонка вооружений, борьба за рынки сбыта, династические противоречия порождают войны. Происходит захват земель, покорение чужих наций, грабёж богатств наций. Правительства, по мнению вождя пролетариата, делают это для того, чтобы отвлечь внимание трудящихся масс от внутренних политических кризисов, разъединить рабочих, в целях ослабления революционного движения пролетариата.

В первой половине XX века произошло разделение взглядов на причины, характер и последствия войн. Развитие этих взглядов происходило в рамках марксистско-ленинского учения о войне и армии и в трудах представителей русского зарубежья. В них были значительные расхождения, связанные с идеологическим антагонизмом авторов этих школ, но были и точки соприкосновения, которые лежали в области понимания социального характера войн. Это представляет, на наш взгляд интерес с точки зрения исследования философской разработки комплекса проблем, связанных с войной как социальным феноменом.

---

¹ Сорокин П.А. Причины войны и условия мира. М., 1995. С. 113.

² Соловьёв В.С. Под пальмами. СПб., 1899. С. 217.

³ Соловьёв В.С. Смысл войны // Русские философы о войне. М.; Жуковский, 2005. С. 54–55.

⁴ Тойнби А. Постыжение истории. М., 1991. С. 37–39.

⁵ Русская философия: Энциклопедия / Под общ. ред. М.А. Маслина. М., 2007. С. 47.

Ермашов Д.В.

Методологические основания и проблемы изучения русского консерватизма

Для исследователя консервативной идеологии давно не является секретом то утверждение, что в интерпретации консерватизма до сих пор не достигнуто научной строгости — зачастую его смысл и содержание предполагается чисто интуитивно, он скорее подразумевается, чем осознается. Еще большие сложности ожидают исследователей при обращении к теме русского консерватизма, поскольку к общетеоретическим проблемам идентификации консерватизма в целом, перед ними встают вопросы выявления специфики консервативной идеологии в России. На наш взгляд, весь комплекс методологических затруднений в данном случае можно свести к следующим пунктам.

1. Разброс оценок и мнений о природе консерватизма в значительной степени обусловлен трудностью его содержательного определения, что объясняется, по меньшей мере, двумя наиболее общими причинами методологического характера.

Во-первых, в подавляющем своем большинстве теоретики консерватизма склонны считать себя, прежде всего, прагматиками, отрицающими значимость абстрактных рецептов в политике и сосредоточивающими все свое внимание на конкретных механизмах урегулирования тех или иных проблем в условиях общественных кризисов. Как писал известный американский консерватор Р. Керк, «консерватизм не идеология; скорее всего это просто подход к политике».¹ Соответственно этому, в каждом отдельном случае содержание консервативной программы или теории ставится в зависимость от требований эпохи, в результате чего вариантность объектов консервативной фиксации увеличивается, что в свою очередь увеличивает и число характеристик и признаков консервативного идейно-духовного комплекса.

Иными словами, существующие определения консерватизма имеют функциональный характер, выражают реакцию на социальные изменения. И. в этом смысле консерватизм чрезвычайно многолик, вариабелен и мобилен, проявляя такое свойство как динамизм, если сравнивать с первоначальным набором консервативных идей в начале XIX века, которые выражают его статику.

Во-вторых, на вышеуказанную проблему разнообразия конкретно-исторических типов консерватизма накладывается не менее сложная проблема его трансляции на инациональный язык: в отличие от универсальных идеологий социализма или либерализма консерватизм всегда представляет собой сугубо национальное явление, что с присущей ему прямоотой четко сформулировал еще выдающийся консервативный мыслитель К.Н. Леонтьев: «Охранение у каждой нации свое, у турка — турецкое, у англичанина — английское, у русского — русское; а либерализм у всех один».²

Действительно, либерализм, основанный на утверждении ценности человеческой личности, свободной от групповых, классовых, национальных и иных убеждений; и социализм, исторически связанный с надеждами масс на общую во всех странах общественную справедливость, солидарность, социальную защиту личности, — представляют собой ярко выраженные типы универсальной, интернациональной, единой и потому часто претендующей на обладание истиной в последней инстанции идеологии. Консерватизм же отличается немалой региональной и культурно-цивилизационной спецификой — в каждом отдельном культурном пространстве он национально-своеобразен, оригинален и, более того, почти всегда имеет националистический оттенок. В отличие от теорий либерализма или социализма, предлагающих свои системы власти и организации общества, для консерватизма не существует теоретически заданных стандартов воплощения того или иного политического и общественного института. Главное — не его форма, а сохранение того содержания, которое в разных странах, у разных народов, в различные исторические эпохи неодинаково. Все это приводит к тому, что каждый период истории, каждая нация привносит в понимание консерватизма что-то новое, свое, особенное, а это в свою очередь ведет к несовпадению национально-специфических особенностей с общими признаками.

Иными словами, консервативная теория довольно аморфна и разнородна, она всегда создается применительно к определенным историческим обстоятельствам и поэтому конкретные политические программы всегда представляют собой некий отбор идей, осуществляемый для решения реальных задач, порой весьма отличающихся от тех, в контексте которых первоначально создавались базовые положения

теории. Кроме того, эти программы вынуждены учитывать не только “идеальные” принципы теории, но и возможности реальной политики.

Поскольку консерватизм отличается рядом особенностей в рамках разных национальных традиций, постольку отдельные аспекты его теории (экономические, политические, этические) иногда противопоставляются друг другу. Таким образом, мы имеем дело с множеством теорий, объединенных некими общими принципами, приверженность которым отличает консерватизм от других идеологий. Причем принципы эти допускают разные интерпретации, могут комбинироваться весьма причудливым образом, являются основанием для самых неожиданных, подчас опровергающих друг друга аргументов.

2. На вышеуказанные проблемы пространственно-хронологической системы координат консервативного плюрализма накладывается еще одна, сугубо российская проблема, обусловленная спецификой отечественного исторического развития, а именно — проблема определения базовой традиции консервативной идеологии. Поскольку общим для всех разновидностей консервативной мысли является их отношение к прошлому, постольку консерватизм вообще отличает стремление опереться в своих теоретических поисках на ту или иную историческую традицию. При этом характерно, что появление традиционализма, как это доказывается в научной литературе, — сигнал начинающегося разрушения традиционной культуры. В этом смысле традиция становится проблемой только за пределами традиционной эпохи, в переходное, кризисное время. Иными словами, если наблюдается факт возникновения пристального внимания к традиции, то речь уже идет об определенной реакции на угрозу социальному порядку, освященному временем укладу жизни, который теперь нуждается в защите и требует рационального осмысления происходящего.

Но на какую традицию или традиции может опираться современная отечественная консервативная идеология в условиях, когда за последние три с небольшим столетия определяющая вектор исторического развития страны традиция кардинальным образом менялась? Реформы Петра I, революция 1917 года, антикоммунистическая революция 1990-х годов означали собой не только разрыв с предыдущей традицией, но и полное уничтожение таковой. Т.е. какую традицию защищать, сохранять и развивать призван современный консерватор?

3. Еще одну проблему нельзя не отметить отдельно. Сегодня, когда слово «либерал» в России воспринимается с большой долей скепсиса, многие говорят об историческом рванше и о своеобразной «победе консерватизма». Однако, такие оценки являются преждевременными хотя бы по той простой причине, что если и можно говорить о «победе» русского консерватизма, то необходимо при этом учитывать, что последний «побеждает» ценой утраты собственной идентичности: сегодня ему трудно предложить оригинальную программу, которая отличала бы его от других современных политических течений. Из идеологии он превратился в сверх-идеологию, некий набор принципов, определяющих рамки и правила идеологической и политической коммуникации. Поэтому и не удивительно, что причислить себя к сторонникам консервативной идеи сегодня стало едва ли не нормой политического этикета. О приверженности консервативным ценностям заявляют представители самых разных, а порой и прямо противоположных, политических сил в современной России, и только лишь перечисление фамилий «консерваторов» займет немалое количество времени. При этом нельзя не заметить, что о содержании понятия консерватизм и феномене, им обозначаемом, большинство из них имеют весьма смутное представление. Все это — помимо прочего — еще одно подтверждение известного тезиса о принципиальной непереводимости западной политической лексики на русский

язык, тезиса о невозможности адекватной трансляции европейских научных понятий на русскую почву.

В полной мере это касается и термина «консерватизм», который — при всем многообразии вариантов его использования — употребляется у нас в смыслах, в которых он «живет» в западной науке и западной обществоведческой мысли и которые, в конечном счете, имеют очень малое отношение к российской действительности. Поэтому при анализе русской истории слово «консерватизм» очень часто вообще не несет никакой смысловой или ценностной нагрузки. Аналогичным образом складывается ситуация и в области исследования теоретических принципов консерватизма, которые в ряде случаев полностью не соответствуют как содержанию русской мысли в целом, так и ее истории. Иными словами, хотим мы этого или нет, но мы оперируем понятиями, изъятymi из западноевропейского дискурса, перенесенными из чужого языка и чужой культуры, и поэтому пользуемся конструкцией, идеологическое наполнение которой было вызвано к жизни и сформировано (исстари или относительно недавно — не важно) абсолютно другими, т. е. не российскими, не русскими явлениями исторического, социального, культурного, духовного и т. п. порядка. Каким образом, предположим, имея в своем теоретическом арсенале «общие» (читай — «западные») концепты консерватизма, характеризовать славянофилов? Что можно сказать о Н.С. Лескове, кроме того, кем он не был, т. е. не либералом и, тем более, не социалистом? О В.В. Розанове? Об А.С. Суворине? Какие классификации течений в русской мысли в наибольшей степени адекватны ее подлинной истории? Очевидно, что средствами общепризнанной научной логики и понятий на эти вопросы дать ответы крайне затруднительно. Иначе мы получаем такие искусственные термины-гибриды, как, например, «консервативный либерализм».

4. При рассмотрении проблемы возможных вариантов развития консерватизма в России, следует учитывать, что данный вопрос имеет не только «внутреннее», специфическое для современной российской ситуации измерение, но и общечеловеческий, глобальный аналитический модус. Итоги развития человеческого сообщества к началу третьего тысячелетия обнаружили целый ряд масштабных и сверхсложных трудностей, решение которых требует поиска причин создавшегося цивилизационного кризиса, ставящего на повестку дня современности вопрос о наступлении эры идущего на смену либеральной парадигме консерватизма.

Среди западных ученых все более утверждается факт «великого запустения», в котором «преобладает сейчас этос» либерального капитализма (И. Кристал). В общепhilософском срезе рассмотрения этого факта кризис современной цивилизации заключается, главным образом, в неспособности человечества, руководящегося либеральными принципами, к самоограничению и признанию необходимости «пределов роста». Другими словами, индивидуализм и свобода личности, основанные на пафосном гуманизме либеральной философии, развиваясь в соответствии с концепцией линейного прогресса и неограниченных возможностей (и, разумеется, потребностей) людей, приводят к техницизму, технологизму и т. п. и, в конечном итоге, к дегуманизации человеческой жизни, отрывая ее «от ритма природы».

В свете этого, современная наука в целом фиксирует не просто «кризис» или «упадок» либерализма. Проблемы современного мира — сохраняющееся отчуждение граждан от экономической и политической власти в обществе, кризис ценностей индивидуализма, коммерциализация всех сторон социальной жизни, возблание массовой культуры и универсальных стандартов потребления и т. д. (не говоря уже о глобальных проблемах человечества) — вопреки мнению отдельных политологов, утверждающих, что либерализм, исчерпав себя на политическом

уровне, продолжает сохранять свое значительное влияние как «мировоззренческое кредо» — позволяет говорить о «крахе» или «конце» либерализма». Вполне естественно, что для решения задачи адекватного ответа человечества на вызовы сегодняшнего времени призвана если не прямо консервативная, то, во всяком случае, никак не либеральная общественно-политическая и социально-философская парадигма. В этом смысле консерватизму дан исторический шанс проявить себя, едва ли не впервые в человеческой истории попав нога в ногу в ритм общецивилизационного развития. В нынешних условиях именно консерватизм наиболее реалистично и адекватно оценивает существующее положение вещей, претендуя на действительное отстаивание, а не просто формальное признание (что в первую очередь характерно для либералов), ценностей человеческого существования в реальной политической и социальной практике. В данном контексте следует признать усиление консервативных тенденций не только в мире в целом, но и в каждой из его стран в отдельности, не исключая, разумеется, и России.

Чтобы решить большинство из вышеобозначенных проблем, необходимо, на наш взгляд, расширить тематические рамки анализа консерватизма и особо задуматься над тем, что консерватизм — это вообще исторически первый тип мировоззрения, генетически первый сформировавшийся стиль мышления. И речь здесь идет вовсе не о традиционализме (в манхеймовском смысле), или о стихийном, бессознательном, инстинктивном консерватизме, а том, что консерватизм, предшествуя либерализму и социализму, несравненно шире их по охвату форм сознания и имеет более прочный гносеологический фундамент. Консерватизм, тесно связанный с идеей порядка и, соответственно, с авторитетом и традицией, возникает, пожалуй, чуть ли не одновременно с признанием необходимости порядка, что в социуме неизбежно предполагает феномен власти. И поэтому консерватизм возникает тогда, когда власть структурирует, организует то или иное сообщество, развивая человеческие формы общественности до форм государственности. Разумеется, при этом еще нельзя говорить о приемах этого стиля мышления, тем более — о принципах порождаемой им идеологии, все это будет развиваться своим чередом, — главное подчеркнуть (перефразируя известные слова И.А. Ильина), что возраст консерватизма есть возраст самого государства. И если анализировать феномен отечественного консерватизма, опираясь на сказанное выше, то в первом приближении получается, что консервативный стиль социально-философской рефлексии является исторически первым на Руси, а его формирование практически совпало по времени с процессом образования древнерусского типа государственности.

---

¹ Керк Р. Мысли об американском консерватизме // Америка. 1981. № 298. С. 2.

² Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? // Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М., 1992. С. 322.

Проблема конфликта в творчестве А.С. Панарина

Чтобы понять место, занимаемое проблемой конфликта в творчестве Александра Сергеевича Панарина, стоит обратиться к его творческой биографии, так как в ней можно найти ответ на поставленный вопрос. А.С. Панарин родился в 1940 году, в период между началом первой мировой и началом Великой Отечественной войны. Исторические события 1939–1945 гг. в огромной степени повлияли на судьбы мира и не могли не оказать влияния на жизнь молодого человека, появившегося на свет в этот переломный момент истории, не только в плане личной, но и творческой судьбы. «Хрущевская оттепель» сформировала у него критическое отношение к истории своей страны, но не подорвала любви к Отечеству, которая была характерна для большинства советских людей того периода. Вехи его творческого пути свидетельствуют о своеобразии его научных устремлений, преломивших как в призме события недавней истории. После окончания Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в 1966 г., которое прерывалось в связи с отчислением, и аспирантуры философского факультета в 1971 он защитил кандидатскую диссертацию в 1974 г. по теме «Критика социальной доктрины Жана Фурастье». Работа над кандидатской, а впоследствии и докторской диссертацией определили направление его научных интересов. Ни в коей мере нельзя отказать А.С. Панарину в оригинальности его идей, выдвинутых в различных работах, но нужно признать, что эти идеи формировались и окрепли в ходе заочного диалога с западной, по преимуществу французской философской, социально-политической и экономической мыслью. Занимаясь критикой социальной доктрины Ж.Фурастье¹, А.С. Панарин совершенствовал методологию критического рассмотрения социальных учений как таковых. Это сыграло неоценимую службу в его дальнейшей теоретической эволюции и в значительной степени определило его оппозиционные настроения по отношению к окружающей его социальной и политической реальности. Выбор темы кандидатской диссертации молодым советским ученым, на наш взгляд, был очень удачным, потому что он познакомился с творчеством по достоинству уважаемого мыслителя Франции, известного своими философскими, экономическими и социологическими трудами не только в своей стране, но и за ее пределами. Многие темы в творчестве А.С. Панарина были созвучны проблемам, которые ставились Ж. Фурастье в его работах, однако их осмысление всегда носило у русского ученого оригинальный характер.

Докторская диссертация «Современный цивилизационный процесс и феномен неоконсерватизма» (1991 г.) явилась следующей важной вехой научного восхождения А.С. Панарина. Во главу угла исследования легли два актуальных явления современности, оказывающие сильное влияние на развитие современного мира. Интерес был не случайным, так как автора интересовали процессы социокультурного и политического развития мезо- и макро- уровня. Недаром одним из приоритетных направлений исследований А.С. Панарина являются глобализационные процессы. Осмысливая происходящее в сфере международных отношений, автор не мог пройти мимо такого важного момента, как новый миропорядок и способы его установления. Поэтому проблемы войны, терроризма, социального конфликта привлекали неподдельный интерес ученого. В этом контексте уместно напомнить о таких работах

А.С. Панарина, как «Наше ближайшее будущее безнадежно устарело» — статья, опубликованная в 1997 г., в которой автор дает геополитический прогноз развития политических систем на ближайшие десятилетия. В ней ставится вопрос о возможности глобальной гражданской войны бедных с богатыми. Причиной этому является бедственное положение обнищавших слоев, загнанных в угол и вынужденных создавать глобальные силы самообороны. Такой футурологический прогноз достоин сравнения с похожими идеями К. Шмитта, писавшего о «мировой гражданской войне»². Реакция российского политолога на события 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке была моментальной, но не совпадающей с официальной позицией. Она была отражением его взглядов на национальные интересы России и призывом к их осознанию российским истеблишментом. Такое отношение к предполагаемому втягиванию России в русло американской антитеррористической политики было здоровой реакцией российского мыслителя, пережившего последствия горбачевской инициативы с «общечеловеческими ценностями», которые привели к печальным геополитическим и геостратегическим результатам для России. Свою позицию он четко изложил в своем выступлении «Онтология террора» в МГУ на «круглом столе», организованном сразу после терактов в Нью-Йорке.

Будучи достойным продолжателем традиций русской философии в осмыслении войны как социального процесса, А.С. Панарин посвятил объемное исследование роли российской интеллигенции в войнах и революциях XX века³. Название этой работы показывает, насколько его исследование подпадает под критерии, выдвигаемые французской школой полемологии к тематике исследований войны⁴. По объему и характеру оно напоминает большое исследование, осуществленное Г. Бутулем и Р. Каррером «Вызов, брошенный войной (1740–1974), два века войн и революций»⁵. Жан Фурастье, будучи членом Французского института полемологии, в предисловии к этой книге отмечает сложность познания войны: «Человечество умеет с точностью до доли секунды рассчитать затмение спутников планеты Юпитер, оно умеет создать электронно-вычислительные машины, способные обработать десятки миллионов данных в минуту, но не умеет ни предвидеть, ни избежать ни гражданского насилия, ни войны с иностранными государствами, которые в течение тысячелетий поливают и продолжают поливать кровью земные города и веси... Такое положение дел зависит, вполне очевидно, от того, что политическая и социальная сфера гораздо труднее поддается изучению, чем сфера астрономии, электроники или физики, хотя все и каждый беспартийно рассуждают о политике, в то время, как редкий среди нас возьмет на себя смелость свободно обращаться с алгоритмами, используемыми точными науками»⁶. Он ратовал, как и основатель полемологии Г. Бутуль, за создание «новой науки о войне» — полемологии. Методология и содержательная сторона названного исследования получили развитие в следующем коллективном труде французских полемологов — «Войны и цивилизации (от предистории до ядерно-космической эры)»⁷.

Но одной тематикой полемологические аспекты творчества А.С. Панарина не заканчиваются. Работа «Стратегическая нестабильность XXI века», опубликованная в журнале «Москва», № 4–12 в 2002 г. показала, насколько важна полемологическая составляющая проблемы стабильности современного мира. Из четырех глав работы две посвящаются проблеме военного конфликта как средства разрешения социального конфликта. Футурологические предвидения автора сразу рисуют перспективы развития отношений между основными субъектами международных отношений. Название первой главы имеет характер предвидения — «Третья мировая война как судьба поколения XXI века». В ней автор дает анализ ситуации и обосновывает вы-

двинутый тезис. Это обоснование носит методологически честный характер, так как используемый автором инструментарий является нейтральным средством, используемым для идеологически непредвзятого анализа политических систем разного типа. Здесь присутствует тонкий социально-философский анализ политических реалий, сложившихся в результате поражения Советского Союза в «холодной войне». Он свободен от мифов и идеологем, направленных на индоктринацию массового сознания, он направлен на выяснение глубинных причин событий постсоветского периода.

Почему война занимает столь важное место в процессе анализа указанного исторического периода? Потому, что автор искренне обеспокоен судьбами человечества, в силу того, что слишком многое поставлено на карту. Он недвусмысленно указывает на инициатора обострения напряженности в мире и дает подробные объяснения этому феномену. Приведем лишь небольшой фрагмент из рассуждений А.С. Панарина: «Люди «старого типа» умели долго ждать и жили неторопливо. Патологическая торопливость человека новой формации объясняется не только чрезвычайным ускорением современного ритма жизни. Наряду с вмешательством техники, лихорадящей нашу жизнь, не меньшую роль играет вмешательство идеологии, подстегивающей нас в глубинно-экзистенциальном смысле. Сегодня самым идеологическим народом на земле, несомненно, являются американцы. Полнота их идентификации с новым великим учением объясняется тем, что по меркам этого учения именно они являются «избранным народом», именно им вручена миссия и обещано конечное торжество. Поэтому и решения, которые принимает Америка, — это апокалипсические решения, отмеченные близостью окончательной разводки исторической драмы человечества. Мировая война за окончательное торжество либерального идеала во всем мире для США — то же самое, что мировая революция для большевиков первого призыва. Как те, так и другие уже не способны воспринимать людей другой формации обычным человеческим образом: они наделяют их демоническими чертами носителей последнего зла. Вопреки всяким разглагольствованиям о толерантности, плюрализме, диалоге и прочих реликтах старого либерального сознания, новое либеральное сознание абсолютно монологично, абсолютно закрыто для апелляций извне, для свидетельств другой позиции и другого опыта»⁸.

А.С. Панарин применяет многоуровневый анализ, рассматривая проблему как изнутри, так и снаружи. Он стремится выявить пружину изменений, происходящих в глобализирующемся мире. Это происходит через различные подходы к раскрытию мотивов субъектов, заинтересованных в закреплении полемогенных факторов. Кстати, российский политолог ищет причины постоянной конфликтности не только в области международных отношений, но и в политической антропологии, политической психологии, геополитике и т. д.: «На самом деле осознание социального контекста новейшей мировой войны и стоящей за нею истории классового противостояния позволяет увидеть логику в событиях, казалось бы, лишенных всякой логики, и увеличивает нашу способность анализа и предвидения. Социальный контекст мировой войны, или социальная парадигма видения, не только дополняет недавно возобладавшую геополитическую парадигму, но и корректирует диктуемые ею стратегии. Геополитическое видение только по претензии является глобальным; на самом деле его квазинатуралистические, квазигеографические дифференциации и противопоставления зиждутся на презумпции укорененности в почву, в территорию. Социальная парадигма позволяет увидеть в поведении участников их транстерриториальные, транснациональные мотивы: здесь африканец может выступать в союзе с европейским безработным и против соплеменника и единоверца, находящегося по

ту сторону гражданской (классовой) границы. Совсем не случайно все успешные “рыночники” (рынок — категория, скрывающая буржуазную идентичность) в странах не-Запада, как правило, выступают в роли сторонников американского “нового мирового порядка”. Иными словами, эти рыночники приберегли для себя классовое сознание и классовую позицию в развернувшемся глобальном конфликте, одновременно запрещая сделать это тем, кто находится по другую сторону противостояния»⁹. Такой междисциплинарный подход в исследовании проблем стабильности вполне оправдан, так как достижение ее — это комплексный процесс, предполагающий динамичное взаимодействие многих факторов, реально влияющих на равновесие. Вместе с тем, А.С. Панарин утверждает относительный характер этого равновесия, которое может быть нарушено при определенных обстоятельствах. Многие люди озабочены проблемами, подвещающими их существование опасностям. Специалисты по конфликтам достаточно пессимистично настроены по отношению перспектив развития отношений между государствами. Ив-Мари Лолан так охарактеризовал будущее международных отношений: «В любом случае, война в Заливе лишь простой, относительно небольшой эпизод в череде геополитических подземных толчков, которые потрясут весь мир»¹⁰. Такая мрачная перспектива волнует также умы передовых ученых планеты, осознающих наличие критических точек, которые могут стать источником катаклизмов мирового масштаба. Так, например, в январе 1988 года в Париже на конференции лауреатов Нобелевской премии под названием «Надежды и опасности накануне XXI века» обсуждались насущные вопросы мирового развития. Конференция была организована по инициативе Президента Франции Ф.Миттерана и лауреата Нобелевской премии мира 1986 года Э. Визеля. В ней приняло участие 75 лауреатов Нобелевской премии. Многие из них в своих выступлениях отмечали опасные тенденции развития мирового сообщества I. Один из участников конференции — В.Леонтьев (лауреат Нобелевской премии по экономике за 1973 год) охарактеризовал дихотомию «богатые страны — бедные страны» как скандал нашего времени. Он подчеркнул, что, если эта проблема не будет решена, то это может привести к взрыву нищеты: «Богатые сидят на бочке с порохом»¹². Ученый утверждает, что это неравенство стало невыносимым, а поэтому все более и более опасным. На открытии этой конференции Ф. Миттеран сказал мудрые слова: «Принято противопоставлять работу ученого, которая создает только суждения о фактах, и политическую деятельность, которая направляет действия в соответствии с теми ценностями, которые мы выбираем. Я спрашиваю себя, действительно ли это классическое противопоставление всегда является хорошим методом, когда я вижу, как науки воздействуют на наши нравы, определяют наш выбор, формируют будущее. Политик сегодня должен держать себя скромно перед ученым, и чем более внимательным он будет к его трудам, тем в меньшей степени будет его заложником, тем меньше ему придется сталкиваться с проблемами, которые он не предвидел и не понял»¹³.

Характерно, что так же, как и в рамках французской полемологии, где на определенном этапе возникла новая расширительная трактовка полемологии не только как науке о войне, но и как науке о социальном конфликте¹⁴, А.С. Панарин органически рассматривает эти две стороны конфликтности во взаимной связи. Однако он идет в своих «полемологических» изысканиях гораздо дальше французских исследователей и их западных коллег из других стран, не пытавшихся создать системную объяснительную модель современного общества, проникнутого антагонизмом. В своих работах он не использует термин «полемология» и его производные, тем не менее, они пронизаны полемологическим контекстом. Российский философ затрагивает одну из принципиальных тем классической французской полемологии — демогра-

фию. Но снова он полнее, чем ортодоксальные полемологи рассматривает соотношения между демографией и конфликтогенными ситуациями. У него нет прямой зависимости между численным выражением населения и состоянием равновесия и безопасностью общества. Подобные корреляции лежат в работах Панарина в области сознания и психологии. Оценивая демографическую ситуацию, ее факторы и тенденции он пишет: «Недавние исследования, проведенные под руководством профессора И.А. Гундарова во Всероссийском государственном научно-исследовательском центре профилактической медицины, открыли неожиданный факт: оказывается, главным деструктивным фактором, вызывающим преждевременную смертность людей и снижение общей продолжительности жизни в национальном масштабе, являются не материальные лишения сами по себе, а чувство закрытой перспективы, исторической безнадежности. Исследования ведут к выводу о духовной детерминации здоровья нации. Материальное положение населения СССР в военном 1945 г. по сравнению с 1940 г. было несравненно хуже (потребление мяса сократилось на 62%, молока — на 51%, яиц — на 72%, сахара — на 55%, картофеля — на 54%). Тем не менее смертность у женщин (в отличие от воевавших мужчин) и обычная заболеваемость у мужчин значительно уменьшились. “...Оздоровительной силой стала энергия надежды, рожденная Сталинградской битвой... После войны в странах Восточной Европы, образовавших социалистическую систему, наблюдалось почти двукратное снижение смертности к середине 1960-х годов. Объяснять этот эффект ростом материального благосостояния невозможно, так как в Западной Европе, где достаток повышался значительно быстрее, такого улучшения здоровья не наблюдалось... Основное различие заключалось в том, что народы стран Варшавского договора устремились строить новое, как им тогда казалось, более справедливое общество, и эта духовная энергия оказала мощный оздоровительный эффект. Наоборот, вслед за окончанием хрущевской “оттепели” разочарование “застоем” привело после 1964 года к ухудшению здоровья и росту смертности. Неблагоприятные демографические процессы 1970-х годов разворачивались в странах социалистического лагеря на фоне непрерывного улучшения уровня жизни населения”. В СССР, как отмечается, этот фактор “веры и надежды” породил своеобразную циклическую динамику в демографической области. Перестройка создала новый климат “весенних ожиданий” в обществе, что немедленно сказалось в виде нового снижения смертности населения. Очередной кризис ожиданий, перерастание перестройки в “катастрофу”, в ситуацию перманентного распада немедленно отразилось на демографических показателях, приведя в конечном счете к нынешней демографической катастрофе»¹⁵.

В одном из номеров французского журнала «Полемологические исследования»¹⁶ обозначена предметная область полемологии, в которую включено достаточно много критериев, которые определены следующим образом: «Полемология изучает войны, мир и конфликты с применением насилия во всех их элементах: не только на событийном уровне; но также на уровне конъюнктур; но особенно и более глубоко на уровне структур (демографические структуры, демо-экономические, географические, исторические, политические, ментальные...) и функций»¹⁷. В работах А.С. Панарина отражены почти все из перечисленных сюжетов.

Одной из сильных сторон творчества А.С. Панарина является геополитический анализ. Это один из общих моментов в творческой биографии ученого. Проф. В.Н. Расторгуев пишет по этому поводу: «Его исследования легли в основу ряда масштабных научных программ... Становление русской цивилизации проводится во многом с опорой на методологию Панарина — с учетом социальных, геополитических и при-

родных факторов, а также этнокультурных особенностей российских регионов, их социального и экономического потенциала, специфики конфессий, исторически представленных на территории России и, прежде всего, с учетом особой миротворческой и государствообразующей миссии Русской православной Церкви»¹⁸. Рассуждения А.С. Панарина проникнуты пониманием геополитических реалий современного мира. Они приоткрывают завесу над очередной мифологемой, выгодной западной цивилизации и их адептам. В «Стратегической нестабильности XXI века» он пишет: «Геостратегическое мышление Соединенных Штатов «зреет» по мере того, как происходит все более откровенная социальная поляризация мира и открываются две противоположные перспективы: одна — для избранных, предназначенных для вхождения в новое информационное общество, другая, противоположная, — для отверженного большинства мира. Америке становится все более ясным, что новый мировой порядок — расистский по своей глубинной сути — не может держаться на какой-то инерции — он требует силового обеспечения. Следовательно, война, которую уже фактически начала сверхдержава, — это мировая гражданская война, разделяющая экспроприруемых и экспроприаторов. В этом — ключ к объяснению и самого характера войны, и сопутствующих ей «символических репрессий» — расчеловечивание жертв агрессии, выводимых за рамки цивилизованного отношения»¹⁹.

В связи с этим нам представляется странным тот факт, что не всегда среди коллег политологов существует объективная оценка вклада других представителей своего «цеха». Например, в главе «Геополитика» учебного пособия «Теория политики» под редакцией Б.А. Исаева в параграфе «Современная российская геополитическая школа» перечислены ведущие современные геополитики России. Среди них — имена А.Г. Дугина, В.В. Жириновского, Г.А. Зюганова, К.С. Гаджиева, Н.С. Мироненко, В.А. Колосова. Нет оснований оспаривать мнение авторского коллектива. Однако, к сожалению, в списке не нашлось места А.С. Панарину. Трудно назвать причину. Может быть, коллектив авторов не знаком с произведениями Панарина и их содержанием? Может быть, у него нет работ, где в названии присутствует термин «геополитика»? Может быть, не нравится резкость суждений автора и отсутствие политкорректности по ряду проблем? Нет нужды продолжать выдвижение гипотез по этому поводу. Из сказанного можно сделать вывод, что, наверное, наступает время обратиться к серьезному и беспристрастному исследованию творчества А.С. Панарина, что частично уже происходит. Здесь встает очень важный вопрос — о существовании научной школы, которая смогла бы обеспечить это. Понятие «школа» имеет немаловажное значение для понимания генезиса идей, их распространения, взаимодействия, их значения и авторитетности. Эти проблемы поднимались в работах отечественных ученых²⁰. Несмотря на расхождение в деталях на понятие «школы» в науке, авторы сходятся на его важности для систематизации взглядов различных мыслителей по какому-либо основанию (или основаниям). Сущностными моментами, выделяемыми различными исследователями для утверждения о существовании «школы» являются следующие:

- наличие группы ученых, объединенных единством основных взглядов, общностью или преемственностью принципов и методов; не обязательно объединенных в формальные научные коллективы, организационно оформленные и предполагающие субъективное осознание каждым членом своего отношения к нему;
- наличие выработанного отношения к другим школам или течениям;
- выбор и решение тех или иных проблем;
- выработка нового знания;
- существование определенной традиции и дальнейшее ее творческое развитие с возможностью ее модификации;

– связь с деятельностью ее основателя (основателей), предполагающая наличие отношений «учитель-ученик» и «основоположник-продолжатель».

Обращаясь к вопросу о школе, созданной А.С. Панариным, можно утвердительно сказать, что существует наследие, есть ученики и продолжатели и многое другое, о чем сказано выше, о чем хорошо пишет В.Н. Расторгуев в книге, посвященной 70-летию А.С. Панарина «Пророк в своем отечестве». Чтобы школа продолжала существовать и крепла, надо заинтересовать студентов, аспирантов и преподавателей творчеством российского философа и политолога. Ведь именно им в недалеком будущем предстоит расставить на свои места имена тех, кто внес вклад в развитие науки.

В заключении хотелось бы отметить: «...он заслуживает признания как философ и гуманист. Его творчество, прежде всего, является творчеством свободного человека, стремящегося к познанию, которому удалось это сделать, по крайней мере в личном плане, и который в течение жизни, в которой он остался верным своим ранним убеждениям, обрел, никогда не отдаваясь от него, природный оптимизм...»²¹. Эти слова были написаны Пьером Биз по поводу кончины Ж. Фурастье. Их можно в полной мере отнести к русско-му ученому А.С. Панарину. Истинные ученые похожи друг на друга независимо от того, где они родились. И то, что А.С. Панарин посвятил много внимания проблеме конфликта, лишний раз доказывает гуманистическую направленность его творчества.

¹ *Фурастье Жан* (1907–1990) французский экономист, социолог, философ, доктор права. Член Академии моральных и политических наук (с 1968 г.) Член Французского института полемологии. Автор многочисленных работ по экономике, социологии. Во многих работах постановка вопросов экономического и социального характера приобретает философское звучание. См.: *Note sur la philosophie des sciences*, Paris, Presses Universitaires de France, 1948, 36 p.; *Le Grand Espoir du XXe siècle. Progrès technique, progrès économique, progrès social*. Paris, Presses Universitaires de France, 1949, 224 p. — Rééd 1989 collection Tel Gallimard; *La Civilisation de 1960*. Paris, Presses universitaires de France, 1947. 120 p. (Coll. Que sais-je ? n° 279). Ed. remaniée en 1953 sous le titre : *La Civilisation de 1975*, en 1974, sous le titre : *La Civilisation de 1995* et en 1982 sous le titre : *La Civilisation de 2001*. 11e éd. : 1982. *La Grande Métamorphose du XXe siècle*. Essais sur quelques problèmes de l'humanité d'aujourd'hui. Paris, Presses universitaires de France, 1961, 224 p. *Prévision, futurologie, prospective*, Cours de l'Institut d'Études Politiques de Paris. 1973–74. Paris, Les cours de droit, 1974, 113 p. (ronéoté). *L'Église a-t-elle trahi ? Dialogue entre Jean Fourastié et René Laurentin*. Paris, Beauchesne, 1974, 192 p. *Les Trente Glorieuses, ou la révolution invisible de 1946 à 1975*, Paris, Fayard, 1979, 300 p. (Rééd Hachette Pluriel n° 8363). *Ce que je crois*, Paris, Grasset, 1981.

² См.: Carl Schmitt. *La guerre civile mondiale, essais 1953–1973*, éditions è@e, novembre 2007 (Textes présentés, traduits et annotés par Céline Jouin).

³ *Панарин А.С.* Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М.: Едиториал УРСС, 1998. 352 с.

⁴ Полемология — наука о войне (от греч. «polemos» — война и «logos» — наука, учение). Основатель — французский социолог, философ *Гастон Бутуль* (1896–1980). Подробнее см.: *Соловьев А.В.* Французская школа полемологии: этапы становления // *Вестник Московского университета*. Серия 12. Политические науки. 2006. № 3. С. 32–42.

⁵ *Bouthoul G., Carrère R.* Le défi de la guerre (1740–1974), deux siècles de guerres et de révolutions. P., 1976.

⁶ *Ibid.* P. 9.

⁷ *Bouthoul G., Carrère R., Annequin J.-L.* Guerres et civilisations (de préhistoire à l'ère nucléaire spatiale). P. 1980.

⁸ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века // www.patriotica.ru/books/panar_strategy/p_1.html.

⁹ *Панарин А.С.* Горизонты глобальной гражданской войны // www.filgrad.ru/texts/panarin/panarin4.htm.

¹⁰ Цит. по: *Daudel Ch. Idéologies, politiques, stratégies :le devenir des partis pris // Stratégique. 1992. № 54. P. 190. (перевод мой — А.С.)*

¹¹ Среди них имена таких ученых как Ф. Бланиар, Н. Бломберген, Б. Бломберг, К. де Дюв, Дж. Эклес, Дж. Грант, Р. Гийомэн, Л. Клейн, Дж. Ледерберг, В. Леонтьев, Р. Леви-Монталчини, Дж. Поланы, Аблус Сасам, Ф. Сьюто, У. Соинка, Д. Туту, Дж. Ван, Ж. Вальд.

¹² Цит. по: *Promesses et menaces à l'aube du XXI siècle. Conférence des lauréats du prix Nobel à Paris. 18–21 janvier 1988. Paris: Odile Jacob, 1988. P. 50. (перевод мой — А.С.)*

¹³ *Ibid.* P. 18–19. (перевод мой — А.С.)

¹⁴ *Freund J. Sociologie du conflit. P., 1983.*

¹⁵ *Панарин А.С. Горизонты глобальной гражданской войны // www.filgrad.ru/texts/panarin/panarin4.htm*

¹⁶ Журнал, издававшийся Французским институтом Полемологии с 1965 г. до конца XX века сначала под названием "*Guerre et paix / Wars and peace*" на французском и английском языках. Переименован в "*Etudes polémologiques*" в 1971 г.

¹⁷ *Champ de la polémologie française // Etudes polémologiques. 1975. № 15. P. 69. (перевод мой — А.С.)*

¹⁸ *Рассторгуев В.Н. Пророк в своем отечестве. О прогностическом даре Александра Панарина. М., 2010. С. 7.*

¹⁹ *Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века // www.patriotica.ru/books/panar_strategy/p_1.html*

²⁰ *Ойзерман Т.И. Главные философские направления. М., 1971; Каменский З.А. История философии отдельного народа // Вопросы философии. 1968. № 3; Горский В.С. «Философская школа» как понятие // Философские науки. 1972. №1; Школы в науке. М., 1977; Коростелев Г.М., Краев В.С. Буржуазные концепции народонаселения, Критический анализ. М., 1981 и др.*

²¹ Цит. По: *Bize P. Jean Fourastié (1907–1990) // www.jean-fourastie.org/present.htm (перевод мой — А.С.)*

д.т.н. Пшеничный Г.А. (Севморгео), д.ф.-м.н. Кадочников А.Н. (СбГУ),
к.т.н. Каминский Е.Ю. (ВНИИОкеангеология), Свиинин М.В. (ООО «НПП Нейво»)

Новые технологии экологического мониторинга и выделение аномальных зон в условиях шельфа Баренцева и Белого морей Арктики

Физико-математическая модель технологий экологического мониторинга. Известны линейная и квадратичная формы аппроксимации, применяемые для компоненты загрязнения среды шельфа морских акваторий. В настоящее время в основном используются относительно простые формы линейной аппроксимации индекса опасности загрязнения среды. Они определяются обычно в виде суммы безразмерных параметров, представленных отношением измеряемых величин к фоновому значению (Сф) или к значению предельно-допустимых концентраций (Спдк).

В разработанных авторами вариантах технологий используются наряду с линейными квадратичные аппроксимации. Это позволяет согласно [1, 2] оценить величину значимости составляющих индекса Ю экологической безопасности ряда компонент в том числе: токсичного загрязнения $I_{i,s}$; биотестирования $I_{i,b}$; тектонических разломов I_i , и сейсмических землетрясений $I_{i,c}$.

Рассмотрим возможности технологий на примере следующих компонент индекса I_0 — токсичного загрязнения $I_{i,s}$, биотестирования $I_{i,b}$ и сейсмоактивности $I_{i,c}$. В общем случае, для каждой компоненты используется безразмерный комплекс $I_i = (R_i \Omega_i)$ в виде произведения показателя степени риска R_i , на частоту (размах) Ω_i его проявления, определяемого на основе безразмерного среднеквадратического параметра распределения. Согласно сущности полученного авторами патента [2], предусматривает последовательность выполнения следующих операций экологического мониторинга. На начальной стадии производится разбивка площади на систему j -ячеек, выбранного масштаба и создание банка данных измеренных (или ранее известных) случайных величин составляющих X_{ij} компоненты загрязнения. Следующая операция связана с нахождением безразмерного при квадратичной форме аппроксимации параметра статистических распределений, как комплекса размерных параметров в виде: $\Omega_i = \Delta X_{ij} / \bar{X}_{ij}$, где $\Delta X_{ij} = (X_{ij} - X_{ij,sp})$ — отклонение от среднего значения, которое в свою очередь равно $X_{ij,sp} = (1/n) \sum_{i=1}^n X_{ij}$. Величина $\bar{X}_{ij} = (1/(n-1)) \sum_{i=1}^n (X_{ij} - X_{ij,sp})^2$ — стандартное отклонение случайной величины X_{ij} и ее квадратичного отклонения ΔX_{ij} . Учет плантовой фракции C_{ip} , в качестве безразмерной доли весового содержания пробы, производится как: $I_i = \Omega_i / C_{ip}$. Учет показателя степени риска R_i компоненты I_i , имеющей среднеквадратический параметр Ω_i , определяется для элементов загрязнения их токсичностью (q_i). Тогда, компонента токсичного загрязнения, будет равна: $I_{i,s} = q_i (\Omega_i / C_{ip}) = q_i (\Delta X_{ij,sp} / \bar{X}_{ij}) / C_{ip}$. Компонента биотестирования $I_{i,b}$, определяется соотношением: $I_{i,b} = \Omega_i / C_{ip} = (\Delta C_{i0} / \bar{X}_{ij}) / C_{ip}$. На последней стадии осуществляется построение карт мониторинга, в частности, используемой авторами пакета программ ER Mapper.

Комплексная оценка компонент экологической опасности согласно принципам теории подобия справедлива лишь для «однородных» явлений, например, различные геофизические поля или различные по составу вещества среды. Поэтому, более общее суммирование найденных компонент I_i экологической опасности, в частности, геофизических полей и данных загрязнения донных отложений шельфа становится невозможным.

Пятибалльная шкала оценки для каждой компоненты I_i экологической опасности. Согласно известным критериям оценки экологической обстановки, отрицательное воздействие загрязнения геологической среды определяется по 5-ти балльной шкале, как: 1-очень слабое или фон, 2-слабое, 3-средней силы или умеренное, 4-сильное, 5-очень сильное. Соответствующая степень экологического неблагополучия критериями оценки также классифицируется на основе 5-ти балльной шкалы, как: 1-удовлетворительная, 2-напряженная, 3-критическая, 4-кризисная (зона чрезвычайной ситуации) и 5-катастрофическая (зона бедствия).

В случае роста величин X_{ij} линейная форма аппроксимации относительно фона имеет вид экспоненциальной функции $\exp(+m-1)$, принимающей в случае увеличения величины X_{ij} при $m=1, 2, 3, 4$ и 5 значения $1,0; 2,7; 7,4; 20;$ и 55 . В случае уменьшения величины X_{ij} , относительно фона, значения аппроксимируются на основе линейной формы в виде экспоненциальной функции вида $\exp(-m+1)$, принимающей значения $1,0; 0,37; 0,13; 0,05$ и $0,018$. При данной линейной форме аппроксимации, балл $m=1$ соответствует нормированному фону, со значением экспоненты $\exp(0)=1$. Квадратичная форма аппроксимации осуществляется за счет использования безразмерного среднеквадратического параметра статистических распределений (ΔX_{ij}).

Технология оценки компоненты $I_{i,s}$, определяющей токсичное загрязнение. Для компоненты $I_{i,s}$ токсичного загрязнения и особенности среднеквадратичной ап-

проксимации параметра статистических распределений заключаются в учете (в безразмерных единицах) в качестве фактора риска R_i величины класса (q_i) токсической опасности i -го параметра загрязнения и содержания C_{pi} пеллитовой фракции пробы донных отложений. Оценка i -го параметра загрязнения может быть определена на основе безразмерного параметра, равного комплексу безразмерных величин ($q_i Q_i / C_{pi}$), а общее суммарное выражение для всех элементов компоненты $I_{i,s}$ токсичного загрязнения определяется как: $I_{i,s} = \sum \{ q_i Q_i / C_{pi} \}$. Известные и используемые на практике значения класса токсической опасности (q_i) и значения предельно допустимых концентраций (в скобках — Спдк, в единицах мг/л) для различных загрязнителей шельфа Арктики, представлены в нижеследующей таблице.

Вид загрязнения	Класс (q) и значение ПДК в единицах мг/л (параметр / ПДК)				
	q=1 очень слабое	q =2 слабое	q=3 умеренно	q =4 опасное	q=5 очень опасное
Тяжелые металлы			Cs-137	Cd(0,005); Co(0,01) Pb(0,1)	As (/0,05)
Радионуклиды		Cs-136, Th-232, K-40		Sr-90	Ra-226 Pu-238
Углеводороды		Толуол (0,5); Нефть(0,05) Ке- росин(0,1); ПАВ(0,5); Фено- лы (0,001)	Ксилол (0,05) Бензин (0,1)	Бензол (0,5)	
Пестициды		ГХЦГ (0,02)	Нитраты(/40); Фосфор (0,0001); Ам- миак (/0,05)	ДДТ (/0,1)	Нитри- ты(/0,0)
Ионный состав	K (50); Ca (180); Mg(40); Na (/120)	Сульфаты (100); хлориды (300)			

Результаты применения технология оценки степени загрязнения при экологическом мониторинге шельфа Арктики на базе пакета программ ER Mapper, представлены на рис. 1а,в в виде площадного распределения загрязнения среды компоненты $I_{i,s}$ шельфа Баренцева и Белого морей. Общая площадь региона Баренцева моря составляет 273 тыс. км² и региона Белого моря 58 тыс. км². Для построения карт использована база данных государственного мониторинга геологической среды шельфа (ГМГСШ), включающая порядка 700 точек наблюдения. Для компоненты $I_{i,s}$ шельфа Баренцева моря оценочный средний балл определяется как: $m(I_{i,s}) = (0,278 \times 1) + (0,273 \times 2) + (0,301 \times 3) + (0,08 \times 4) + (0,0059 \times 5) = 2,36$.

Для Белого моря, средний балл установлен величиной $m(I_{i,s}) = 2,41$. В обоих случаях, индекс I_0 экологической опасности, определяемый средним баллом токсичного загрязнения $I_{i,s}$ находится между «удовлетворительной» (балл $m=2$) и «напряженной» (балл $m=3$). Такой несколько повышенный балл в основном связан с наличием отдельных участков более высоких концентраций мышьяка и со сбросами отравляющих и радиоактивных веществ. Технология выявления мест радиоактивных сбросов предусматривает определение, например на основе радиометрического анализа содержания радиоизотопа

цезий-137 (рис. 1r). Среди радиоизотопов, определяющих общую радиационную обстановку шельфа, выделяют первичные природные радиоизотопы (элементы рядов U-238, Th-232 и K-40), радиоизотопы, возникающие от космического излучения (C-14, H-3, Ar-30 и др.) и искусственно-техногенные (Ra-226, Cs-134, Cs-137, Sr-90, U-235, Pu-238 и др.).

Установленные данные экомониторинга позволяют сделать вывод об относительно умеренно-напряженной степени загрязнения и возможности «самовосстановления» биоты на основной площади экосистемы Баренцева и Белого морей. Площадь проявления интенсивного и жизнеопасного для биоты загрязнения, с учетом степени токсичности присутствующих компонентов загрязнения, и соответствующая баллу 4 шкалы, составляет около 6% для шельфа Баренцева моря и 4,3% для акватории Белого моря. Основной вклад в общее загрязнение донных отложений с учетом токсичности компонент, вносят группа тяжелых металлов As, Cu, Zn, Ni, радионуклиды Cs-137, Ra-226, а из органических загрязнителей — ПАУ и фенолы.

Технология биотестирования (компонента Ii,b), отражающая интегральную реакцию микробных биоценозов на загрязнение. Биологические методы (биотестирование) фиксируют степень реакции биоты на присутствие загрязняющих веществ, в частности с величиной нефтяного загрязнения среды, суммой тяжелых токсичных (ртуть, кадмий, мышьяк, свинец и др.) и радиоактивных (цезий-137) элементов. В качестве рабочего метода биотестирования авторами использован метод биотестирования по концентрации белков (метод белковой индикации или вариант метода Бредфорда), аналитическое обеспечение которого разработано в СПбУ (д.г.-м.н., проф. Т.Н. Нижарадзе). В отличие от традиционных геохимических исследований, контролирующих лишь присутствие загрязняющих вредных веществ, метод белковой индикации фиксирует степень реакции биоты на присутствие этих загрязняющих веществ. Результаты экологического мониторинга юго-восточной части шельфа Баренцева моря на основе биотестирования методом белковой индикации по содержанию белков в донных отложениях приведены на рис. 1в.

Технология оценки компоненты Ii,c экомониторинга, определяющей сейсмоактивность площади шельфа. Компонента Ii,c оценивается также с использованием безразмерного квадратичного параметра аппроксимации Ω_i статистических распределений, но для данной компоненты в качестве случайной величины используется число зарегистрированных, произошедших на данной площади шельфа Ni землетрясений. Величина риска в этом случае может быть определяется магнитудой M_i землетрясения, т.е.: $I_{i,c} = (R_i \Omega_i) = (M_i \Omega_i) = M_i (\Delta N_i / \square_i)$, где $\Delta N_i = (N_i - N_i, cp)$ — отклонения от среднего для площади шельфа, N_i, cp — среднее значение N_i , M_i — фактор риска, определяемой на основе известной 10–бальной шкале Рихтера. Для 5-ти бальной шкалы можно использовать значения степени риска в виде: $M_i < 3$; $3 > M_i < 3,9$; $4 > M_i < 4,9$; $5 > M_i < 5,9$; $M_i > 6$. Эпицентры землетрясений различной магнитуды обрамления шельфа Баренцева и Норвежского морей (данные ВНИИОкеангеологии) показаны на рис. 1з. На врезке этого рисунка, также по данным ВНИИОкеангеология, показана трубка, являющаяся вертикальной зоной деструкции горных пород на дне шельфа окраины Баренцева моря. Эта трубка выявлена в процессе профилирования локатором бокового обзора (ЛБО) на площади южной части глобальной рифтовой разломной системы с координатами 14 градусов В.Д. и 72 градусов 10 минут С.Ш. Трубка, диаметром порядка 600-700 метров, расположена на площади порядка 1 км², имеет неровные скальные края с обломками камней с вихреобразным вращательным выделением газов и возможно является аналогом

свещающего «горячего кратера» или «гидротермальных отверстий», обнаруженных на дне шельфа Атлантического океана.

Технология учета влияния временных планетарных факторов на величину компоненты сейсмоактивности I_{Σ} на основе уравнения времени. Известно, что уравнение времени отображает разность между средним и истинным солнечным временем, изменяющегося в пределах от минус 14 мин. 27сек. до плюс 16 мин. 24 сек. Истинное солнечное время непрерывно изменяется из-за двух основных факторов: первый планетарный фактор, связанный с годичным временным периодом вращения по эллиптической, близкой к круговой орбите, происходит с изменением расстояния в точке перигеи от 147 млн. км. и 30,3 км/сек. и в точке афелии до 152 млн. км. Угловая скорость вращения Земли равна 29,3 км/сек. В этом случае, разность между истинным и средним временем близка к нулевому значению примерно 1.01; 30.06 и 27.12 годичного цикла, максимальное значение (+ 8 минут) в период с 15.03 по 15.04 и минимальное (- 8 минут) — в период с 15.09 по 15.10 ежегодно. Первый фактор неравномерности движения Земли по орбите вокруг Солнца с годичным временным периодом, по-видимому, больше влияет на динамику и разломы литосферных плит земной коры и, возможно, способствует запуску сейсмоактивности, приуроченной «к склону временного пика», т.е. преимущественно в периоды июня и конца декабря. Второй планетарный фактор, связанный с наклоном эклиптики к экватору и с полугодовым временным периодом, соответствует максимальным значениям ориентировочно в периоды с 1 февраля по 15 марта и с 1августа по 15сентября, т.е. с максимумами в феврале и августе-сентябре. При этом солнечные и лунные затмения являющиеся, по-видимому, предвестниками усиления происходящих земных катаклизмов, происходят в периоды, когда луна находится в «лунных узлах», т.е. вблизи точек пересечения орбиты луны с эклиптикой. Планетарный фактор, связанный с наклоном эклиптики к экватору, больше влияет на усиление развивающихся на перегретых океанических площадях во внутритропической зон конвергенции в основном в полосе ± 5 градусов от экватора, где отклоняющая сила наиболее велика. Февральский пик наклона эклиптики, возможно, больше связан со штормами и торнадо на территории европейских государств, а августовский пик — в полосе экватора с выделением огромных количеств скрытой теплоты при конденсации водяного пара в восходящем потоке воздуха (ураганы «Эндрю» — август 1992г., «Катрина» — конец августа 2005г., «Густав» — конец августа 2008г., «Айк» — начало сентября 2008г.).

На рис. 1к показаны синусоиды уравнения времени в размерных виде (m — минуты) и в безразмерном виде, по отношению $[(m, \text{мин.}) / (m_0 = +16 \text{ мин.})]$. Синусоида (1) — это учет неравномерного движения Земли по орбите вокруг Солнца; синусоида (2) — учет наклона эклиптики к экватору и суммы синусоид (3) — общий учет неравномерного движения Земли.

На основе уравнения времени, для обоих планетарных факторов, можно ввести поправку за временную цикличность: $I_{it} \approx (Ri\Omega_i)Kt \approx (Ri\Omega_i)(1 \pm Rt)$, где $Kt \approx 1 \pm Rt \approx 1 \pm (Rt1 + Rt2)$ — поправка за временную цикличность, равная сумме поправок $Rt1$, связанной с годичным временным периодом вращения Земли вокруг Солнца и $Rt2$, связанной с полугодовым временным периодом из-за наклона эклиптики к экватору. Сумма поправок за временную цикличность за вращения Земли вокруг Солнца и наклона эклиптики к экватору в течении года близка в сумме нулевому значению, она является максимальна в феврале и августе месяцах, составив соответственно + 1,75 и + 1,45, что равно превышению соответственно в 7,25 и 5,5 раз.

Результаты применения разработанных технологий экомониторинга для выделения аномальных зон шельфа Баренцева и Белого морей Арктики. При оценке степени загрязнения шельфа нельзя давать обобщенную оценку загрязнения воды совместно с загрязнением донных отложений, т.к. происходят процессы осаждения взвесей из воды в донные отложения. По результатам обобщенной оценки экологической опасности загрязнения донных отложений выделены следующие аномальные зоны шельфа Баренцева и Белого морей.

Зона (1) Кольско-Мурманского (рис. 1а, 2) прибрежного шельфа, имеет состав загрязнения по данным 41 ст. наблюдений, представленный отходами оборонных предприятий Мурманска: радионуклидами (РН), нефтяными углеводами (НУ), фенолами и тяжелыми металлами (ТМ) и определено в основном 3-мя баллами оценочной шкалы.

Зона (2) Северо-Двинской губы — Варзуга Белого моря содержит по данным 85 станций наблюдений загрязнения, представленных РН и ТМ. Выявлено два аномальных пятна по Cs-137 с превышением над фоном в 20-30 раз, по Pb с превышением в 10-15 раз и по As с превышением в 7-10 раз. Это токсичное загрязнение, балл которого составляет $m(I_i, s) = 3,3$ (индекс экологической опасности между напряженной и критической ситуации), соответствуют аварийным отвалам радиоактивного топлива и свинцово-мышьяковому загрязнению устья Северной Двины. Аварийные радиоактивные отвалы в этом районе выделяются по данным биотестирования минимальными (5-10 при фоне 50-60) концентрациям белка, что связано с распадом белков за счет действия радиоактивного излучения, а по данным радиометрического анализа проб, существенно повышенными (на один — два порядка) концентрации радиоактивного элемента цезия-137.

Зона (3) «Горло Белого моря» по данным 15 станций наблюдений содержит 2 пятна загрязнения, представленных радионуклидами (U-235), аварийной ситуации (6-10 Бк/кГ при фоне менее 0,1 Бк/кГ).

Зона (4) в центральном Баренцевом районе (7), природно-техногенное загрязнение донных отложений, оцениваемое по шкале баллами 4 и 5, приуроченное к Северо-Печерской возвышенности. Состав загрязнения представлен тяжелыми металлами, нефтяными углеводородами и радионуклидами. Долевое содержание определенных ТМ составляет: 4,8% As, 18,9% Cu, 14,5% Ni, 16,1% Pb и 45,8% Zn. Содержание этих элементов в единицах ppm (г/т) в донных отложениях составило: As до 20, Cu до 200, Ni до 80, и Zn до 350. Местоположение аномального загрязнения, представленное радионуклидами по площади полностью не совпадает с загрязнением тяжелыми металлами; оно сдвинуто на северо-восток на расстояние 50-70 км. также в виде двух изолированных пятен и соответствует местам максимального сброса радиоактивных отходов.

В зоне Западно-Новоземельного района (5), природно-техногенное загрязнение 4–5 баллов, в основном представлено тяжелыми металлами с явно выраженным преобладанием свинца (при фоне 15-25 г/т до аномальных 2000-2500 г/т), цинка никеля, меди мышьяка, кобальта. Отмечено также проявление на дне шельфа, (южная часть рис. 1г), размером в десятки километров, «следов» испытания термоядерной бомбы.

Зона (6), расположенная на южной окраине Новой Земли. В этой аномальной «мертвой» зоне выявлены токсичные сбросы отравляющих веществ по технологии, предусматривающей определение содержания (I_i,b) белков методом белковой индикации и содержания (I_i,s) мышьяка рентгенофлуоресцентным методом. Из-за сбросов отравляющих веществ район экологически опасен, имеет балл загрязнения $m = 4,25$ по 5-ти балльной оценочной шкале (рис. 1з). Основные компоненты загряз-

нения зоны представлены тяжелыми металлами, прежде всего, наиболее токсичным элементом As. Его содержание в донных отложениях аномального района доходит до 250-300 г/т при фоне 3-5 г/т, т.е. превосходит фоновые содержания почти на два порядка. Долевое содержание мышьяка в среднем по пятну составляет 22,8% (в отдельных случаях до 50%), что является самым высоким содержанием мышьяка по шельфу Баренцева моря. Из других тяжелых металлов установлены превышения в 2-3 раза над фоновым содержанием таких элементов как свинец (15,4%), медь (5,1%), никель (17,4%), цинк (20%). Из других компонентов загрязнения выявлены углеводороды в виде наиболее вредного ПХБ (до 0,7 нг/т при фоне 0,1-0,2 нг/т). Содержание белков на территории зоны минимально и составляет всего 15-20 при среднем фоновом его содержании около 50 ед. Специфический состав загрязнения с преобладанием в сотни раз мышьяка и в несколько раз ПХБ, дают основание утверждать о техногенном характере формирования этого загрязнения — возможном захоронении отравляющих веществ (преобладает люизит $CICH = CHASCl_2$).

Отметим, что губительные концентрации люизита составляют всего 0,02-0,2 мг/л (кг), а концентрации мышьяка как элемента в минеральных водах, может достигать до 1мг/л.

В зоне Южно-Печерского района (7) (Губа р. Печера-Варандей), по данным 120 станций наблюдения отмечено загрязнение углеводородами (до 100-150 мкг/т при фоне порядка 5-10 мкг/т), радиоактивными элементами (по Cs-137 до 20 Бк/кг при фоне 1-2 Бк/кг и по суммарной бета-активности 60-70 ед. при фоне 1-2 ед.), а также тяжелыми металлами (свинец до 80 г/т при фоне 10-15 г/т, мышьяк, медь, цинк и др.).

Зона (8) Колгуево-Новоземельная по своему составу, пятна загрязнения, оцениваемого в основном 4-мя баллами шкалы, представлены хлорорганическими соединениями полихлорбифенилов (ПХБ) — до 1,5-2,0 нг/т при фоне 0,05-0,1 нг/т, гамма — ГЦХГ на уровне 0,1-0,5 нг/т при фоне 0,03-0,05 нг/т и нефтяными углеводородами 50-70 мкг/т при фоне 15-30 мкг/т.

Аномальная зона (9) западного района Баренцева моря, в области контакта с Норвежским морем. В западной части шельфа Баренцева моря расположена протяженная зона сейсмоактивности, а в ней — вертикальная «трубка», являющая аналогом светящегося «горячего кратера» или «гидротермального отверстия» (рис.1з,и). Учитывая расположение трубки непосредственно в зоне основных разломов контактирующих литосферных блоков и близость к береговой линии Кольского полуострова, возможно, позволяют использовать выявленную трубку в качестве станции геоэкологического мониторинга. Такая станция позволит осуществлять наблюдения за интенсивностью и цикличностью аномальных эффектов, являющиеся предвестниками землетрясений. Надводно-подводные наблюдения такой станции, должны фиксировать интенсивность и угловую скорость вихреобразного вращения водно-газовых компонент (прежде всего радона, метана и др. газов), а надводные датчики станции — наличие тех же газов в воздухе над морской поверхностью и высоту волн, как предвестника цунами. В процессе экологического мониторинга необходимо оценивать наличие и степень изменения интенсивности измеряемых геофизических предвестников очаговых землетрясений, в том числе, для мониторинга структур сжатия и растяжения по аномалиям аэромагнитного поля на основе вероятности и свойств тектонических разломов, а степень колебаний интенсивности деформационного поля — по данным мониторинга состояния кратеров-очагов (или гидротермальных отверстий), а также рельефа дна по вспучиванию или опусканию отдельных краев кратера, фильтрации вихревых газов и др. Необходимо исследовать возможность решения проблемы утилизации особо вредных радиоактивных и

отравляющих веществ на территории шельфа, в частности, изучение возможности их сбросов в «гидротермальные окна» в период застывания и «втягивания» магмы в глубины Земли.

В целом, установленные данные экомониторинга, позволяют сделать вывод об относительно умеренно-напряженной степени загрязнения шельфа и возможности «самовосстановления» биоты на основной площади экосистемы Баренцева и Белого морей.

Авторы благодарны за помощь и участие в работе ряда сотрудников: ФГУНПП «Севморгео», «ВНИИОкеангеология»; ООО «Нейво» и др.

РАБОТЫ ПО ТЕМЕ РЕФЕРАТА СООБЩЕНИЯ (2).

1. *Пшеничный Г.А., Каминский Е.Ю., Матвеев Ю.И., Свинни М.В., Рыбалко Е.Д., Корнеев О.Ю.* Патент № 2423727 от 22.09.2008. «Способ геоэкологического мониторинга с интегрально-комплексной оценкой индекса экологической опасности среды». Бюл. № 9 от 27.03.2010.

2. *Пшеничный Г.А., Матвеев Ю.И., Каминский Е.Ю., Гершун Ю.С.* Методическое руководство по компьютерной обработке данных мониторинга геологической среды шельфа, технологии интегрально-комплексных оценок и построения геоэкологических карт на основе пакета программ ER Mapper. Труды ФГУНПП «Севморгео». 2002. — С. 64.

Рис. 1. Технологии экологического мониторинга, и применение их в условиях шельфа Баренцева и Белого морей. **а)** - итоговая оценка и аномальные зоны суммарного загрязнения для 20-ти элементов донных отложений шельфа, **б)** – карты загрязнения для групп элементов: **1** - углеводородами (нефть, фенолы, ПАУ), **2** - тяжелыми металлами (As, Pb, Zn, Ni, Cu); **3** - радионуклидами (Ra-226, U-235, Cs-237, Th-232, Th-229, K-40); **в)** - биотестирование по концентрации белков и внизу - геоморфологический «след» испытания термоядерной бомбы дна шельфа у побережья Новой Земли; **г)** – радиоактивное загрязнение с номерами аномальных зон (**1-8**, описание в тексте); **д)** - сброс токсичного загрязнения (ОВ-люизит, тяжелые металлы) в аномальной «мертвой» зоне (**б**) по концентрации белков и ниже - **As** Южно-Новоземельный района; **з, и, к)** – сейсмоактивность (**з**) в регионе разлома контакта Норвежского и Баренцево морей, выделенная ЛБО «трубка» (**и**) диаметром ~ 2 км, и временная годичная (**к**) общая поправка (1), поправка на замедление вращения Земли вокруг солнца (2) и поправка за прецессию Земли (3). данные ВНИИОкеангеология); **з)** – аномальная зона (**4**) - загрязнение тяжелыми металлами и радиоактивными нуклидами и «куполом» в центральной части шельфа.

К истории создания «Манифеста Коммунистической партии»

За последние десятилетия марксоведы и историки марксизма получили немало новых данных относительно предыстории и истории создания «Манифеста» (находки и новые публикации произведений и писем Маркса и Энгельса, документов Союза коммунистов, результаты новых исследований). Наши представления о процессе становления его теоретического содержания и логической структуры стали существенно более ясными и конкретными. Углубляется и наше понимание его содержания, смысла и исторического значения.

Предыстория «Манифеста» охватывает около пяти лет становления нового мировоззрения основоположников марксизма.

Осенью 1842 — осенью 1843 г. произошел переход Маркса и Энгельса к коммунизму. Одновременно, с весны — лета 1843 г., начался процесс становления материалистического понимания истории — первой теоретической предпосылки и основы научного коммунизма. В феврале 1844 г. в «Немецко-французском ежегоднике» («Deutsch-Französische Jahrbücher») были опубликованы коммунистические статьи Маркса и Энгельса. В статье Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение» впервые была сформулирована идея всемирно-исторической роли пролетариата — первое отправное положение будущей теории научного коммунизма. Весной и летом того же года в «Экономическо-философских рукописях» Маркс предпринял первую попытку научно обосновать новые коммунистические воззрения. Важные элементы теории научного коммунизма были развиты затем в книге Маркса и Энгельса «Святое семейство» (сентябрь — ноябрь 1844 г.) и в книге Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (сентябрь 1844 — март 1845 г.); обе они вышли в свет в 1845 году.

Качественно новый этап формирования марксизма начался весной 1845 г., когда в начале апреля Энгельс приехал в Брюссель и Маркс изложил ему свою почти сложившуюся к тому времени основную концепцию материалистического понимания истории, т.е. исторического материализма. Эта концепция и составила впоследствии основное теоретическое ядро «Манифеста». Тогда же, весной 1845 г., Маркс и Энгельс решили сообща разработать новое диалектико-материалистическое мировоззрение в форме критики немецкой послегегелевской философии. Первым наброском идей будущего произведения явились знаменитые Марксовы «Тезисы о Фейербахе», а сам замысел был реализован позднее, осенью 1845 — весной 1846 г., в рукописи «Немецкой идеологии».

Главным теоретическим достижением авторов «Немецкой идеологии» явилось выяснение диалектики взаимодействия и развития производительных сил и производственных отношений. Это дало ключ к пониманию всей структуры человеческого общества и всего исторического процесса его развития, позволило Марксу и Энгельсу разработать материалистическое понимание истории как целостную концепцию и как непосредственную философскую основу теории научного коммунизма, позволило им осуществить исторически первое, философское, или социологическое, обоснование этой теории.

В противоречии между производительными силами и производственными отношениями буржуазного общества Маркс и Энгельс увидели объективную глубинную основу неизбежной пролетарской, коммунистической революции, основу исторически неизбежного коммунистического преобразования общества. Развивая идею об определяющей роли материального производства, они сформулировали одно из важнейших положений научного коммунизма — положение о двух материальных предпосылках коммунистического преобразования общества: развитие материальных производительных сил, представленных достаточно высоким уровнем развития крупной промышленности, и формирование революционного класса — современного промышленного пролетариата. В «Немецкой идеологии» были заложены основы марксистской теории классов и классовой борьбы, впервые в общем виде высказана идея диктатуры пролетариата и в общих чертах разработана целостная теория будущего коммунистического общества. Здесь, по существу, вырабатывается основное программное требование коммунистов — обобществление средств производства, хотя сама формула появится позднее, в 1850 г., в работе Маркса «Классовая борьба во Франции», подобно тому как в той же работе в марте 1850 г. появится и сам термин «диктатура пролетариата».

То, что Маркс и Энгельс уяснили себе в ходе работы над рукописью «Немецкой идеологии», было впервые, и притом в более развитом виде, опубликовано в книге Маркса «Ницета философии» и в других работах основоположников научного коммунизма, предшествовавших «Манифесту», и, наконец, в самом «Манифесте». Так, если в «Немецкой идеологии» диалектика производительных сил и производственных отношений формулировалась как соотношение производительных сил и «формы общения», т.е. общественных отношений, то в «Ницете философии» Маркс дал уже более точную формулировку этого положения, которая была затем воспроизведена и в «Манифесте».

Рукопись «Немецкой идеологии» опубликовать не удалось. «Мы тем охотнее представили рукопись грызущей критике мышей, — писал впоследствии Маркс, — что наша главная цель — уяснение дела самим себе — была достигнута» (Соч., т. 13, с. 8). И как бы подхватывая эту мысль Энгельс много лет спустя вспоминал: «Как только мы все уяснили сами себе, мы приступили к работе» (Соч., т. 21, с. 221). Они приступили к подготовке условий для создания пролетарской, коммунистической партии. А в борьбе за создание партии выработка ее научно обоснованной программы была одним из главных направлений деятельности основоположников научного коммунизма.

Первым шагом на этом пути явилась организация в начале 1846 г. Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета. Начинается переписка с единомышленниками в Германии, Франции, Англии. Устанавливаются связи, вырабатывается единство взглядов. 22 июня в письме Брюссельского комитета Лондонскому коммунистическому корреспондентскому комитету (фактически руководству тогдашнего Союза справедливых) было выдвинуто предложение о созыве коммунистического конгресса.

В конце января 1847 г. руководители Союза справедливых сделали Марксу и Энгельсу официальное предложение вступить в Союз. Убедившись в готовности его руководителей осуществить реорганизацию Союза на основе принципов научного коммунизма, Маркс и Энгельс дали согласие. Реорганизация предусматривала и выработку новой программы. Эта задача была сформулирована в обращении руководящего органа — Народной палаты Союза справедливых — к членам Союза, датированном февралем 1847 г.: «Должна быть произведена полная реорганизация... Должен быть составлен краткий коммунистический символ веры... Мы ставим на

обсуждение три вопроса... 1. Что такое коммунизм и чего хотят коммунисты? 2. Что такое социализм и чего хотят социалисты? 3. Каким путем можно наиболее быстро и вернее всего ввести коллективные формы жизни?.. Что касается введения общности имущества, то основной вопрос заключается в том, может ли она быть введена сразу, или же мы должны допустить переходный период, за время которого можно было бы воспитать народ, а если это так, то какова продолжительность этого периода? Во-вторых, могут ли и должны ли коллективные формы жизни быть введены в полном объеме или же сперва должны быть предприняты небольшие опыты; следует ли при этом применить насилие, или же преобразование должно произойти мирным путем?»¹. Эта программа дискуссии, формулировавшая вопросы, актуальные в то время среди участников рабочего движения, социалистов и коммунистов, предопределяла в известной степени и некоторые элементы содержания будущего «Манифеста», призванного дать научный ответ на назревшие вопросы революционного движения.

2–9 июня 1847 г. в Лондоне состоялся конгресс, на котором Союз справедливых был реорганизован в Союз коммунистов, — первый конгресс Союза коммунистов. Маркс не смог поехать в Лондон. Энгельс же принял самое активное участие в работе конгресса. Этот первый конгресс принял проект нового устава и проект программы Союза. Прежний девиз Союза: «Все люди — братья» — был заменен новым, марксистским девизом: «Пролетарии всех стран, соединитесь!». В 1968 г. швейцарский марксовед Берг Андреас обнаружил в одной из библиотек Гамбурга ряд документов, относящихся к первому конгрессу Союза коммунистов, в том числе проект устава и, главное, проект программы — написанный Энгельсом «Проект Коммунистического символа веры». В 1969 г. эти документы были впервые опубликованы на языке оригинала, а в 1970 г. «Проект Коммунистического символа веры» был опубликован на русском языке². Это одна из самых сенсационных находок в истории марксоведения последних десятилетий. Ведь в наши руки попал первоначальный вариант «Принципов коммунизма» и, следовательно, в конечном счете — первый набросок будущего «Манифеста».

В конце октября 1847 г. в ходе борьбы за программу пролетарской партии, основанную на принципах научного коммунизма, Энгельс по поручению окружного комитета Союза коммунистов в Париже составил новый проект программы — «Принципы коммунизма». И первоначальный «Проект», и «Принципы» были составлены в традиционной для тогдашних коммунистических организаций форме катехизиса, т.е. в форме вопросов и ответов. Но за несколько дней до второго конгресса Союза в письме к Марксу 23–24 ноября Энгельс выдвинул идею отказаться от такой устаревшей, недостаточно гибкой формы и составить программу Союза коммунистов в форме манифеста: «Подумай над «Символом веры». Я считаю, что лучше всего было бы отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь «Коммунистическим манифестом»» и т. д. (Соч., т. 27, с. 102).

29 ноября — 8 декабря 1847 г. в Лондоне состоялся второй конгресс Союза коммунистов. Маркс и Энгельс сыграли решающую роль в его работе. Конгресс окончательно принял устав Союза. После подробного многодневного обсуждения взгляды Маркса и Энгельса получили полное признание. Им было поручено выработать программу Союза. Этой программой стал «Манифест Коммунистической партии». Он был написан в декабре 1847 — январе 1848 г. и вышел в свет в Лондоне около 24 февраля 1848 г., почти одновременно с началом европейской революции 1848–1849 годов.

Таким образом, как выяснилось теперь, после обнаружения первоначального варианта Энгельса, весь длительный и сложный процесс выработки марксистской

программы возникающей пролетарской, коммунистической партии прошел через три основные фазы, три стадии развития:

1) *Начало июня 1847 г.* Энгельс: «Проект Коммунистического символа веры».

2) *Конец октября 1847 г.* Энгельс: «Принципы коммунизма».

3) *Декабрь 1847 — январь 1848 г.* Маркс и Энгельс: «Манифест Коммунистической партии».

Сопоставление и сравнительный анализ этих трех программных документов представляют огромный научный интерес. Но прежде чем обратиться не к детальному, а хотя бы к суммарному сопоставлению этих трех вариантов программы, убедимся в том, что и предшествующие этапы становления марксистской теории нашли прямое отражение в содержании «Манифеста».

Возьмем в качестве примера процесс становления одной из центральных идей «Манифеста» — идеи диктатуры пролетариата. В свое время Энгельс говорил, что они с Марксом всегда считали, что для достижения великих целей грядущей социальной революции рабочий класс должен будет прежде всего овладеть организованной политической властью государства и с ее помощью подавить сопротивление класса капиталистов и организовать общество по-новому (Соч., т. 19, с. 359–360; т. 36, с. 9). Что стоит за этим утверждением, какие факты имеются к настоящему времени в нашем распоряжении?

В 1970 г. на русском языке была впервые опубликована статья молодого Энгельса «Централизация и свобода» (она была напечатана без подписи в «Рейнской газете» 18 сентября 1842 г.). Эта статья содержит признаки перехода Энгельса к коммунизму (донаучному, в целом еще утопическому, но революционному). Она заканчивается таким выводом: «Государство — это не реализация *абсолютной* свободы, каким оно считается». Оно может осуществить лишь *объективную* (внешнюю) свободу. «Истинная *субъективная* свобода, которая равносильна абсолютной свободе, требует для своего осуществления иных форм, чем государство» (Соч., т. 41, с. 326, 325). Не исключено, что в зародыше здесь появляется идея об исчезновении государства в будущем обществе и вместе с тем намечается отдаленный подход к идее новой демократии, которая явится переходом к такому обществу, где уже не будет государства. Сопоставление данного рассуждения Энгельса с его позднейшими высказываниями подтверждает наше предположение.

Так, в трех статьях Энгельса «Положение Англии», написанных соответственно в январе, феврале и марте 1844 г., та же мысль развивается дальше и определенно намечается приближение к идее диктатуры пролетариата.

Январь: Энгельс отмечает неясность у Карлейля в вопросе о целях и задачах современной демократии. «Демократия является, конечно, лишь переходной ступенью... к истинной, человеческой свободе» (Соч., т. 1, с. 595). То же, что и в сентябре 1842 г., противопоставление государства и подлинной свободы. Такое противопоставление будет характерно для Энгельса и в более поздние годы, в период после Парижской коммуны. Так, в известном письме Бебелю в марте 1875 г., подвергая критике оппортунистический тезис немецких социал-демократов о «свободном народном государстве», он писал: «Говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы. А в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое перестает существовать» (Соч., т. 19, с. 5).

Февраль: Выясняется, что «современная демократия» — это та, к которой стремятся чартисты, это «*рабочая демократия*». Как только будет введена Народная

хартя, говорит Энгельс, денежная аристократия будет политически побеждена рабочей демократией (Соч., т. 1, с. 606).

Март: «Ближайшим будущим Англии будет демократия». Но какая демократия!.. Борьба демократии против аристократии в Англии есть борьба бедных против богатых. Демократия, навстречу которой идет Англия, — это *социальная демократия*» и т. д. (там же, с. 642).

Несколько позднее подходы к идее диктатуры пролетариата намечаются и у Маркса в его «Экономическо-философских рукописях» (лето 1844 г.; Соч., т. 42, с. 116) и в статье «Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа», датированной 31 июля 1844 года. В этой последней Маркс пишет: «...социализм не может быть осуществлен без *революции*. Он нуждается в этом *политическом* акте, поскольку он нуждается в уничтожении и разрушении старого. Но там, где начинается его *организующая деятельность*, где выступает вперед его *самоцель*, его *душа*, — там социализм отбрасывает *политическую оболочку*» (Соч., т. 1, с. 448).

Впервые проводимому здесь различению разрушительных и созидательных задач предстоящего переворота в известной мере соответствует различение политического переходного периода и самого будущего общества.

В начале 1845 г. в своей книге «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс еще раз приближается к идее диктатуры пролетариата. Подвергая критике недостатки английских социалистов, он говорит, что «они не признают исторического развития и поэтому хотят перевести страну в коммунистическое состояние тотчас же, немедленно, а не путем дальнейшего развертывания политической борьбы до ее завершения, при котором она сама себя упразднит» (Соч., т. 2, с. 460).

И только в «Немецкой идеологии» в ноябре–декабре 1845 г. Маркс и Энгельс впервые, правда, пока в самом общем, еще не вполне определенном виде, высказали эту важнейшую идею политического учения марксизма. Вот эта исторически первая формулировка: «Каждый стремящийся к господству класс, — даже если его господство обуславливает, как это имеет место у пролетариата, уничтожение всей старой общественной формы и господства вообще, — должен прежде всего завоевать себе политическую власть» (Соч., т. 3, с. 32). Если до 1845 г. Маркс и Энгельс приближались к такому выводу, то здесь они его уже сделали. Действительно, завоевание политической власти, установление классового господства пролетариата и, как это ясно из всего контекста «Немецкой идеологии», именно революционным путем, а затем уничтожение частной собственности, классов и тем самым классового господства вообще — что это, как не основные элементы специфически марксистского учения о диктатуре пролетариата?

В более поздней части рукописи «Немецкой идеологии», относящейся уже к марту–апрелю 1846 г., мы находим прямое указание на исчезновение в будущем государства и, возможно, второе, косвенное указание на период диктатуры пролетариата: «Коммунистическая революция, уничтожающая разделение труда, в конечном итоге устраняет политические учреждения» (там же, с. 378).

Через год в «Проекте Коммунистического символа веры» (16-й пункт) Энгельс впервые как программное требование сформулирует следующее положение: «Первым основным условием для введения общности имущества является политическое освобождение пролетариата путем установления демократического государственного устройства». А в трех следующих пунктах впервые наметит программу деятельности этого государства — ряд переходных мероприятий.

Но есть ли связь между «демократическим государственным устройством» и

«политическим господством пролетариата»? Проходит четыре месяца, и в статье «Коммунисты и Карл Гейнцен» (статья вторая, датированная 3 октября 1847 г.) Энгельс дает недвусмысленный ответ на этот вопрос: «Необходимым следствием демократии во всех цивилизованных странах является политическое господство пролетариата, а политическое господство пролетариата есть первая предпосылка всех коммунистических мероприятий» (Соч., т. 4, с. 276). Так эта важнейшая идея впервые высказывается в печати. И здесь же Энгельс снова касается вопроса о переходных мероприятиях.

В конце того же месяца в статье «Морализирующая критика и критицизирующая мораль» Маркс также впервые высказывает в печати идею революционной власти пролетариата (Соч., т. 4, с. 298), а Энгельс в «Принципах коммунизма» (18-й пункт) уже делает значительный шаг вперед, дифференцируя два возможных варианта диктатуры пролетариата и разрабатывая подробно — в виде 12 пунктов — программу ее деятельности. Пролетарская революция, говорит Энгельс, прежде всего создаст демократический строй, демократическое государство, в котором политически господствующим классом будет пролетариат. И он предвидит два возможных варианта ее развития. Там, где пролетариат уже составляет большинство населения (в Англии), — там в форме демократии будет установлено прямое политическое господство пролетариата. Там же, где пролетариат еще не составляет большинства населения, а такое большинство образуют только пролетариат вместе с присоединившимися к нему мелкими крестьянами и городскими мелкими буржуа (во Франции и Германии), — там в форме демократии будет установлено косвенное политическое господство пролетариата.

В «Манифесте» будет сделан следующий шаг вперед. Пролетарское государство будет определено здесь как «пролетариат, организованный как господствующий класс», будут сформулированы две общие задачи диктатуры пролетариата и переработана программа переходных мероприятий. Сравнительный анализ программы диктатуры пролетариата в «Принципах» (12 пунктов) и в «Манифесте» (10 пунктов) показывает, что по содержанию они в целом совпадают. Различия же сводятся к двум моментам. Во-первых, формулировки в «Манифесте» более точные и, как правило, более обобщенные. Во-вторых, группировка в «Манифесте» более строгая, внутренне более логичная.

Так шел процесс становления идеи диктатуры пролетариата.

Приведем теперь несколько других примеров. Содержание целого ряда конкретных положений «Манифеста» было фактически выработано в предшествующих произведениях Маркса и Энгельса, особенно в таких теоретических трудах, как «Немецкая идеология» и «Нищета философии». Вот некоторые сопоставления.

В «Немецкой идеологии» находим мы первую формулировку, превосходящую исходный тезис «Манифеста», о классовой борьбе как движущей силе истории: «Общество развивалось до сих пор всегда в рамках противоположности, которая в древности была противоположностью между свободными и рабами, в средние века — между дворянством и крепостными, в новое время — между буржуазией и пролетариатом» (Соч., т. 3, с. 433). Теоретическим источником этого положения явилась известная мысль, высказанная еще сен-симонистами³. Однако в «Немецкой идеологии» она получила уже чисто материалистическое обоснование, а в «Манифесте» стала исходным пунктом всего анализа буржуазного общества — анализа, завершающегося выводом о неизбежном революционном преобразовании этого общества в бесклассовое, коммунистическое общество. Переходным звеном между «Немецкой идеологией» и «Манифестом» является то место в «Принципах коммунизма», где Энгельс отвечает на вопрос, какие трудящиеся классы существовали до промышленной

революции, породившей современный пролетариат. Его ответ гласит: рабы, крепостные, ремесленные подмастерья, мануфактурные рабочие.

В «Немецкой идеологии» вырабатывается основная формула исторического материализма и раскрывается классовая природа общественного сознания: «Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни... Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание». «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями» и т. д. (Соч., т. 3, с. 25, 45). Эти положения включаются в текст «Манифеста»: «Вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия, — одним словом, их сознание... Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса» (наст. изд., с. 71).

Нетрудно установить аналогичную параллель между характеристикой исторических корней утопизма, данной Марксом в «Нищете философии», и такой же характеристикой утопического социализма и коммунизма в «Манифесте» (Соч., т. 4, с. 146, и наст. изд., с. 84–87). Можно привести и целый ряд других подобных текстуальных сопоставлений, не говоря уже о сопоставлениях смысловых. В целом же можно утверждать, что почти все элементы содержания «Манифеста» выросли прямо или косвенно из результатов предшествующего развития теоретических воззрений Маркса и Энгельса.

Сопоставим теперь в общих чертах структуру и содержание трех вариантов программы Союза коммунистов. Прежде всего бросается в глаза определенное соответствие пунктов (вопросов и ответов) «Проекта Коммунистического символа веры» и «Принципов коммунизма» и глав «Манифеста Коммунистической партии». Опуская детали, это соответствие можно представить в виде следующей таблицы:

«Проект»	1–6	7–12	13–22	–	–
«Принципы»	Переработано	1–13	14–23	24	25
«Манифест»	–	I	II	III	IV

Эта таблица в обобщенном виде показывает, как складывалась основная структура «Манифеста». В самых общих чертах все три документа в структурном отношении соответствуют друг другу. Общее заключается уже в том, что сначала характеризуется настоящее как результат исторического развития (I глава «Манифеста»), а затем рассматривается предстоящее преобразование общества и коммунизм как его конечный результат (II глава). Не все пункты первоначального «Проекта» вошли в состав «Принципов», но зато все основное содержание «Принципов» было так или иначе использовано в «Манифесте».

Сопоставим сперва «Проект» и «Принципы». Первые шесть пунктов «Проекта» были радикально переработаны: опущены (наполовину) или существенно изменены и перемещены (содержание не использовано, отчасти буквально, в других местах). Дело в том, что в этих немногих пунктах Энгельс вынужден был сделать уступки незрелым еще воззрениям руководителей Союза справедливых. Насколько возможно, он смягчил неправильность или неточность навязанных ему формулировок. Однако такого рода уступки составляют незначительную долю всего содержания «Проекта» — документа в целом вполне марксистского, составленного исходя из принципов уже научного коммунизма.

В остальной части оба документа в структурном отношении соответствуют друг другу, а различие между ними сводится к тому, что в «Принципах» добавлен ряд новых вопросов: 5–6, 10–14, 19–20, 24–25. Большинство из них касается более подробной характеристики буржуазного общества. Добавлен известный вопрос о том, может ли про-

летарская революция произойти в одной стране. В ответе на него Энгельс развивает положение, впервые сформулированное Марксом в рукописи «Немецкой идеологии». Два новых пункта — 14 и 20 — содержат развернутую характеристику будущего, коммунистического общества. Наконец, два добавленных в заключение: «24. Чем отличаются коммунисты от социалистов?» и «25. Как относятся коммунисты к остальным политическим партиям нашего времени?» — касаются проблем, составивших затем предмет двух последних глав «Манифеста»: «III. Социалистическая и коммунистическая литература» и «IV. Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям».

Особый интерес представляет упомянутый 20-й пункт «Принципов», содержащий суммарную, целостную характеристику собственно коммунистического общества. Анализ его позволяет выявить четыре основные характеристики коммунистического общества, четыре главных результата окончательного уничтожения частной собственности:

1) Всеобщая ассоциация всех членов общества в целях совместной и планомерной эксплуатации производительных сил.

2) Развитие производства до такой степени, чтобы оно удовлетворяло потребности всех членов общества.

3) Полное уничтожение классов.

4) Всестороннее развитие способностей всех членов общества путем:

– уничтожения прежнего, классового разделения труда (т. е. вынужденной прикованности к той или иной профессии);

– производственного воспитания (т.е. соединения воспитания с производственным трудом);

– всестороннего удовлетворения потребностей каждого члена общества.

Прямо или косвенно здесь охарактеризованы все основные стороны коммунистического общества: производство и потребление, общественные отношения и общественное сознание и, наконец, сам человек.

Текст первоначального «Проекта» позволил установить ответы на три вопроса, отсутствовавшие в рукописи «Принципов», — на 9, 22 и 23-й.

После формулировки 9-го вопроса: «Чем отличается пролетарий от ремесленника?» — в рукописи «Принципов» Энгельс оставил пробел для ответа. В «Проекте» мы теперь находим этот ответ, подробный ответ на вопрос, сформулированный точно так же. Ремесленник, говорит Энгельс, является самое большое *«временным пролетарием»*; он стремится сам стать капиталистом. Но, как правило (так это происходит большей частью), вследствие конкуренции он становится пролетарием и тогда «присоединяется к движению пролетариата, т.е. к более или менее сознательному коммунистическому движению».

В двух других случаях в «Принципах» было:

22. *«Как будет относиться коммунистическая организация к существующим национальностям?»* — Остается».

23. *«Как будет она относиться к существующим религиям?»* — Остается».

О том, что пометка «Остается» относится к какому-то прежнему, не дошедшему до нас варианту, где ответ уже был, догадывались и раньше. Но только после находки «Проекта» мы впервые узнали, какие именно ответы были даны на эти два вопроса (см. наст. изд., с. 19). Из этих ответов следовало, что в будущем обществе, где не будет частной собственности (на общественные средства производства), в конечном счете отомрут национальные различия и религия.

Представляют интерес 13-й и 15-й пункты «Проекта». В первом из них Энгельс говорит, что коммунизм был невозможен в прежние времена, до развития машинно-

го производства, что «коммунизм есть учение об освобождении, которое было невозможно для рабов, крепостных или ремесленников, а стало возможно только для пролетариев». Во втором случае, на вопрос о возможности ввести коммунизм сразу, Энгельс отвечает: «Мы об этом и не думаем. Развитие масс не допускает декретирования. Оно обуславливается развитием отношений, в которых живут эти массы, и происходит поэтому постепенно».

Если структура «Принципов» представляет собой дальнейшее развитие структуры первоначального «Проекта», то по точности, глубине, богатству содержания «Принципы» заметно отличаются от него, представляют новую ступень в разработке теории и программы формирующейся коммунистической партии и уже приближаются к уровню «Манифеста». По содержанию отличия «Принципов» от «Проекта» сводятся к следующим основным моментам: 1) устранены остатки ненаучных представлений, 2) существенно развернуто историческое обоснование неизбежности коммунистического преобразования общества, 3) развернута программа конкретных революционных мероприятий после установления прямого или косвенного политического господства пролетариата, 4) дана развернутая целостная характеристика коммунистического общества, 5) выявлена специфика и намечена тактика коммунистической партии. Все эти изменения можно свести к одной фундаментальной тенденции: усиление *научного* характера коммунистической теории, углубление научного *обоснования* программы борьбы коммунистической партии.

«Принципы» явились непосредственной основой, предварительным вариантом «Манифеста», план которого вырос из их структуры. Следует обратить внимание на своеобразие общего построения, логическую структуру первых двух, теоретических глав «Манифеста».

В I главе — «Буржуа и пролетарии» — дается обоснование неизбежности коммунистической революции. Оно закономерно вытекает из материалистического понимания истории. Изложение начинается с одного из важнейших обобщений, к которому приводит эта историческая концепция: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов». С этой точки зрения рассматривается затем и современное, буржуазное общество. Это общество все более раскалывается на два противоположных, антагонистических класса — буржуазию и пролетариат. И далее следует анализ развития и борьбы этих двух основных классов буржуазного общества, который, по существу, сводится к анализу двух основных материальных предпосылок коммунистической революции. В первой половине главы прослеживается развитие новых производительных сил, которое происходило при господстве и под руководством буржуазии, а теперь переросло буржуазные отношения и требует их упразднения. А во второй половине главы прослеживается процесс становления и развития современного пролетариата — той объективной силы, которая вынуждена будет упразднить буржуазные производственные отношения, ставшие оковами для дальнейшего развития современных производительных сил. Эта вторая часть начинается таким переходом: «Но буржуазия не только выковала оружие» (т.е. современные производительные силы), «несущее ей смерть; она породила и людей, которые направят против нее это оружие, — современных рабочих, *пролетариев*» (наст. изд., с. 55). Глава завершается выводом, что *гибель буржуазии и победа пролетариата одинаково неизбежны*.

Как видим, в основе I главы — и ее теоретической концепции, и ее логического построения — лежат главные достижения «Немецкой идеологии»: открытие диалектики производительных сил и производственных отношений, двух материальных предпосылок коммунистической революции и т. д.

II глава называется «Пролетарии и коммунисты». Эта тема непосредственно рассматривается в начале главы. В целом же предметом ее является предстоящий процесс коммунистического преобразования общества. Так что в I главе прослеживается развитие до революции, а во II главе — после нее. Как бы подхватывая основной вывод I главы, авторы в начале II главы пишут: «Ближайшая цель коммунистов та же, что и всех остальных пролетарских партий: формирование пролетариата в класс, ниспровержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти». Развивая затем мысль о коммунизме как действительном движении, сформулированную Марксом в рукописи «Немецкой идеологии», авторы формулируют теперь тот важный тезис, что «теоретические положения коммунистов... являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы» пролетариата, выражением объективного «исторического движения», т. е., как учение, коммунизм есть теоретическое выражение пролетарского движения.

Основная часть главы написана в полемической форме и посвящена опровержению обвинений коммунистов в том, что они якобы хотят уничтожить: 1) собственность, 2) семью, 3) национальность, отечество, 4) религию и мораль. В связи с вопросом о собственности затрагиваются три других: о личности, о стимулах к труду и об образовании; в связи с вопросом о семье — проблема воспитания. А вопрос о религии и морали расширяется до проблемы общественного сознания вообще.

На первый взгляд указанные четыре пункта антикритики представляют собой лишь опровержение наиболее распространенных обвинений в адрес коммунистов. Однако при ближайшем рассмотрении удастся обнаружить, что выделение именно таких вопросов и в такой именно последовательности не только не случайно, но обусловлено определенной внутренней логикой. Первые три пункта соответствуют трем типам общественных отношений: производственные (собственность), семейные, национальные: они мыслятся как отношения трех различных уровней или масштабов: в масштабе общества, семьи и между странами. Четвертый пункт закономерно следует за ними, поскольку формы общественного сознания являются производными от общественного бытия, поскольку общественные отношения определяют идеологическую надстройку.

Правильность такой интерпретации подтверждается следующим сопоставлением. В одном месте I главы «Манифеста» в ином контексте перечисляются те же элементы и в той же последовательности: «Жизненные условия старого общества уже уничтожены в жизненных условиях пролетариата. У пролетария нет *собственности*; его отношение к жене и детям не имеет более ничего общего с буржуазными *семейными отношениями*; современный промышленный труд, современное иго капитала... стерли с него всякий *национальный характер*. *Законы, мораль, религия* — все это для него не более как буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы» (наст. изд., с. 60–61; курсив наш).

Это сопоставление показывает, что такая последовательность (собственность — семья — нация — сознание) явно осознавалась авторами «Манифеста». И действительно, она соответствует их общей материалистической концепции, согласно которой структура общества складывается из ряда звеньев: производительные силы — производственные и другие общественные отношения — политическая надстройка — формы общественного сознания.

В этой связи следует обратить внимание на то, что именно в «Манифесте» впервые прямо проведено различие между «производственными отношениями» и «всей совокупностью общественных отношений» (наст. изд., с. 51), тогда как в других работах того же периода производственные отношения и общественные отношения часто в

определенном смысле как бы отождествлялись (см. напр. Соч., т. 6, с. 442).

Опровергая обвинения противников, авторы «Манифеста» так или иначе характеризуют соответствующие стороны будущего, коммунистического общества. Затем они как бы возвращаются к тому моменту, к которому подвело читателя изложение в конце I главы, и теперь, в заключение II главы, рассматривают три вопроса: пролетарская революция, переходные мероприятия, общая характеристика коммунистического общества.

Очень четко сформулированы здесь две общие задачи диктатуры пролетариата: 1) последовательно отобрать у буржуазии все средства производства и сосредоточить их в руках пролетарского государства, т.е. превратить частную собственность на средства производства в общественную (в данный период — государственную) собственность и 2) «возможно более быстро увеличить сумму производительных сил», т.е. максимально быстро увеличить производство.

Программа конкретных переходных мероприятий хотя и представляет собой переработку аналогичной программы, намеченной Энгельсом в «Принципах коммунизма», но содержит некоторые новые моменты и отличается большей логической последовательностью. В целом здесь можно установить соответствие между первой общей задачей диктатуры пролетариата и первыми шестью пунктами этой программы, между второй общей задачей и остальными четырьмя пунктами. Обе части сводятся в конечном счете к разрушительной и созидательной задачам преобразования общества.

Суммарная характеристика коммунистического общества в конце II главы — в отличие от «Принципов коммунизма» — весьма кратка (буквально два абзаца). Она сводится к трем моментам: «исчезнут классовые различия», «публичная власть потеряет свой политический характер», будет обеспечено «свободное развитие каждого». Однако, по существу, прямо или косвенно, в той или иной степени в «Манифесте» охарактеризованы все основные стороны будущего общества: и его производительные силы (I глава), и его общественные отношения и сознание (полемиическая часть II главы), и — теперь в конце II главы — его бесклассовая структура, отрицание политической надстройки, положение человека.

Теоретическая часть «Манифеста» завершается классическим определением сущности будущего, коммунистического общества: «На место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». В этой итоговой формуле «Манифеста» запечатлена конечная цель коммунистического преобразования общества: свободное развитие каждого человека и всего общества в целом. Таков высший гуманистический принцип коммунизма. Такова его высшая цель⁴.

¹ Союз коммунистов — предшественник I Интернационала. Сборник документов. М., 1964, с. 131, 134–135.

² Gründungsdokumente des Bundes der Kommunisten (Juni bis September 1847). Herausgegeben von Bert Andreas. Hamburg 1969; «Вопросы истории КПСС», 1970, ¹ 1, с. 83–86; Соч., т. 42, с. 354–360.

³ См. «Изложение учения Сен-Симона». М.–Л., 1947, с. 81, 224, 227, 229, 231 и др.

⁴ Относительно теоретического содержания и логической структуры «Манифеста Коммунистической партии» см. также Г.А. Багагурия: Контуры грядущего. Энгельс о коммунистическом обществе. М., 1872. Гл. 3.

ТЕЗИСЫ Юбилейной международной научной конференции,
посвященной 70-летию воссоздания философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова в структуре Московского университета
«Философия и парадигмы современной науки»

Секция «Прогнозирование в глобальном мире»

Аннотация

В рамках секции, организованной кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ при участии Государственной академии славянской культуры (15–16 декабря 2011 г.), состоялась дискуссия о творческом наследии выдающегося мыслителя, основателя кафедры теоретической политологии МГУ А.С. Панарина и о методологическом потенциале его теории геополитического прогнозирования. Секция тематически и организационно была связана с IX Панаринскими чтениями «Диалектика «вызова-ответа» в прогнозировании социального и культурного развития России» (ГАСК, 15 февраля 2012 г.) и рассматривалась как пролог к чтениям. Сопредседатели секции — д. культ., зам. директора филиала ГАСК в Твери В.М. Воробьев, и д.ф.н., проф. кафедры философии политики и права филос. факультета МГУ В.Н. Расторгуев.

В программу секции была включена серия докладов по широкой проблематике, в том числе по различным аспектам альтернативного стратегического планирования и прогнозирования в условиях глобальной стратегической нестабильности, по философии управления политическими, социальными и экологическими рисками в процессе подготовки и осуществления международных исследовательских программ и инновационных проектов. Особое внимание отводится прогностическим аспектам цивилизационного развития (совместный проект кафедры философии политики и права и Научного центра РАН по изучению и охране культурного и природного наследия), а также научно-аналитического и информационного обеспечения деятельности органов исполнительной и законодательной власти с учетом опыта европейских стран и РФ. В подготовке и работе секции приняли участие молодые ученые и студенты, молодежное экспертное общество (философско-политологический клуб) философского факультета «Студ-штудия» (председатель — студент Д.Ю. Исмагилов). Параллельно с секцией была проведена серия студенческих дискуссий, посвященных А.С. Панарину, стенограммы которых вошли в книгу В.Н. Расторгуева «Умная политика и культура прогнозирования. Пролог к IX Панаринским чтениям» (М.: ГАСК, 2011).

Проблема анализа методологии политического прогнозирования во французском постмодернизме

Целью настоящего доклада является обозначение проблем, с которыми сталкивается исследователь при обращении к сфере политического прогнозирования в постмодернизме. Первая и главная трудность заключается в том, чтобы определить, в какой степени возможно говорить о политическом прогнозировании в постмодернизме. Данная проблема связана с рядом установок, которые декларируются постмодернистами, но противоречат сути понятия «прогнозирование».

Так, постмодернистский комплекс мировоззрений может быть определен, исходя из таких принципов, как, например, принцип «недоверия к метарассказам» [термин, принадлежащий Ж.-Ф. Лиотару, обозначает возможность подвергать сомнению неоспоримые, великие базовые идеи, «объяснительные системы» эпохи Современности, которые обеспечивают единство знания, организуют общество и служат средством его легитимации, или тотализации], принцип игры, который противопоставляется модернистской концепции цели, принцип анархии, который противостоит иерархии, принцип рассеивания, который призван заменить модернистское центрирование¹. Фундаментальной метафорой постмодернистской философии становится игра структуры, фиксирующая парадигмальную установку постмодернизма на видение предмета в качестве находящегося в процессе самоорганизации. Жак Деррида, объясняя концепцию игры структуры, говорит о том, что в процессе развития человек не может «претендовать на прочный и устойчивый логос»². Следует добавить, что идея игры структуры в постмодернистской философии семантически сопряжена с отказом от идеи каузальности, предполагающей наличие субъекта и объекта действия, прошлого, настоящего и будущего.

Исходя из вышеизложенного, прогнозирование будущих состояний системы представляется невозможным, поскольку требования к прогнозированию основаны на теоретической эмпирической обоснованности, системности, адекватности, комплексности, верифицируемости. Очевидно, что политическое прогнозирование в традиционном понимании является неприемлемым для постмодернизма.

Однако обращение к методологии анализа политической проблематики в постмодернизме позволяет говорить о существовании особой схемы (схем) политического прогнозирования. В качестве наиболее часто встречающегося постмодернистского подхода к исследованию политики следует выделить метод исторического анализа, который можно, с одной стороны, сопоставить с традиционным прогностическим методом исторической аналогии, а с другой — противопоставить ему.

¹ См., напр.: *Hassan I. From Postmodernism to Postmodernity: The Local/Global Context // Critical Issues Series. 2000. № 3.*

² *Деррида Ж. Эссе об имени. СПб., 1998. С. 165.*

Проблема цели и целеполагания в современной политике

Основной целью настоящего доклада является анализ онтологических, гносеологических, аксиологических и праксеологических оснований цели современной политики — фундаментального понятия практической и теоретической политологии.

Используя историко-политологический метод, а также методологические основания отношения «индивид-власть», автор делает вывод о существенных проблемах в отношении современного прогнозирования. Опираясь на работы И. Бентама, Т. Гоббса, Дж. Локка, Дж. Роуза, Дж. С. Милля, Ф. Фукуямы, Р. Нозика, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Бодрийера и Ж. Делеза, автор настоящего доклада проводит сравнительный анализ основных парадигм политического целеполагания: прагматизма, утилитаризма, постиндустриализма и постмодернизма. Сравнительный анализ парадигм в исторической ретроспективе позволяет вычлнить понимание цели в современной политике, определить ее онтологический, гносеологический, аксиологический и праксеологический статусы.

Трансформация восприятия цели в системе отношений «индивид-власть» привела к тому, что те, кто задают политический ритм, производят только лишь симулятивные модели коммуникаций. Вдохновляясь метафорой государства как «корабля дураков», автор проводит аналогию между современной политикой и *Stultifera navis* М. Фуко, подчеркивая то, что знанием цели в современных политических процессах обладают лишь «капитаны», которые действуют в отрыве от подлинного базиса политического — «пассажиров» шутовской шхуны. Кроме того, автор предпринимает попытки деконструкции политических, экономических, социальных, культурных и символических структур Европы, России и США.

Роль консервативного дискурса в выборе долгосрочной стратегии России и стратегическом прогнозировании

Сегодня проблема реконструкции (или построения) целостной матрицы консерватизма напрямую связана с отсутствием ясного понимания природы этого феномена. Понятие идеологии в общественном сознании и в научной среде вызывает по преимуществу негативное отношение. Политический консервативный дискурс современной России, под которым принято понимать специфический образ мышления, выражающийся в определенном отношении к истории, сущности общества, социальным группам, способам решения социальных проблем и природе человека, сильно политизирован, т.е. связан с изменчивой политической конъюнктурой.

Сторонники инструментального, а по сути, конъюнктурного толкования консерватизма исходят из того, что консервативные ценности могут дать власти опору, необходимую для укрепления государственности. И эта версия имеет право на существование, но с учетом специфики российской политической системы, возникшей в процессе демонтажа социалистического государства и до сих пор не связавшей себя с определенной стратегией долгосрочного развития. Стратегическая цель только обозначена в Конституции, где сформулирован принцип, ориентирующий общество на построение социального государства, хотя сам этот принцип мало связан с реальным курсом.

Представляется, что консервативный дискурс в эпоху Постмодерна следует рассматривать не как разновидность политической индоктринации, а как основу для новой парадигмы общественного развития, где политические идеологии и их конфронтация не будут доминировать при выборе политического курса, ориентированного на защиту национальных интересов и обеспечение коллективной безопасности. Стратегическое развитие России должно основываться на консервативном дискурсе, который делает упор на традиционные цивилизационные ценности и сохранение культурного разнообразия.

В отличие от западноевропейской модели «рассасывания и втягивания», как называл ее А.С. Панарин, новая стратегия развития России, формирующаяся сегодня, как минимум, учитывает историческую роль консервативных ценностей и цивилизационных ориентиров (идея Евразийского Союза). По этой причине она будет способна консолидировать многонациональное общество, обеспечив сохранение уникального культурного пространства России. Выбор такой стратегии предполагает переосмысление ряда политических установок, до сих пор культивирующихся в российском обществе в качестве «единственно верных» идеологических принципов.

К вопросу о прогностических возможностях политической науки

Дискуссии о прогностических возможностях политической науки актуализировались в 90-х гг. XX в. в связи с теоретическим кризисом в теории международных отношений, вызванным т. наз. «проблемой окончания холодной войны». Поскольку реальный ее исход не был предсказан ни одним из прогнозов, разработанных авторитетными специалистами в рамках ведущих научных подходов, встал вопрос о том, насколько политология вообще способна к предвидению политических событий и имеет ли право на существование наука, не наделенная прогностической функцией. Тем самым проблема вышла за рамки одной из политологических субдисциплин и приобрела принципиальный характер.

В западной политологии выход из кризиса связывался с тремя возможными сценариями: а) с признанием невозможности найти решение политических проблем при помощи научного исследования и отказом от участия экспертов при выработке политического курса; б) с пересмотром представления о знании, релевантном задачам реальной политики; в) с повышением прогностического потенциала политической науки путем уточнения теории в свете нового опыта.

Первый сценарий по праву расценивается научным сообществом как крайне неблагоприятный, поскольку ставит под сомнение практическую значимость политологии, как следствие, принципиальную возможность научно обоснованной политики. Вместе с тем нельзя не отметить, что проблема востребованности научных рекомендаций в реальной политике стоит весьма остро — как в России, так и в других странах.

Во втором случае происходит расширение границ допустимого в познании, что открывает возможность инкорпорирования в прогностические построения тех элементов, которые традиционно выводились за пределы научного знания. Так, к примеру, отрицание идеи, что истинность теории зависит от ее согласия с фактами, легитимизирует обращение к утопическим предвидениям. Это придает остроту вопросу, дискуссии по которому не прекращались на протяжении прошедшего столетия, — определению роли утопизма в социальном конструировании.

Основные надежды связаны с третьим вариантом, однако в этом случае существенной проблемой является выбор траектории совершенствования исследования. Так, увеличение числа учитываемых параметров при всей кажущейся перспективности включает в себе угрозу «объяснительного коллапса»: детализация снижает степень абстракции, тем самым сужает круг явлений, поддающихся объяснению, и, соответственно, ограничивает прогностическую силу теории. А путь ментализма, стремящийся заменить поиск внешних причин событий раскрытием их внутреннего смысла, по сути, работает лишь с представлениями и текстами, фиксирующими политическую реальность. Это открывает возможность предвидеть трансформацию интерпретаций, однако вряд ли решает поставленную задачу.

Несмотря на то что оптимальная стратегия по-прежнему не выработана, сегодня можно говорить об оптимистической оценке прогностического потенциала политологии. Совершенствование инструментария политической науки чаще всего связывается с комбинацией элементов разных подходов. И хотя это ставит вопросы совместимости элементов, сохранения их научной значимости вне системного целого и проч., но эти проблемы уже не кажутся неразрешимыми.

Роль университетов в решении задач локально-глобального характера в сферах экологии и культурного наследия

В каждой стране и каждом ее регионе регулярно возникают проблемы, связанные с угрозой ухудшения экологической ситуации и утратой объектов культурного наследия из-за антропогенного и техногенного давления на среду. Они носят, казалось бы, локальный характер, но ввиду их пространственной и содержательной универсальности и регулярной повторяемости образуют систему глобального характера.

При всей специфике каждого из случаев в конкретной местности (тематика, масштаб, экологическая ниша и др.) эти вызовы и угрозы имеют один и тот же вектор последствий: безвозвратные потери в качестве природной и культурной оболочки территории. Это разрушает, фрагментирует систему в целом, ведет к ее деградации.

Системному разрушению может противостоять только более мощная по потенциалу организационная, интеллектуальная, информационная и технологическая система глобального характера. Усилия отдельных земель и государств в этом направлении тщетны. Межрелигиозные и межконфессиональные связи слабы или отсутствуют. ООН и ее структуры все чаще встают на сторону сильного в ущерб общим интересам. Гражданское общество в большинстве стран лишь формируется. Какая же сила может противостоять деградации среды?

На наш взгляд, это университеты. Универсальность их компетенций заложена в самом термине. Создание национальных, континентальных, а в итоге всемирной ассоциации университетов, где самым приоритетным направлением деятельности стала бы именно защита природного и культурного наследия, представляется наиболее эффективным путем решения этого круга проблем. Университеты обладают глобальной распространенностью, сложившейся в течение веков корпоративной солидарностью, заметной независимостью от официальных органов власти, интеллектуальным потенциалом, технологической базой, беспрецедентным экспертным авторитетом, сочетанием опыта всех поколений — от студентов до академиков, гражданской позицией членов корпорации, открытостью обществу.

Россия и ее университеты могут выступить инициатором и интеллектуальным ядром в создании глобальной системы защиты природного и культурного наследия.

Идентичность как предмет междисциплинарных исследований

В условиях глобализации особенно актуальными становятся междисциплинарные исследования коллективной идентичности граждан стран СНГ. Процессы становления, развития и трансформации коллективной идентичности граждан Украины в 1991–2011 гг. изучались группой ученых Центра украиноведения философского факультета Киевского национального университета имени Тараса Шевченко в рамках нескольких научных проектов. В эту группу входили философы, историки, культурологи, политологи, психологи, религиоведы, лингвисты и антропологи. Междисциплинарный подход позволил выявить достаточно интересные трансформации: 1) нивеляцию постсоветской идентичности (в 1991–1999 гг.); 2) возрастание этнической (в 1991–1999 гг.) и религиозной (в 2001 г.) идентичности; 3) утверждение европейской идентичности (в 1999–2005 гг.); 4) возрастание престижности национальной и гражданской идентичности (в 2001–2005 гг.); 5) трансформации общеславянской идентичности (в 1999–2004 гг.); 6) укрепление региональной идентичности (в 2006–2009 гг.); 7) синхронизацию подъемов и спадов в развитии национальной и европейской идентичности (2004–2011 гг.). Проведенное исследование показало, что запрос на европейскость является очень сильным в украинском обществе, хотя наличие в украинских СМИ проевропейской риторики сочетается с полным отсутствием взвешенной политики национальной идентичности в Украине.

После того как многие страны Европы столкнулись с серьезными вызовами (связанными с проблемами коллективной безопасности, активизацией миграционных процессов, террористических действий, кардинальными социально-экономическими и общественно-политическими трансформациями) и угрозами постепенного размывания национальных культур, деформации представлений об общей идентичности (Ф. Ван Остром), были инициированы междисциплинарные дискуссии относительно укрепления и поддержки коллективной идентичности граждан европейских стран (П. де Рой, Ф. Ван Остром, Б. Миккельсен, Й. Лунд, Х. Хейнсен и др.). Было заявлено, что для преодоления этого кризиса идентичности необходима общая «референтная канва» (Ф. Ван Остром). И наилучшей в этом контексте будет именно та «канва», которая соединит национальный и европейский идентификационные модусы в единую систему. Таким образом, сегодня в связи с тем «культурным поворотом» (о котором пишут Я. Асман, Ф. Ван Остром и др.) необходимо говорить о политике идентичности как о комплексной, междисциплинарной проблеме. Поэтому начавшаяся разработка национальных и общеевропейских культурных канонов, которые могут стать базой для согласованного и сбалансированного развития национальной и европейской идентичности граждан многих стран, является примером конструктивного использования междисциплинарного потенциала современной науки.

Горелов А.А.
в.н.с. ИФ РАН, д.филос.н., проф.

Русская идея: вчера, сегодня, завтра

Рассматривается русская идея как теоретический конструкт, отражающий специфически присущий русской нации путь ее развития, обоснованный русскими философами В.С. Соловьевым, Н.А. Бердяевым и др. С самого начала своего существования в первой, православной, модификации русская идея имела, по Соловьеву, всемирный характер. Ее цель состояла в том, чтобы принести свет православия всему миру и утвердить гармонию церкви, государства и общества. В XX веке, несмотря на богоборческий пафос советской идеологии, основной глубинный мотив обеспечения братства всех народов и построения «рая» на земле (но без Бога) остался. Делается вывод, что основа русской идеи не в конкретном конфессиональном содержании, а в ее соответствии структурно-экзистенциальным особенностям русского национального характера: вере в возможность обеспечения всеобщего счастья; убежденности, что принесет его всему миру Россия (мессианизм) в кратчайший срок (максимализм) и готовности к невероятным усилиям для достижения этого (самопожертвование). Ныне актуален вопрос: есть ли будущее у русской идеи? Оно возможно, если 1) оба уровня русской идеи — духовный и материальный, вселенский и государственный — будут развиваться в единстве друг с другом; 2) в новой модификации то ценное, что было в предыдущих — их нацеленность на духовное и социальное — будет сохранено. Тогда русская идея, утвердив свое всемирное значение и духовный потенциал, сможет выступить в роли альтернативного глобального проекта объединения человечества.

Проблема собственности в трудах русских философов

И в политическом дискурсе, и в практике государственного управления России, и в отечественной политологии в настоящий момент доминирует якобы «классическое», а в действительности предельно упрощенное и схематизированное представление о собственности, «очищенное» как от философской рефлексии, так и от наследия отечественных мыслителей, имевших свое представление о природе собственности. Причина такого «схематизма» объясняется рядом факторов. Первый фактор — чрезмерно высокая степень политизации науки, а точнее, ее зависимости от политической конъюнктуры. Второй фактор — укоренившийся в сознании политиков «голый прагматизм» — упрощенная философия, свойственная эпохе рыночного фундаментализма и проникающая в научное сообщество, что отразилось, прежде всего, на исследованиях по экономике и политологии. Третий фактор — давнее господство в этой тематической области радиально-либеральной экономической мысли. Эта методологическая установка позволяет интерпретировать представления, возникшие задолго до возникновения феномена рыночного фундаментализма и поэтому не отражающие новую ситуацию, как единственно надежную основу научного подхода к проблемам собственности.

Вместе с тем политическая мысль России в течение ряда столетий, начиная с XV века, уделяла большое внимание проблемам собственности. Что же мешает целостному восприятию даже наиболее важных источников? Одна из причин — их тематическая разносторонность и присущее русской мысли на всех тапах ее становления стремление к синтезу внешне различных феноменов. В рассматриваемый хронологический период в качестве основных источников, позволяющих составить (с использованием методов концептуальной реконструкции) объемное представление об отношении к собственности в России, выступают не философские трактаты, а отдельные фрагменты из трудов и сборников, чаще всего имеющих нравоучительное или практическое назначение и в том или ином виде затрагивающих проблему собственности. При этом важно учитывать хронологический аспект, поскольку представления о природе собственности формировались и эволюционировали под влиянием исторических событий. Особый интерес представляют в этом отношении такие важнейшие источники философской мысли, как «Наставление отца к сыну» (XV век), «Домострой» (XVI век), «О домостроительстве» А.П. Сумарокова и «О скудости и богатстве» И.Т. Посошкова (XVIII век).

К примеру, «Наставление отца к сыну» представляет собой свод духовно-нравственных правил, которыми надлежит руководствоваться в жизни всякому мужчине («сыну»); здесь изложена суть взглядов русского средневековья на то, каким следует быть состоятельному человеку. Автор Наставления сразу же постулирует тот безусловный приоритет духовного богатства над материальным, который столь ярко и неизменно проявляется во всей русской национальной философии: «Тот, кто о душе своей не заботится, а только о смертной плоти печется, подобен тому, кто рабыню кормит, а госпожу отвергает». Фундаментальным свойством человека должен являться «страх Божий», а не его материальный или социальный статус:

«Мудрый муж, имеющий страх Божий, даже если он раб и нищий, — лучше царя». Отрицается и накопление собственности, если оно подменяет собой другие ориентиры. Утверждается, что чрезмерный меркантилизм ввергает человека в психологически тяжелое состояние постоянной заботы о судьбе своего имущества. При этом речь идет не только о тех, кто ориентирован на накопление («сребролюбцах»), но и о тех, кто привержен чрезмерной экономии («скупых»). Отсюда следует, что деньги — всегда лишь средство, предназначенное для того, чтобы их тратить, а не копить. Не нужно наращивать и держать капиталы, но нужно вводить их в активный оборот и обменивать на действительные блага земного (покупка вещи), а лучше небесного (подавание) характера.

Даренский В.Ю.

доцент кафедры философии права Луганского государственного университета внутренних дел им. Э. Дидоренко, к.ф.н., доц.

Русский мир как геополитическая реальность

Русский мир — понятие, к настоящему времени принятое для обозначения объективно сложившейся культурно-исторической общности этносов и населяемых ими территорий, в течение длительного времени находящихся или находившихся под определяющим влиянием российской государственности и культуры. Русский мир может рассматриваться как одна из локальных цивилизаций, имеющая ряд специфических особенностей социокультурного бытия, определяемых объективными факторами исторической жизни.

Возникновение р. м. в качестве локальной цивилизационной общности было обусловлено объективной необходимостью самоорганизации обширных полиэтнических пространств восточной Европы и северо-восточной Азии перед лицом перманентной внешней агрессии с запада и юга. К настоящему времени на первый план выступает принцип обеспечения самостоятельного развития и сохранения культурной самобытности русского мира перед лицом экспансии западной «цивилизации потребления», приближающейся к порогу энергетической, демографической и экологической катастрофы.

В отличие от государств Западной Европы, которые захватывали огромные территории на других континентах исключительно в качестве эксплуатируемых колоний, Россия включала новые территории в свой состав в качестве полноправных провинций, сохраняющих внутреннее законодательство и самоуправление, а также часто наделенных множеством привилегий. Тем самым следует говорить о русском мире и его государственности как об уникальном в истории примере «империи-донора», для которой само деление на «колонии» и «метрополию» в западном смысле этих терминов в принципе не применимо.

На территории русского мира, преимущественно в самой России, находится около половины всех ресурсов планеты. Это означает перспективу постоянной угрозы внешней (экономической и военной) экспансии со стороны остального мира, что заставит любой политический режим заботиться прежде всего об укреплении государственности и жизнеспособности народа. Оба названных фактора, в свою очередь, приведут к неизбежному возвращению в сферу влияния России бывших республик СССР, а также многих более отдаленных стран «третьего мира», что будет сопровождаться различными формами экономической, политической и культурно-языковой реинтеграции.

Александр Панарин: живая озабоченность миром — альтернатива глобализму

В последних работах А.С. Панарина, посвященных русской культуре, оформился новый подход к повседневности, которую он рассматривал в качестве живой альтернативы деструктивным интенциям глобализма и конструктивистско-деконструктивистского мышления. При этом он отдавал себе отчет о сложности и противоречивости исследований «малого мира», обыденной жизни, о связанных с ними рисках, с одной стороны, преуменьшения значимости «большой истории» и замыкании в утопическом традиционализме, а с другой — забвения повседневности перед лицом глобальных институциональных, политических и социокультурных сдвигов. А.С. Панарин отмечает, что «эта дилемма могла бы быть преодолена, если бы первичный жизненный мир мог бы быть раскрыт нами в его значении *резервуара*, постоянно питающего все модернизации и сообщающего им витальную основу... Нужно так определить статус повседневности, чтобы она выступала в состоянии открытости всем новациям и модернизациям и в то же время сохраняла свои права первоисточника, о состоянии которого предстоит заботиться».¹

Почему малый мир человеческой повседневности и порождаемое им сознание приобретают такой смысл, почему именно они, а не, к примеру, научное знание, способны составить действительную альтернативу деструктивным тенденциям глобальной унификации? И разве не повседневный мир постоянно подвергается многочисленным рискам, вызванным динамическими модернизационными и постмодернизационными процессами «большого мира» политики, глобальной капиталистической экономики и массовой культуры? Для ответа на эти вопросы А.С. Панарин обращается к фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, в творчестве которого он увидел «возможности философской реабилитации антиглобалистских движений — наделение их тем оправданием, которое относится не к прошлому, а к будущему, не к утопии, а к поиску реальной альтернативы»². Суть этой альтернативы состоит в интерпретации народного опыта как естественного, как первичной в экзистенциальном смысле непреходящей базовой установки, «к которой всякий раз необходимо возвращаться, проверяя все наши новации на подлинность»³.

Вслед за М. Хайдеггером А.С. Панарин подчеркивает, что целостность обыденного опыта обусловлена проявлением в нем живой **озабоченности миром**: «Чем выше уровень нашей озабоченности, тем выше и уровень нашего проникновения в суть вещей»⁴. Именно в сфере нашего ближнего мира, нашей повседневности мы меньше всего можем себе позволить безответственное экспериментирование. Здесь все живо затрагивает и ангажирует нас, поэтому именно здесь невозможна отстраненная объективистская позиция творца искусственных нежизнеспособных конструкций, подобных «выращиванию» в условиях догоняющей модернизации заимствованных социальных институтов, как и позиция деконструктивиста, безжалостно разрушающего то, что не соответствует абстрактным образцам глобального проекта. Таким образом, повседневность по-прежнему является «последней баррикадой» на пути не только хаоса и дезорганизации социума, но и унификации.

¹ Панарин А.С. Глобальные деконструкции как новейшая стадия нигилизма // Панарин А.С. Рус-

ская культура перед вызовом постмодернизма. М., 2005. С. 161.

² Панарин А.С. Глобальные деконструкции как новейшая стадия нигилизма // Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М., 2005. С. 161.

³ Панарин А.С. Глобальные деконструкции как новейшая стадия нигилизма // Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М., 2005. С. 161.

⁴ Панарин А.С. Глобальные деконструкции как новейшая стадия нигилизма // Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М., 2005. С. 165–166.

Эмихновский С.И.

доцент каф. философии Кубанского государственного университета, к.филос.н.

Нелинейная динамика и возможности прогнозирования глобальных процессов

В области глобального прогнозирования нелинейная динамика наглядно показала, что помимо традиционно выделяемых детерминированных и стохастических объектов существует особый третий класс, сочетающий в себе свойства и тех, и других. С одной стороны, зная их текущее состояние, можно установить, что произойдет с ними в сколь угодно далеком будущем. С другой — предсказывать их поведение можно лишь в течение ограниченного времени, поскольку малейшая неточность в определении начальных характеристик системы со временем нарастает и с некоторого момента возможность что-либо предсказывать теряется. Объект начинает вести себя хаотически и поддается лишь статистическому описанию. Чувствительность к начальным данным — важнейшее свойство детерминированных систем с хаотическим поведением. Незначительные начальные отклонения приводят к непредсказуемым результатам.

Открытие и исследование так называемого «динамического хаоса» привело к осознанию принципиальной невозможности долгосрочного прогнозирования поведения множества даже сравнительно простых систем, не говоря уже о столь сложном феномене, как общество. Развитие большинства социальных объектов предсказуемо на малых и непредсказуемо на больших временных интервалах. Существует горизонт прогноза.

Возможность вообще что-либо прогнозировать связана с тем, что хаос на микроуровне нередко приводит к упорядоченности на макроуровне. Несмотря на случайный характер происходящих процессов, средние величины ведут себя детерминированным образом. Эффект самопроизвольно возникающего согласованного поведения получил название синергизма. Очевидно, что чем более сложной является система, тем больше у нее степеней свободы. Однако среди них выделяется несколько главных. Они и выступают параметрами порядка. Их нахождение позволяет не только описать систему, но и предсказать возможные траектории ее движения вблизи точек бифуркации.

Существование достаточно ограниченного набора алгоритмов перехода к упорядоченности для каждого типа объектов также серьезно облегчает построение прогнозов. Поведение большинства систем, в частности систем социальных, не является полностью произвольным, существуют так называемые правила запрета. Благодаря им мы можем моделировать наиболее вероятные сценарии развития событий и тем самым влиять на их ход. В рамках синергетики возникла даже особая сфера исследований — управление хаосом.

Постсоветское пространство: эффективность стратегий и прогностический потенциал евразийского проекта

Крушение Советского Союза и распад биполярной мировой системы поставил ряд новых задач перед политической наукой, активизировал ее прогностический потенциал. Связано это с тем, что в условиях биполярной системы большая часть общества по обе стороны баррикад находилась в контексте футурологического мейнстрима, вызванного противостоянием двух господствовавших идеологий. В таких условиях требования к качеству и сложности прогностических моделей были значительно ниже, поскольку учитывалось меньшее количество переменных, а очертания будущего виделись значительно яснее. Возникшая после распада СССР жизненная и идеологическая многовекторность значительно усложнила возможность выработки более или менее адекватного прогноза, затуманила представления о будущем общества. Проблема прогнозирования и планирования будущего остро стоит и на постсоветском пространстве, что проявляется в процессе поиска долгосрочной внешнеполитической стратегии России в отношении с бывшими республиками СССР. В этой связи выделяется две группы факторов, влияющих на качество прогнозов и эффективность стратегий.

Во-первых, речь идет о феномене бифуркации, последствия которой почти не предсказуемы. Политический прогноз должен учитывать этот фактор, хотя строится на нескольких предварительных гипотезах. Это противоречие снижает его достоверность. Распад СССР может рассматриваться как точка бифуркации, что характеризует постсоветское пространство как поле с высокой степенью геополитической неопределенности. С одной стороны, это расширяет зону активной деятельности, а с другой стороны, существенно повышает уровень рисков, поскольку непродуманные решения способны окончательно дестабилизировать ситуацию.

Во-вторых, следует учитывать возрастание потребности в коллективном прогнозировании процессов на постсоветском пространстве. По сути, это единственный способ повысить надежность альтернативного планирования. Прогностическая модель в этом случае должна включать в себя анализ планов и стратегий других акторов политики, их потребностей и интересов, поскольку они также являются «влияющими» переменными в рамках модели. В этом контексте особый интерес представляет потенциал масштабного евразийского проекта, который вполне может стать основой долгосрочного коллективного планирования и прогнозирования.

Влияние развития мировой космонавтики в XXI веке на изменение политической ситуации в глобальном мире

Космос — новая сфера человеческой деятельности, которая открывает дорогу неисчислимым, в том числе нетрадиционным источникам сырья, энергии, стимулирует интеграцию стран и народов, способствует решению глобальных задач обеспечения жизни на Земле. С самого зарождения практической космонавтики она стала оказывать решающее воздействие на политику «космических» держав и международные отношения.

Предсказать развитие науки и техники можно с большой вероятностью на ближайшие 10–15 лет. Будущее космонавтики может быть предсказано совместно с анализом национальной и государственной социально-политической стратегии. Программы развития ракетно-космической отрасли утверждены на ближайшие 10 лет и в России, и в США, Китае и Индии. С поправками на глобальный кризис они будут выполняться.

Рост активности в освоении космического пространства и приобщение все большего числа государств к космическому сообществу стали устойчивыми тенденциями мирового развития. Политическое прогнозирование в космической сфере является исходной основой для разработки перспективных космических программ и планов дальнейшего развития космонавтики с учетом предполагаемого объема финансирования и возможных сроков промышленной реализации. И если в XX веке активная космическая экспансия ограничивалась борьбой за первенство в космосе и лучшее положение спутников на геостационарной орбите Земли, то в XXI веке она может перекинуться на другие планеты Солнечной системы. Повлечет ли экспансия на другие планеты изменение политического устройства на Земле? Или, что более вероятно, на этом пути человечество уничтожит свою родную среду обитания — Землю раньше, чем обретет технические возможности для серьезного освоения внеземных миров?

Школа А.С. Панарина: гуманитарные знания в глобальном политическом прогнозировании

Суть глобального политического прогнозирования как научной дисциплины состоит в поиске прогностических моделей, позволяющих открыть качественно иное будущее человечества, предостеречь нас об опасностях последовательной реализации «атлантической версии» глобализма, кроющихся в асимметричности глобальных взаимодействий. Сделать это возможно, только поставив диагноз нашему времени, определив специфику культурно-политической ситуации современности. Блестящий русский политолог Александр Сергеевич Панарин умел ставить точные диагнозы. XX век он охарактеризовал как «небывалое торжество Прометеевой воли новоевропейского человека, выдвинувшего программу тотального овладения миром»¹. Этот Прометеев человек, развязно действующий на авансцене современности, не привык считаться ни с какими препятствиями на пути к осуществлению своих целей, однако одно препятствие оказалось для него роковым. Это препятствие — непредсказуемое и негарантированное будущее. Человеку XXI века предстоит вновь открывать для себя свободную стихию Истории, ведь «именно присутствие человека в истории не в качестве пассивного продукта общественных структур — квазиобъекта, подчиняющегося непреложным закономерностям, а в качестве субъекта, действующего под знаком негарантированного и непредопределенного выбора, — делает исторический процесс сложным и нелинейным»².

Глобальное политическое прогнозирование базируется на нескольких важнейших гуманитарных принципах. Первый заключается в установке на преодоление социоцентризма (веры в автономию человека от фундаментальных законов и ограничений природы) и открытие непреодолимых детерминант человеческого бытия. Второй постулирует автономию духовной власти как самостоятельной категории, ведь все чаще мы сталкиваемся с удивительной услужливостью интеллектуалов, чьи концепты охотно подстраиваются под экономическую и политическую конъюнктуру. Третий принцип заключается в ориентации на упреждающее знание. Политика — мощнейший инструмент работы с будущим, ведь порой конъюнктурные решения делают заложниками целые поколения. Поэтому одной из задач прогностики становится предвосхищение грозящих человечеству исторических катастроф. Четвертая установка базируется на умении видеть инварианты и сценарии исторического развития. Классическая историософия с легкой руки философов Просвещения попала в ловушку «эскалатора истории», обещающего нас как бы автоматически вознести к ее вершинам. Наша задача — быть жесткими реалистами, знающими, что самый счастливый финал человечеству вовсе не уготован и рая на земле ожидать не стоит.

¹ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2002. С. 18.

² Панарин А.С. Философия политики. М., 1996. С. 21.

Прогнозирование в политике, культура и национальная идея России

Аналитическое прогнозирование строит возможные сценарии события, учитывая два фактора: сложившиеся тенденции развития и анализ субъектов социального действия¹.

Политический прогнозист должен быть «ироником» по отношению к самонадеянному настоящему. Будущее зависит от культуры, в которой накапливается психологическое и нравственное недовольство односторонностью предыдущей эпохи и теми силами, под давлением которых эти односторонние события были совершены.

Протест культуры против настоящего может носить характер возмущенного нравственного чувства, если политика пренебрегает правами незащищенного населения.

Это недовольство может выглядеть, в другом случае, как карнавально-сатирическое шоу по поводу крайностей режима, например, его «тоталитаризма», привилегий на автоторогах, коррупционерства и т.д.

Современное общество является проективным, т.е. устремленным в будущее, в котором все «должное» будет противостоять «сущему». Это связано с цикличностью политики, которая не подчиняется линейной динамике.

В основе циклической динамики различных сфер современной жизни лежит, возможно, динамика культуры. Поэтому прогнозирование общественного развития, в частности, политики должно базироваться на культурологическом знании.

В культуре большое значение имеют не только рационально выраженные идеи, но и скрытое подсознание общества: стереотипы, традиции, менталитет, поверья, мифы.

Политические цели должны быть ограничены набором представлений и идеалов, принятых в данной культуре.

Любой режим, даже опирающийся на большие богатства и мощные силовые структуры, в конечном счете обречен на поражение, если он не соответствует культуре. Лишенная духовной защиты власть подтачивается двумя способами. С одной стороны, она все больше вызывает чувство протеста, ждущие времени, чтобы массово вырваться наружу. С другой стороны, она оказывается лишеной самого главного материала — человеческой подпитки, будучи не в состоянии привлекать к себе все новое и талантливое, притягивая в качестве приверженцев бездарностей и наглецов.

Культура как резервуар новых идей — запросов общества на будущее — представлена духовной властью, т.е. властью над умами. Эта власть есть духовная база того или иного режима, не менее важная для его устойчивости, чем социальная и экономическая базы. Однако парадокс духовной власти состоит в том, что она должна быть независимой от политической.

Известно, что в современной России, начиная с 1990-х годов, пытались найти национальную идею. Были предложены разные варианты, начиная от серьезных — «самодержавие, православие, народность» до смешных — футбол как национальная идея. В последние годы можно встретить циничные или разочарованные утверждения, что национальной идеей России являются деньги.

Всякая национальная идея — это долгосрочный проект, определяющий направление движения, глобальная цель, для достижения которой нужно решать промежуточные задачи. Поэтому модернизация — лишь средство, а не сама цель.

¹ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: 2004. С. 7–8.

Павленко В.И., Куценко С.Ю.
директор Центра исследований Арктики РАН, д. экон. н., проф. м.н.с.
Центра исследований Арктики РАН, к. экон. н., доц.

Проблемы прогнозирования развития северных территорий Российской Федерации на основе инноваций

Северные территории занимают исключительно важное место в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации, перспективном развитии страны на инновационной основе. Особую роль в совершенствовании системы стратегического планирования и прогнозирования в этом регионе играет международный Северный социально-экологический конгресс, в организации которого участвует философский факультет МГУ, что и объясняет наш интерес к этой конференции.

Прогнозирование перспектив развития территории масштабом более двух третей Российской Федерации представляет собой непростую в методологическом и методическом отношении задачу. Формирование прогноза развития экономики северных территорий невозможно без выработки гипотез и предположений о развитии мировой экономики, сценарных оценок ситуаций на мировом рынке сырьевых ресурсов, параметров внутренней и внешней экономической политики.

Построение экономического прогноза требует предварительного задания сценарных условий и основывается на выборе направления экономического и социального развития страны.

Устойчивое развитие северных территорий России неразрывно связано с инновационным развитием экономики и предопределяется острой потребностью снижения ресурсо- и энергоёмкости единицы продукции Севера и обеспечения ее конкурентоспособности, повышением «самодостаточности» бюджетов регионального и муниципального уровней. Основная задача заключается в создании и реализации комплексной инновационной политики, опирающейся на сильную политическую волю.

Для реализации интенсивного сценария развития экономики следует провести радикальную реформу корпоративного законодательства, обеспечить реальную независимость судов, внедрение прецедентного права, открытую программу фундаментальных исследований, ориентацию на поддержку лучших национальных специалистов, обеспечить поддержку национальных секторов новой технологической волны, выход на растущие рынки развивающихся стран и т.д.

Политические прогнозы А.С. Панарина и наследование культуры

Притягательность трудов А.С. Панарина будет возрастать, поскольку его творчество — это не только одна из вершин отечественной философии, политологии и культурологии, но и высокая планка подлинного патриотизма, нравственности и самоотверженного служения христианскому долгу. Многие острые проблемы, с которыми сталкивается общество, были еще в зародыше точно продиагностированы Панариным. Это предопределяет не только дальнейшее развитие научной школы, заложенной Панариным в МГУ, ИФ РАН и ГАСК, и не только становление панариноведения, но и побуждает политиков прибегать к разработанной им методологии глобального прогнозирования. Примером этой связи теории и политической практики может служить широкое обсуждение Евразийского проекта, в разработку которого Панарин вложил много сил в последние годы своей жизни, как и в реализацию проекта научно-образовательного славянского центра, каким стала Государственная академия славянской культуры, созданная при его деятельном участии.

Для его понимания евразийского проекта, как и других политических проектов и прогнозов, характерно соединение широкого культурологического подхода, потенциала теории культурно-исторических типов с глубокой политической аналитикой, основанной на принципах традиционализма и теории наследования культуры. В рамках этой теории, которая только формируется ныне, извлекаясь от идеологической зависимости, раскрываются механизмы сохранения и трансляции цивилизационного наследия. При этом само наследование культуры понимается как процесс критического восприятия, освоения и творческого внедрения культурных ценностей прошлого в социальную и личностную практику, в систему социальных и межличностных отношений. Это сложный процесс, обеспечивающий преемственное развитие культуры, детерминированное определенными социально-экономическими и социально-политическими условиями; уровнем материально-идеологического обеспечения этого процесса; степенью квалификации научных кадров, ответственных за освоение культурных ценностей прошлого; состоянием планирования и координации этого процесса; совершенством информационной службы и множеством других факторов.

Говоря о научном наследии Панарина в целом и его версии Евразийства в частности, важно учитывать, что всякое научное открытие или обоснование какого-либо социально значимого проекта представляют самоценность и должны оцениваться как часть национального и культурного наследия. Культурно-нравственное значение творческого наследия ученого такого масштаба, каким был Панарин, в этом отношении трудно переоценить, поскольку подлинная роль его деятельности на ниве науки и образования будет осознана со временем, когда политический класс поднимется до того горизонта, где власть и ответственность становятся одним целым.

Политический дискурс: истоки и прогностическая направленность

Феномен дискурса на современном этапе развития политической науки вызывает чрезвычайно активный интерес и является предметом широкой дискуссии среди исследователей общественно-политических процессов, поскольку оказывает существенное влияние на самую возможность планирования и прогнозирования. Однако в академической среде по-прежнему отсутствует консенсус по поводу сущности и содержания понятия, о его прогностических функциях и возможностях. Как отмечал Т.А. Ван Дейк, «понятие дискурса так же расплывчато, как понятия языка, общества, идеологии и зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными»¹.

Объединяющим звеном для всех исследователей политического дискурса является положение о том, что в современном информационном обществе политические явления реализуются посредством дискурса. По справедливому замечанию О.Ф. Русаковой, «гуманитарные науки на протяжении всего XX века находились под обаянием феномена языка»². В ряде работ вышеупомянутый период называют лингвистическим поворотом, который затем трансформировался в силу активного проникновения постмодернистской практики в конце 1960-х годов в «дискурсивный поворот». Эти изменения стали важной вехой в формировании гуманитарного знания, задав для него векторы развития.

За годы исследований сложилось несколько научно-методологических направлений, каждое из которых представляет оригинальную трактовку дискурса, его теоретическую модель и способы изучения.

Теоретиками направления, в фокусе внимания которых находится проблематика политического дискурса, в разное время выступали М. Фуко, Ш. Муфф, Лакло, Т. Ван Дейк, Я. Торфинг, М. Пешо, П. Чилтон, К. Шаффнер, Д. Лакофф, среди отечественных исследователей — М. Ильина, Е. Шейгал и другие.

---

¹ Дейк Ван Т.А. К определению дискурса // www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.htm.

² Русакова О.Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург, 2006.

Основные этапы теории модернизации в странах Латинской Америки (вторая половина XX — начало XXI веков)

Модернизация не предполагает разрушающих процессов и, в отличие от реформ и трансформаций и революций, связана не столько с понятием «изменения», сколько с понятием «развитие». Теория модернизации основана на идее человеческого прогресса. Целью модернизации являются не формальные изменения и не глобальные и радикальные перемены, а ускоренное развитие.

Рассмотрение концептуальных и правовых основ современных политических систем в Латинской Америке позволило определить движущие силы и направления политических процессов.

- Запад в Латинской Америке. Главной проблемой в сфере ценностей, связанных с модернизацией в Латинской Америке, стало конфликтное взаимодействие различных составляющих самого европейского начала.

- Внедрение огромных масс переселенцев из Европы в страны Латинской Америки способствовало существенному ускорению процесса модернизации, подрыву архаичных структур, открыло просто развитию капитализма.

- В ходе процесса обновлений между сферами различных ценностей модернизации возникают противоречия, часто трудноразрешимые. Тем не менее, несмотря на все сложности, процесс модернизации развивается. На данном этапе исторического развития тенденция к усвоению основных ценностей модернизации преобладает.

- К концу XX в. Период демократического транзита на континенте завершился, приведя к утверждению норм электоральной демократии.

- Но, несмотря на создание демократических институтов, конституционные реформы и принятие новых избирательных законов, в функционировании латиноамериканской демократии наблюдались сбои и противоречия. За последние 10 лет разрыв между странами — флагманами процесса политической модернизации и отстающими не сократился.

- Социальная поляризация, политическая фрагментация, кризис доверия к институтам власти и партиям, неравенство в распределении доходов, распространение безработицы бедности и нищеты питали антиправительственные настроения и генерировали социальные волнения, но активация как системной, так и антисистемной оппозиции стала возможной в условиях утвердившейся электоральной демократии. Все это отразилось в политических и избирательных процессах на континенте.

- С начала XXI в. Недовольство социальными последствиями нелиберальных реформ, возросшее давление оппозиционных партий и неправительственных организаций, которые требовали устранения неравенства в распределении доходов и проведения социально-ориентированной политики, привели к победе кандидатов антисистемной оппозиции. Сначала в Венесуэле, Боливии и Эквадоре. Приход к власти лидеров системной оппозиции в Мексике, Бразилии, Аргентине, Уругвае, Никарагуа и Парагвае выявил различия в идейно-политических настроениях президентов, которые придерживаются консервативной, реформистской или радикальной ориентации. Также это подтвердило вариативность моделей политических трансформаций в регионе.

- В последние годы подтвердилась поливариантность политических процессов на континенте. Леворадикальные режимы, взявшие курс на альтернативную модель развития, соседствуют с правительствами социал-демократической ориентации и центристскими режимами.

**Современная коммуникативистика:
направленность исследований и прогноз**

1. Современное социальное пространство, характеризующееся все более возрастающими темпами процессов глобализации, включает в себя большое количество различных коммуникативных и коммуникационных рядов и процессов, оказывающих постоянное и стабильное влияние как на сами процессы глобализации и способы геополитического прогнозирования, так и на все общество в целом.

2. Проблемы коммуникации как онтологической реальности на протяжении многих веков интересовали исследователей человека и общества, однако поистине злободневной эта проблематика стала в эпоху информационного общества, когда коммуникативные процессы вплотную вплелись в структуру современного общества, оказывая на его развитие и функционирование все возрастающее влияние.

3. Таким образом, коммуникация как социальный феномен достигла своих зрелых форм, но теория, описывающая и объясняющая этот феномен, а также прогнозирующая его будущее, на сегодняшний день находится всего лишь на стадии формирования и не в состоянии отразить процесс современной социальной коммуникации в формах, адекватных уровню ее развития.

4. Исходя из вышесказанного, представляется возможным сделать вывод о необходимости разработки философских оснований современной коммуникативистики, а также о социально-философском осмыслении места и роли коммуникативных и коммуникационных рядов и процессов в современном глобализирующемся пространстве.

5. Для решения данной задачи представляется необходимым научное осмысление самой коммуникации с целью выявления ее глубинной сущности и ее содержания, а также соотнесение их с формами и способами существования коммуникации; необходим детальный анализ структуры как самой коммуникации, так и отдельных коммуникативных рядов и актов, их включенности в процесс социальной деятельности, выявление субъектов, мотивов и условий осуществления коммуникации.

Политическая нестабильность как фактор политического прогнозирования и планирования

Повышение роли теоретического знания в сфере политического и геополитического планирования и прогнозирования — тенденция, которая доминирует в условиях нестабильности, характерной для эпохи глобализирующегося мира, поскольку за политическими процессами, изменяющими политическую карту мира и соотношение сил на политической сцене, все чаще открываются не только внутренние закономерности исторического развития, но и конкретные политические планы и проекты, основанные на теоретических разработках и идеологических допущениях. По этой причине перспективы устойчивого и безопасного развития мира, регионов и отдельных стран напрямую зависят, с одной стороны, от объективной аналитической оценки ситуации, что предполагает концептуальную реконструкцию реализованных проектов, а с другой стороны, от теоретического обоснования стратегических планов и прогнозов.

В условиях нестабильности новые задачи встают не только перед политиками, принимающими решения, но и перед научным сообществом, включенным в процесс подготовки решений и научно-аналитическое обеспечение государственной политики, что существенно повышает социальную значимость темы диссертационного исследования. Главное противоречие заключается в том, что в периоды социальных потрясений и кризисов, масштабных антропо- и техногенных катастроф глобального масштаба именно от науки и от политической теории в частности ожидают исполнения роли оракула, призванного с максимальной достоверностью спрогнозировать возможные бедствия, предложить своевременные решения и сценарные прогнозы. Однако эти ожидания далеко не всегда являются обоснованными, так как по мере усиления нестабильности существенно сужаются эвристические возможности самого прогнозирования, а цена прогностической погрешности или ошибки резко возрастает.

Особый интерес представляет предположение о том, что становление теории и методологии политического прогнозирования и планирования осложнено рядом трудно-разрешимых противоречий, среди которых следует выделить закрытый характер наиболее важных и ответственных сфер политического планирования и прогнозирования, хотя эффективность самих политических проектов зависит от уровня их социальной поддержки, т.е. открытости и доступности. Судя по всему, существует прямая зависимость между влиятельностью политического актора и той ролью, которую играет теория и практика политического планирования в жизни государства и гражданского общества, поскольку наличие и качество ресурсов — политических, человеческих, природных, а также степень контроля за ресурсами предопределяют реалистичность политических планов и программ. Таким образом, для влиятельных акторов первично планирование, и напротив: дефицит ресурсов заставляет делать ставку на прогнозирование ситуации, и уже на основе этого анализа строить планы.

Прогностическая функция политической философии: границы и возможности

Построение научно обоснованного прогноза будущего, дающего возможность структурировать жизнь общества и избежать потенциальных ловушек на пути прогресса в эпоху модерна, как представлялось, превратилось из утопии в научно обоснованную реальность. Эпохальные прожекты будущего базировались на идеологии подчинения хода истории научно выведенным закономерностям, которые могут и должны определять вектор развития. Европейские мыслители предложили «точную» научную парадигму с указанием «точек роста», движущих сил и конечного пункта назначения движения мира. Как известно, XX век и наступившее «сегодня» продемонстрировало, что человек на данный момент не только не может дать четкий ответ о плане будущего, но и не совсем понимает, в каком настоящем он живет. Политические, экономические, социальные кризисы, техногенные катастрофы, происходящие с пугающей постоянностью, наводят на размышление о том, что «шок будущего» трансформировался в «шок настоящего».

Прогнозирование в технологической и, в определенной степени, экономической сфере удавалось, поскольку существуют достаточно четко отработанные на практике методики. Построение же действенной прогностической модели в рамках политической философии и споспешествующих ей наук наталкивается на ряд серьезных концептуальных проблем. Во-первых, это методологическая проблема: что послужит основанием прогноза будущего? Применение различных методик приводит к построению подчас взаимоисключающих прогнозов будущего — от «политической пустоты и скуки» и «наслаждения самим собой» постисторического существования до кошмара «столкновения цивилизаций» или невнятного «шока будущего». Во-вторых, какова точка отсчета построения прогностической модели: то ли это интенции настоящего, то ли результат прошлого?

В-третьих, существует проблема влияния самого эксперта и его предпочтений на осуществление прогноза, в результате чего, по словам Гегеля, «вместо неба истины можно овладеть облаками заблуждения».

Расторгуев В.Н.

профессор философского факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, д. филос.н., проф.

Евразийское завтра: прогнозы Константина Леонтьева и Александра Панарина

Мировоззренческую позицию нашего выдающегося современника А.С. Панарина так же трудно определить, как и позицию одного из самобытнейших мыслителей России — К.Н. Леонтьева, если пользоваться существующими классификациями и, прежде всего, той «картой политических и идеологических идентичностей», где правое постоянно называют левым, а левое правым. Искать логику в этой карте не следует, т. к. ее составили не академические ученые и даже не идеологи, а политтехнологи, ориентированные только на политическую конъюнктуру. Причина затруднения с политической идентификацией Леонтьева и Панарина — тот факт, что они сделали предметом критики не отдельные политические идеологии, а саму систему «великих учений» с соответствующими оценками каждой из идеологий — от взглядов доморощенных либералов и социалистов вкупе с коммунистами до «племенных националистов», страдающих, по выражению Леонтьева, «патриотическим ослеплением». Никто из тех, кто предан какой-то великой политической идее, не рискнет прилюдно повторить уничижающие оценки, если они касаются их собственных убеждений, зачастую действительно пострадавших и глубоких.

Но людей, не зараженных политической идеологией, сегодня, как и столетие назад, немного, а если таковые и есть (особенно среди новых поколений, прошедших школу индоктринации в эпоху «безыдейной конституции»), то они чаще всего глухи к политике и политической философии. Если же говорить о традиционалистах — представителях старших поколений, по каким-то причинам не подпадавших под власть тех или иных идеологий, то они, как выражался Панарин, «на подозрении у правящего класса». Более того, после мировой войны и затяжной холодной войны в обществе принято более уважительно относиться к идейным врагам и даже космополитам и предателям (тем, кто продавал страну «по убеждениям»), чем к так называемым безыдейным людям: если враг предскажем, то поведение независимо мыслящего человека не укладывается в шаблон.

Леонтьев и Панарин принадлежат к кругу людей просвещенных. О них можно говорить в настоящем времени, как и обо всех настоящих, то есть подлинных мыслителях, просвещенных и в плане личной интеллектуальной свободы, как чаще всего трактуется просвещение светское, и в духовном плане. Они были носителями Христова просвещения, когда слово «просвещение» пишется с маленькой буквы, ибо главное здесь — Источник света, а не гордыня просветителей. Сопоставление их воззрений представляется остроактуальным сегодня, если иметь в виду программную политическую заявку, способную стать долгосрочным политическим курсом России. Речь идет не только о Евразийском проекте для России (среди его предтеч называют Леонтьева, а среди современных евразийцев — прежде всего Панарина), но и о том, останется ли само имя «Россия» на карте мира после того, как Евразийский проект будет реализован. А здесь все зависит не от большой идеи, даже если она основана на добрых и чистых намерениях, а от деталей. Ответ на вопрос о том, насколько жизнеспособны Евразийский и связанный с ним так называемый Славянский проекты, в настоящее время зависит от многих факторов. Среди них — успешность реализации интеграционных программ ЕС, важным этнокультурным сегментом которого стали восточнославянские народы, способность Европы устоять под натиском дехристианизации, а также динамика развития и «политический вес» России, привлекательность ее социальной и политической системы. В настоящее время «славянский вектор» внешней политики России плохо просматривается. Еще более важным фактором будут отношения между объединенной Европой и разделенной Россией.

Самоконтроль в прогностической деятельности и управление рисками

Интерес к исследованию функций контроля и самоконтроля в политологических исследованиях вызван повышением уровня угроз в обществе риска и потребностью выработать надежную методологию управления политическими рисками в процессе стратегического прогнозирования и планирования. Особого внимания с точки зрения политологии заслуживает и тот факт, что постоянно совершенствующиеся технологии контроля или самоконтроля могут в определенных условиях использоваться в качестве средства манипуляции сознанием, своеобразного оружия подавления воли и самостоятельности. Из этого следует, что контроль и самоконтроль сами нуждаются в особых формах контроля со стороны общества. В данном случае речь идет не только о границах вмешательства в личную жизнь человека, которые становятся весьма условными в процессе совершенствования информационных технологий, но о рисках иного рода, связанных с новыми возможностями экспериментирования над человеческой природой.

В качестве примера рисков такого типа, которые учитываются в ходе прогностической деятельности, можно назвать контроль за рождаемостью. По мнению известного немецкого философа и политолога Ю. Хабермаса, контроль и самоконтроль в этом случае сами становятся разновидностью чрезмерного социального риска, поскольку именно отсутствие самоконтроля и случайности служат необходимыми условиями принципиально эгалитарной природы межличностных отношений. Как только взрослые начнут рассматривать генетические характеристики детей как продукт, выстраивая подходящий проект, они приобретают власть, которая доступна только над вещами, но не над лицами.

Более широкие обобщения делает И. Пригожин. По его мнению, смысл тех изменений, которые произошли в интересующем нас плане в отношениях человека к природе, заключается в необходимости переосмыслить право контроля человека над природой. Если «в детерминистском мире природа поддается полному контролю со стороны человека, представляя собой инертный объект его желаний», то самой природе присуща нестабильность. Следовательно, «человек просто обязан более осторожно и деликатно относиться к окружающему его миру, — хотя бы из-за неспособности однозначно предсказывать то, что произойдет в будущем»¹. Вывод, который делает Пригожин на основании своих предположений, заставляет переосмыслить многие мировоззренческие позиции, поскольку идея нестабильности высвечивает контуры новой рациональности. «Эта идея кладет конец претензиям на абсолютный контроль над какой-либо сферой реальности, кладет конец любым возможным мечтаниям об абсолютно контролируемом обществе. Реальность вообще не контролируема в смысле, который был провозглашен прежней наукой»².

¹ Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 48.

² Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 50.

Философия войны и методы прогностической аналитики

Философия войны как ответвление политической философии зародилась в начале XIX века. Это событие по времени совпало с появлением массовых армий и институционализацией органов управления и планирования военных действий. Появление генеральных штабов повлекло за собой необходимость формализации процесса подготовки к войне и военным действиям. Это предполагало планирование, основанное на предвидении возможности возникновения, масштаба, характера войны напряженности боевых действий. Военные могли в области прогнозирования предусмотреть только прикладные стороны, но этого было недостаточно для того, чтобы осуществлять долгосрочное перспективное прогнозирование. Его необходимость ощущалась не столько политическим руководством стран, потенциально способных стать субъектами военно-политических кризисов, сколько военными, ощущавшими ущербность существовавших в тот период взглядов на ведение войны. Одним из первых, кто заявил о необходимости создания новой науки о войне, был маркиз Жорж де Шамбре, участник наполеоновской кампании 1812 г. генерал артиллерии, опубликовавший в 1828 году книгу, озаглавленную «Философия войны». Эту тему развивали также К. Клаузевиц, Р. Анри, С.Р. Штейнметц, М.И. Драгомиров, Ж. Лагоржет, Э. Лавис, Ш. Летурно, Я.А. Новиков, А. Рамбо, А.А. Керсновский, А.Е. Снесарев и др. В работах этих авторов в той или иной степени рассматривались прогностические возможности философии войны. В этом отношении представляет интерес работа С.Р. Штейнметца «Философия войны», где он пытается проанализировать тенденции развития войн. Он предполагает в будущем «замену войн между государствами влиянием свободных союзов», усиление «железного закона всевозрастающего военного бюджета», «ослабление воинственного духа» и другие тенденции в области будущих войн и военной политики государств.

Позитивизм попытался отнять у философии право на предсказание возможных путей развития человека и общества. Вытеснение «философии войны» «социологией войны» оказалось непродолжительным.

Перспективы политической идентификации в глобальном сообществе

Актуальность проблемы политического самоопределения обосновывается необходимостью поиска базиса для установки субъективной или субъектной политической позиции, для выработки механизмов адекватного позиционирования по отношению к постоянно изменяющейся политической ситуации, что, в свою очередь, может послужить основой для дальнейших теоретических и практических исследований политических отношений.

Политическая идентификация — процесс рефлексии, в ходе которого индивид воспринимает и анализирует окружающую политическую действительность, формирует свои политические убеждения, причисляет себя к той или иной социальной группе, цели и интересы которой воспринимаются им как свои собственные. «Социокультурный смысл политического самоопределения заключается в формировании или выборе субъектом определенной социальной ценностно-ориентированной модели поведения, с которой бы соотносились и оценивались все дальнейшие действия»¹.

Сменяются эпохи и парадигмы, однако для личности на протяжении множества веков является притягательной возможность самостоятельного творческого формирования политических предпочтений и взглядов. Идеал свободы мнения и сейчас активно прививается гражданам большинства так называемых демократических государств. Какой же смысл вкладывают в данную концепцию власть имущие или силы, стремящиеся обрести власть?

На поверку лозунги о возможности свободного политического самоопределения мало что значат. Ведь любая политическая сила ставит своей целью рекрутировать в свои ряды максимально большое количество сторонников, а значит, использует механизмы экономического, психологического, идеологического, культурного и так далее давления на индифферентные или сомневающиеся массы. О какой же свободе волеизъявления тогда можно говорить?

---

¹ *Петрик А.Н.* Политическое самоопределение: методологический анализ : диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.01. Екатеринбург, 2003. С. 4.

Проблемы прогнозирования будущего политических режимов

1. Категория «политический режим» выражает стремление исследователей найти ответ на вопросы о том, кто и как, какими способами фактически управляет конкретным социумом. Если близкая к ней категория «форма правления» отражает в большей степени формально-юридическую сторону распределения властных полномочий, то категория «политический режим» отражает реально-политические способы осуществления власти в конкретном обществе. В рамках одной и той же формы правления могут фактически сменять один другой различные политические режимы.

2. Политический режим как совокупность характерных способов осуществления власти образует такую сторону политической жизни, которая ощущается в жизни каждого гражданина, влияет на его социальные и политические настроения, а также на возможности развития общества. Этим определяется важность прогнозирования будущего политических режимов.

3. Ныне, когда большинство государств мира ставит задачи развития или формирования политического режима демократии, прогнозирование в этой области обретает в большинстве случаев форму прогнозирования будущего демократии.

4. В условиях глобализации, с одной стороны, демократия как образ политического режима обретает небывалую прежде популярность. Информационная революция создает для развития демократии, в том числе в «полупрямых» формах, огромные возможности. С другой же стороны, в этих условиях возникают новые угрозы и вызовы демократии, связанные с ослаблением института государства, развитием средств манипулирования сознанием, нарастанием угроз международного терроризма и т. п.

5. Представляется, что развитие демократии в этих условиях все же возможно, однако она будет действенной лишь в том случае, если будет развиваться не только на национальных или субнациональных, но и на наднациональных и транснациональных уровнях, а также будет опираться на соответствующую волю и активные усилия граждан и организаций гражданского общества на всех уровнях, где осуществляется реальная власть.

Пределы воздействия высоких технологий на глобальное прогнозирование

Современное все ускоряющееся развитие техногенной цивилизации резко обостряет проблему социализации и формирования личности. Традиционные семейно-нравственные ценности постепенно замещаются «общечеловеческими» (большей частью виртуальными), едиными для пока еще миллионов людей, но уже на разных континентах. Связи человека становятся все более спорадическими, а сам человек все более обособляется в семье и обществе, становясь менее защищенным и более управляемым. Эти обстоятельства с необходимостью породили новые способы психологического и информационного воздействия на индивида от рекламных кампаний до информационных войн. Подобная эволюция происходит и в военном деле с появлением новых видов противоборств от кибервойн до сетецентрических войн с их «геоцентрической ситуационной осведомленностью» (Space Situational Awareness).

Геонормные, наномедицинские, наноинженерные, информационно-медийные технологии в самое ближайшее время должны привести к возможностям подключения к мозгу дополнительных устройств и средств, расширяющих базовые физические возможности, такие как память, зрение, осязание и т.д. В перспективе возможны человеко-машинные образования, где личность человека будет находиться в электронной форме, что, по существу, даст возможность реального физического бессмертия избранным элитам в «постчеловеческом» обличье с хорошо прогнозируемой философией.

Очевидно, что в современной культуре (культуре Моря) набирает обороты конфликт между духовным и техническим; что развитие высоких технологий не сопровождается адекватным прогрессом этики и нравственности.

Непрерывно меняющая свой облик техногенная цивилизация, завоевывающая новейшими гаджетами все новые и новые души аборигенов Континента, есть одна из форм экспансии Моря на Континент, новая форма *вызова*. Прогнозирование *ответа* требует творческого осмысления наследия А.С. Панарина.

**Феномен «отмирания государства» в интерпретации
И. Валлерстайна, М. Хардта и А. Негри**

Предлагается сравнение взглядов исследователей, которых (с некоторыми оговорками) можно отнести к одному идейному течению — современному марксизму. Согласно воззрениям И. Валлерстайна, капиталисты заинтересованы в государстве, так как оно препятствует возникновению свободного рынка, способно создать инфраструктуру, компенсирует вред, нанесенный предпринимателями объектам, которые им не принадлежат. К тому же оно является основным покупателем на национальном рынке, смягчает недовольство путем перераспределения прибавочной стоимости, а суверенитет государств выступает опорой капиталистической мир-экономики. В то же самое время в современном мире уменьшаются возможности для извлечения прибавочной стоимости в сфере производства, вследствие чего крупные предприниматели концентрируются на международной системе распределения, посреднических функциях в мировой экономике. Все это способно ослабить или даже разорвать их связи с конкретными государствами стран «центра». Помимо этого, государства утрачивают свое влияние в силу утраты легитимности режимов, которая ослабевает по мере того, как народы теряют надежду на улучшение своего положения.

Хардт и Негри исходят из того, что государства сохраняют немалое значение как необходимое условие господства корпораций (в этом их позиция сходна с точкой зрения И. Валлерстайна). При этом отсутствие глобального правительства объясняется трансформацией производства и власти в биопроизводство и биовласть (см. М. Фуко), что создает новый «имперский» порядок, основывающийся на преобладании нематериального труда. Будучи владельцем средств биополитического производства и осуществляя функции биовласти, капитал превращается в «правительство для себя». За государством сохраняются лишь функции поддержания правопорядка, исполнения некоторого количества социальных гарантий. Несмотря на то, что Хардт и Негри не говорят прямо о «смерти государства», они фиксируют и обосновывают существенное снижение его роли в современном мире.

Более детальное сравнение воззрений И. Валлерстайна, М. Хардта и А. Негри позволяет сделать вывод о том, что причина совпадения их взглядов заключается не столько в схожести изначальных позиций и особенностях методологии, сколько в самом объекте исследования.